

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русского языка

О.А. Григорьева

**ИСТОРИЯ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(СЛОВАРИ И ГРАММАТИКИ XV–XIX вв.)**

Хрестоматия

Бишкек 2016

УДК 80 (076.6)

Г 83

Рецензент:

К.С. Караханиди канд. филол. наук

Рекомендовано к изданию кафедрой русского языка КРСУ

Григорьева О.А.

Г 83 ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(СЛОВАРИ И ГРАММАТИКИ XV–XIX вв.): Хрестоматия. Бишкек: КРСУ, 2016. 148 с.

В издании собраны основные филологические памятники русского литературного языка, написанные на территориях России, Украины и Белоруссии в XV–XIX вв. Тексты, представляющие собой фрагменты из грамматик и словарей, сопровождаются комментариями.

Приводятся краткие теоретические сведения по истории русской графики и орфографии, дается также исторический комментарий в области возникновения славянского письма.

Хрестоматия рассчитана на студентов бакалавриата, изучающих древнерусский язык и литературу, старославянский, латинский языки и историю русского литературного языка.

ВВЕДЕНИЕ

История русского литературного языка (далее ИРЛЯ) – обязательная дисциплина, которая читается на старших курсах у студентов-филологов. Она позволяет не только лучше понять особенности функционирования современного русского языка, но и объяснить его стилевую дифференциацию, раскрыть возможности его выразительных средств, способствует более глубокому постижению совершенства русской литературы.

Данный курс относится вместе со стилистикой и лингвистическим анализом текста к числу дисциплин, изучающих употребление языка, в отличие от других лингвистических дисциплин, предметом изучения которых является внутренний строй языка (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис).

Известно, что язык как объект наблюдения представлен в текстах. Дисциплины, изучающие строй языка, выделяют из текстов языковые единицы, распределяют их по ярусам, которые располагаются в иерархическом порядке, и рассматривают взаимоотношения между языковыми единицами в пределах соответствующего яруса. Дисциплины, изучающие употребление языка, рассматривают текст как феномен языковой реальности, представляющий собой организованную последовательность языковых единиц разных ярусов. В связи с этим выявляются взаимосвязи языковых единиц разных уровней, т. е. мы рассматриваем соединение отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое. На основе лингвистической типологии текстов выявляются и описываются подсистемы, формы существования, стили языка.

ИРЛЯ рассматривает свой объект – русский литературный язык – в его историческом развитии на уровнях текста и языка как системы подсистем. Чтобы язык мог считаться литературным, он должен соответствовать определенным критериям:

- у языка должна быть письменность;
- наличие печатных текстов;
- функциональная стилистическая дифференциация языка;
- языковые нормы.

Литературный язык подлежит кодификации, т. е. закреплению конкретных языковых норм на каждом языковом ярусе, которые отражены в словарях, учебниках, различных грамматиках.

Русский литературный язык начинает служить объектом научного изучения примерно с XVI в., когда появляются первые филологические труды в области изучения структуры самого языка и всех его языковых ярусов. Хронологически – это период Московского государства, когда, в соответствии с общепризнанной в XX в. лингвистической концепцией, уже произошел распад единой восточнославянской народности, просуществовавшей до XV в. на территории Киевского государства, на три самостоятельных близкородственных народа. Расподобление на три языка бывшего ранее единого древнерусского языка определило необходимость научных разысканий на территориях великороссов, белорусов, малороссов, например, филологические разыскания Памво Беринды, Сковороды, Лаврентия Зизания и др., которые выявляли особенности стилистической стратификации и внутри-ярусного развития каждого из трех восточнославянских языков.

Цель данного научного пособия – систематизировать знания, полученные студентами при изучении латинского, старославянского, русского литературного языков и исторической грамматики основного языка. Для этого в заключительном (VI) семестре целесообразно проработать совместно с преподавателем филологические труды, которые явились основой для начала изучения и теоретического описания внутренней структуры русского языка и его функционирования в обществе.

В хрестоматии собраны наиболее известные грамматики, словари, которые были изданы на территории проживания восточных славян с XVII до XIX вв. Для сравнения структуры данных работ, с имеющимися в то время аналогичными сочинениями в области других, уже изученных языках, включена грамматика Доната Элия, которая систематизирует знания внутреннего устройства латинского языка.

Особенность учебного пособия в том, что имеющиеся хрестоматии по ИРЛЯ включают в себя эти тексты не изолирован-

но от художественных, а в соответствии с хронологией изучения языковой системы и литературного процесса.

Собранные в хрестоматии тексты представлены как на кириллической азбуке, так и в адаптированном графическом виде, что облегчает их чтение.

Составитель О. А. Григорьева

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОРФОГРАФИИ И ПУНКТУАЦИИ У СЛАВЯН

В настоящее время церковнославянский язык – это язык богослужения у православных славян, т. е. у русских, украинцев, белорусов, болгар, македонцев, сербов. Этот язык сложился давно, в IX в., он является общим достоянием всего православного славянства и в течение многих столетий был основой религиозных и культурных связей разных славянских народов. В средние века церковнославянский язык был не только богослужебным, на нем писалось все то, что связывалось с религиозными ценностями; поскольку же вся средневековая литература имела религиозный характер, церковнославянский язык был языком всей культуры в целом. Славяне читали на нем Библию, на церковнославянский переводились сочинения греческих и латинских богословов и учителей монашеской жизни, византийские исторические и научные сочинения, на нем писались поучения, жития святых, летописи. Эти произведения переходили из одной славянской области в другую, переписывались, изменялись, приспосабливались к новым условиям, они были основой духовной жизни славян и их взаимного общения.

Возникновение церковнославянского языка связано с именами славянских апостолов, святых Кирилла и Мефодия. Как рассказывается в Житии св. Кирилла, Бог дал св. Кириллу славянские книги, чтобы и славяне «были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке». Утвердить славянскую письменность как особую религиозную традицию, существующую наравне с греческой и латинской, было очень трудным делом. Св. Кирилл и Мефодий с 863 г. создавали славянское богослужение и славянскую церковную литературу в Великой Моравии и Паннонии, славянских государствах, расположенных на территории современных Чехии, Словакии и Венгрии. В церковном отношении эта область подчинялась Риму, и именно от римского папы Адриана св. Кирилл и Мефодий получили благословение на свою деятельность. Св. Кирилл скончался в Риме, а св. Мефодия папа Адриан поставил архиепископом «всем зем-

лям славянским» (как сказано в Житии Мефодия). Но у их дела было много противников. Мефодия преследовали, его учеников изгнали из Моравии. К тому времени Моравия не была единственным славянским христианским государством. В 864 г. при царе Борисе христианство приняла Болгария, в церковном отношении подчинявшаяся Константинополю, и ученики Мефодия перенесли свою деятельность в эту страну.

В Болгарии при царях Борисе (852–888) и Симеоне (888–927) церковнославянская книжность переживает свой первый расцвет. В дополнение к библейским и богослужебным книгам, переведенным Мефодием и его учениками в Моравии, переводится с греческого множество книг и появляются разнообразные оригинальные произведения. Славянская книжность занимает свое место в ряду мировых литературных традиций. Те новые славянские государства, которые возникают в это время и принимают христианство, естественно, продолжают это развитие. Так случилось в Сербии в XI–XII вв. То же самое происходило и в Киевской Руси. После официального принятия христианства в 988 г. на Руси утверждается и славянское богослужение, и славянская книжность. Не совсем исчезает церковнославянская литературная традиция и у тех славян, которые находились в церковном подчинении у Рима. Церковнославянским продолжают пользоваться в Чехии (до конца XI в.) и в Хорватии. Все эти области находились в общении друг с другом (разделение церквей – на православную и католическую – происходит только в 1054 г.), взаимодействие имело место и в сфере литературы, и в сфере языка.

Не менее существенными были трудности внутренние. Когда говорят, что церковнославянский язык создали св. Кирилл и Мефодий, имеется в виду именно преодоление этих трудностей. Конечно, они не выдумали этот язык, а приспособили славянскую речь к выражению тех понятий и представлений, которые диктовало христианское учение. Это, бесспорно, требовало огромной работы. Кирилл и Мефодий были греками, они родились в греческом городе Солуни (Фессалоники) в IX в., там жило много славян, так что говорить по-славянски братья, видимо, научи-

лись еще в детстве. Но говорить и писать – это не одно и то же. Чтобы язык стал письменным и чтобы можно было перевести на него Библию и богослужение, нужно было создать письменность, т. е. славянский алфавит, приспособленный к звукам и славянской речи, нужно было найти слова, которые подходили бы для выражения христианских понятий, и нужно было, наконец, научиться строить фразы так, чтобы получалось стройное и последовательное повествование – такое же, какое было в греческих оригиналах. Над этим и трудились св. Кирилл и Мефодий.

Славянский алфавит создает св. Кирилл, этим первоначальным славянским алфавитом была глаголица. У св. Кирилла было замечательное понимание языка, придуманный им алфавит прекрасно подходил для записи того славянского говора, которым он владел: буквы соответствовали тем единицам звучащей речи, которые нужно было различать для того, чтобы не смешивались разные слова (т. е. буквы обозначали фонемы). Когда церковнославянским языком начинают пользоваться в Болгарии, глаголица заменяется кириллицей – тем церковнославянским алфавитом, которым мы сейчас пользуемся. Однако основной труд – выделение значимых звуковых единиц – был проделан св. Кириллом: рисунок букв в кириллице был другим, но система графических знаков повторяла глаголицу. Замена произошла потому, что в Болгарии и раньше записывали славянскую речь с помощью греческого алфавита (который был для этого плохо приспособлен: в нем нет букв для обозначения звуков *ш, ж, з, ц, ч* и т. д.). Славянский кириллический алфавит возник, когда взятый у греков набор букв дополнили в соответствии с глаголицей.

Кирилл и Мефодий сделали много переводов с греческого на церковнославянский. В результате этих переводов сформировался основной словарный фонд (лексика) церковнославянского языка. В это время славяне только начали осваивать христианскую культуру, и основные понятия христианской веры – достаточно абстрактные по своему характеру – не имели в их языке никакого соответствия. Когда, например, мы читаем второй член Символа веры (ВЪРУЮ ВО ЕДИНАГО ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА,

СЫНА БОЖІА, ЕДИНОРОДНАГО, ИЖЕ $\overline{\text{С}}$ ОТЦА РОЖДЕННАГО ПРЕЖДЕ ВС $\overline{\text{Ъ}}$ ХЪ В $\overline{\text{Ъ}}$ КЪ СВ $\overline{\text{Ъ}}$ ТА $\overline{\text{С}}$ СВ $\overline{\text{Ъ}}$ ТА, БОГА ИСТИННА $\overline{\text{С}}$ БОГА ИСТИННА, РОЖДЕННА, НЕСОТВОРЕННА, ЕДИНОСУЩНА ОТЦУ, ИМЖЕ ВСА БЫША), мы должны понимать, как трудно это было в первый раз сказать по-славянски. Слово ГОСПОДЬ к богу (т. е. к языческим богам) не прилагалось, а обозначало властителя, владельца; прилагательного ЕДИНОРОДНЫЙ вообще не было, оно было придумано славянскими первоучителями по греческому образцу, так же как не было прилагательного ЕДИНОСУЩНЫЙ, да и самого абстрактного понятия сущности (старослав. СЖШТИ – это действительное причастие настоящего времени женского рода от глагола БЫТИ, а слово СУЩНОСТЬ образовано от него искусственно, в процессе создания христианской терминологии). Слово В $\overline{\text{Ъ}}$ КЪ имело, возможно, значение какого-то временного отрезка, соизмеримого с человеческой жизнью (ср. на мой век хватит), но выражение ПРЕЖДЕ ВС $\overline{\text{Ъ}}$ ХЪ В $\overline{\text{Ъ}}$ КЪ никакого смысла для славян-язычников не имело. Все это нужно было придумать, и первый шаг был сделан св. Кириллом и Мефодием.

Не легче обстояло дело и с книжным синтаксисом. Когда мы сегодня учим в школе, как строится простое предложение, какими бывают сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, то часто не вполне отдаем себе отчет в том, что нас таким образом учат правильно писать, а говорим мы обычно по-другому. Но ведь мы с вами не только разговариваем, но и читаем, привыкли к письменному языку, и школьное обучение только помогает нам избавиться от не книжных оборотов, когда мы пишем сочинение или должны выступать на каком-нибудь собрании. Ясно, что при св. Кирилле и Мефодии все было по-другому: читать славянам было еще нечего, и никакой традиции логического, а не разговорного построения фразы, еще не выработалось. При этом у первых славянских переводчиков был перед глазами греческий или латинский текст, с которого они переводили. Просто перенести в славянский текст синтаксис греческого или латинского оригинала было, конечно, невозможно, хотя все эти языки были

родственными, и в синтаксисе у них было много общего. Однако можно было сохранить порядок слов, поскольку в славянском он был таким же свободным, как в древних языках, можно было найти подходящие славянские эквиваленты для греческих союзов и частиц, связывающих простые предложения в сложные. В тех же случаях, когда в разговорном языке соответствия не находилось, оставалось скопировать греческую синтаксическую конструкцию, поставив, например, на место греческого глагола в неопределенной форме славянский глагол в той же форме, на место существительного – существительное (в том же падеже) и т. д. Например, слова Христа апостолам Андрею и Петру (Мк. 1,17) переданы в славянском Евангелии так: ПРІДИТЕ ВО СЛѢДЪ МЕНЕ, И СОТВОРЮ ВАСЪ БЫТИ ЛОВЦЫ ЧЕЛОВѢКСОМЪ (Идите за мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков); и неопределенная форма БЫТИ, и падежи существительных соответствуют здесь греческому тексту, в живой же славянской речи таких конструкций не встречалось. В результате подобной переводческой работы и возник особый синтаксис книжного славянского языка, который стал употребляться не только в переводных, но и в оригинальных сочинениях.

Сформировавшийся таким образом язык был, конечно, не очень похож на ту речь, которую можно было услышать в домашнем разговоре древних славян и даже на совете их вождей. Поэтому с самого начала церковнославянский был языком книжным, отчетливо противопоставленным бытовому разговорному языку. На фоне этого основного противопоставления другие языковые различия казались не такими важными. Это относится, прежде всего, к различиям между отдельными славянскими диалектами. В IX – X вв. славянский был еще единым языком, и разные его диалекты, из которых потом развились известные нам славянские языки (русский, украинский, болгарский, сербский, чешский, польский и др.), различались между собою не больше, чем говоры, скажем, современной вологодской и современной курской деревни. Именно поэтому Кирилл и Мефодий создают церковнославянский не на основе знакомого им южнославянско-

го диалекта Солуни, а отправляются со своими книгами в Моравию, к западным славянам. Это не значит, конечно, что церковнославянский, где бы он ни употреблялся, оставался совершенно одинаковым. Отдельные местные черты он приобретал: в Моравии – моравский, в Болгарии – болгарские, в Киевской Руси – восточнославянские. Так возникали отдельные изводы (или редакции) церковнославянского. Они отличались, прежде всего, чертами фонетики и морфологии, приспособленными к особенностям данного славянского диалекта. Так, в древней Болгарии говорили и писали РОЖДЬСТВО, в древней Чехии – РОЗЬСТВО, а на Руси – РОЖЬСТВО. Имелись различия и в словаре среди тех слов, которые были не специальными книжными образованиями, а заимствовались из местной бытовой лексики. Различия, однако, не были слишком большими, так что произведения, возникшие в одной области, читались и переписывались в другой. Поэтому разные изводы церковнославянского языка влияли друг на друга, и сегодняшняя русская редакция церковнославянского вобрала в себя результаты многих веков этого развития.

Церковнославянскому языку в Древней Руси учились не так, как мы учимся сегодня. Учебники, грамматики и словари появляются только в XVII в. До этого учились так: сначала выучивались читать по складам, т. е. распознавать буквы и правильно произносить их сочетания, потом заучивались наизусть тексты – Часослов (сборник основных молитв) и Псалтирь. А понимать эти тексты надо было, основываясь на знании своего родного языка. Степень понимания поэтому могла быть разной, хорошо понимали церковнославянские тексты те, кто много читал. Как бы ни обстояло дело с пониманием, но на восприятии церковнославянского языка такая процедура обучения сказывалась вполне определенно: русский и церковнославянский понимались не как разные языки, а как разные варианты одного языка. Такое понимание отражалось и на употреблении. Во-первых, разграничивались сферы применения вариантов, т. е. книжного и некнижного: по-церковнославянски не вели бытовых разговоров, а по-русски не молились. Во-вторых, когда русский человек писал книжные

тексты, он пользовался своими знаниями родного языка, часто только переделывая на книжный лад обычные для него слова и обороты.

Были в Древней Руси и книжники-профессионалы. Они переписывали книги и трудились, в основном в скрипториях при больших монастырях и княжеских центрах. Их труд требовал особого умения, ведь у них не было никаких справочников, а текст надо было переписать правильно и исправить в нем ошибки. Это было очень важно, потому что речь шла не о каких-нибудь книжках для чтения, а о словах, которые произносились в церкви и были обращены к Богу. Неправильность в таких текстах могла обозначать неправильность в вере, потому что в восприятии древнерусских книжников неправильное слово могло соответствовать «неправильной вещи. Например, если АГГЛЪ, произносившийся как ангел, обозначал посланца Бога, то АГГЕЛЪ, произносившийся как *аггел*, обозначал посланца сатаны. Так пишется в Евангелии: «ИДИТЕ СѢ МЕНЕ, ПРОКЛАТІИ, БО ОГНЬ ВЪЧЪННІЙ, ОУГОТОВАННІЙ ДІАВОЛУ И АГГЕЛСѦМЪ ЕГѦ»" (Мф. 25, 41). Когда разговорный язык существенно изменился, так что владение книжным языком, выученным на основе разговорного, становилось все более затруднительным, стала ощущаться необходимость упорядочить книжный язык и книжную письменность на новых основаниях. Этот процесс начинается в конце XIV в.

Сначала русские книжники обращаются к южнославянским (болгарским и сербским) образцам. Они думали, что на славянском Юге язык Кирилла и Мефодия сохранился лучше и проблему правильности можно будет решить, просто аккуратно воспроизводя церковнославянские тексты, принесенные от болгар и сербов. В это время на Руси усваивается ряд черт южнославянских изводов церковнославянского: начинают ставиться надстрочные знаки (ударения и придыхания), упорядочиваются знаки препинания и написание слов под титлом, переносятся некоторые формы (например, РОЖДЕСТВО вместо РОЖЕСТВО). Однако основные проблемы на этом пути не решались. Вопрос о правильности нужно было решать самостоятельно.

В 1499 г. завершается составление полного библейского свода (всех книг Ветхого и Нового Завета), над этим трудился кружок книжников, собранных архиепископом Геннадием. Появляется так называемая Геннадиева Библия (до этого имели хождение отдельные библейские книги, не собранные воедино). Позднее она легла в основу первопечатной славянской Библии, изданной в Остроге в 1581 г., и ее московского переиздания 1663 г. Появляются первые грамматические трактаты и филологические сочинения, начинают систематически исправляться богослужебные книги. В середине XVI в. составляются Великие Четьи Минеи митрополита Макария, в которых собраны и обработаны жития святых, поучения, наставления о монашеской жизни и богословские трактаты, известные в Московской Руси в это время. Упорядочивается летописание, создается Степенная книга – большая сводная летопись, имевшая полуофициальный характер.

Вся эта работа становится особенно систематической, когда в Москве появляется книгопечатание, сначала в анонимной типографии с 1550-х гг., а с 1564 г. – в типографии Ивана Федорова (в этом году он издает свою первую книгу – Апостол). При книгопечатании книга воспроизводилась сразу в сотнях экземпляров, поэтому подготовка исправного текста становится особенно ответственным делом. Вокруг типографии складывается штат профессиональных, хорошо образованных книжников, которые занимаются подготовкой книг к печати (книжной справкой). В ходе их трудов принимает окончательные очертания московский вариант церковнославянского языка со своей нормативной орфографией и морфологией.

При систематической книжной справе неизбежно вставал вопрос: каковы должны быть основания для исправления книг? Нужно ли руководствоваться грамматическими правилами или отыскивать наилучший текст в наиболее исправных рукописях? А если обращаться к рукописям, то, как определить, какая из них наиболее исправна? От того, как решались эти вопросы, зависело очень многое. Речь шла не только о том, как писать, но и о том, как верить. Именно поэтому изменение в направлении книжной

правки при патриархе Никоне и царе Алексее Михайловиче повлекло за собой раскол Русской Церкви.

Патриарх Никон, как и его противники, хотел усовершенствовать богослужение. При этом он думал, что для исправления русских церковных книг и обрядов лучшим руководством могут быть книги и обряды, принятые на Украине, в Киеве. Его привлекало то, что в Киеве было заведено правильное учение, там была высшая духовная школа (Киево-Могилянская академия), изучали греческий язык и издавали богослужебные книги, сверяя их с греческими текстами. Поэтому во время патриарха Никона и его преемников книги в Москве издаются по украинским изданиям, которые, правда, подвергаются особому исправлению. Противники патриарха Никона, старообрядцы, думали, что у современных им греков, живших под турецким владычеством, и у украинцев, постоянно общавшихся с католиками, и книги, и обряды повреждены; они считали, что исправления нужны, но опираться они должны на собственную традицию, на русское церковное предание и древние рукописи. Поэтому у старообрядцев, не принявших реформ патриарха Никона, до сих пор сохраняется в употреблении старый московский извод церковнославянского языка. В патриаршей же церкви утверждается другой извод церковнославянского языка, возникший из соединения киевских норм с московскими в результате никоновских и послениконовских справщиков. Эти справщики брали за основу украинские издания и исправляли их, руководствуясь общими грамматическими правилами, а в отдельных случаях и греческим текстом. Так, во второй половине XVII в. были исправлены основные богослужебные книги – Служебник, Требник, Постная и Цветная Триодь, месячные служебные Минеи. В первой половине XVIII в. в соответствии с этими же нормами исправляется Библия. Завершением этого труда было издание в 1751 г. так называемой Елизаветинской Библии (напечатанной при императрице Елизавете Петровне). Таким образом, формируется новый извод церковнославянского языка, называемый синодальным церковнославянским или новоцерковнославянским. В 1685 г. Киевская митрополия подчиняется московскому патри-

арху, в первой половине XVIII в. издается ряд императорских указов, предписывающих местные издания осуществлять в точном соответствии с московскими; в результате украинский извод церковнославянского языка выходит из употребления (он сохраняется только у униатов), и новоцерковнославянский оказывается общерусским изводом.

Интернет-источник

URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/zhivov-01.htm>

Донат Элий «Краткая наука о частях речи» (вторая половина IV в.)

Дошедшие до нас сведения о Донате очень малы, известно, что он был учителем в Риме, приблизительно около 350 г. н.э. Возможно, у него было второе имя – Aelius (Элий). Оно появляется лишь в поздних манускриптах, а в ранних отсутствует. Наше знание о нем как об учителе получено, главным образом, из двух мимолетных упоминаний, сделанных его знаменитым учеником – Иеронимом (347–419/20), отцом церкви, давшим латинянам Вульгату. Иероним, цитируя слова комедиографа «все хорошее до нас уже было сказано», написал: «Мой наставник Донат, бывало, говорил такие слова: *Да сгинут те, которые все сказали раньше нас*».

В средние века преимущественно использовалась лишь часть грамматического труда Доната, которая в качестве самостоятельного трактата существовала под разными названиями. Наиболее часто встречаемый заголовок: «Донат. Краткая наука о частях речи». Полный титул точно определяет содержание трактата – рассуждение о частях речи. Со временем, заголовок приобрел более краткую форму, превратившись в употребляемое и ныне *Ars minor*, или же просто был назван по имени автора в различном написании: *Donatus* (Донат), *Dona* или *Donet*. *Ars minor* – первая часть полной Грамматики автора, состоящей из двух частей. Вторая, превышающая размером первую более чем в пять раз, известна под названием *Donati grammaticus bis Romae ars grammatica* (Донат, грамматик города Рима. Грамматическая наука) или *Ars maior*.

Некоторые выражения из *Ars grammatica* Доната схожи с изложением Диомеда (IV в.), а в последней части – также и Харисия (IV в.). Это означает, что все три автора использовали одни и те же источники. Очевидно, это ныне утраченный грамматический трактат *Ars grammatica* Реммия Палемона (перв. пол. I в.). Таким образом, *Ars minor* Доната опосредованно восходит к аналогичным работам Александрийской грамматической школы.

Трактат *Ars minor* написан в форме «вопросов» и «ответов». Это диалог ученика и учителя, в котором учитель на каждый поставленный вопрос дает подробнейший ответ, подтверждая примерами то или иное положение. Этот принцип не нарушается на протяжении всей работы. В целом, «ответы» выстраиваются в четкое и ясное изложение. Так, после перечисления восьми частей речи Донат переходит к разбору каждой в отдельности, начиная с описания «имени». Прежде всего, автором дается общее определение имени, затем обозначаются его свойства, указываются падежи, употребляемые при степенях сравнения, описываются род, число, способы составления слов. В заключении раздела Донат перечисляет все шесть падежей и дает примеры склонения пяти имен. Далее он переходит к описанию местоимений, затем – к глаголу, причастиям, остальным частям речи. Автор краток и последователен в своем изложении (отсюда и название трактата). По этим признакам трактат *Ars minor* может быть отнесен к «элементарным» грамматикам, предназначенным для начального периода обучения. Однако изложение Доната имеет свои особенности. Так, Донат не рассматривает имя числительное как часть речи; не разделяет имена существительные и прилагательные, объединяя их в одну часть речи – «имя». Кроме этого, Донат классифицирует имена не по пяти склонениям (для имен существительных) или по трем склонениям (для имен прилагательных) – что имеет место в современной морфологии, а по пяти родам – мужскому, женскому, среднему, общему двухродовому и общему трех-родовому. Что касается словообразования, то оно дано автором весьма подробно: рассмотрены пять возможных вариантов. В современной терминологии это два вида словообразования – «словосложение» и «аф-

фиксация». При демонстрации изменений окончаний при склонении имен, даны местоимения, которые являются показателем того или иного рода имени. При описании самих местоимений, Донат делит их на определенные (*finita*) и неопределенные (*infinita*), ниже выделяя еще и «менее определенные» (*minusquamfinita*). У глагола Донат выделяет шесть наклонений (изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное, неопределенное, безличное) – вместо трех, как в современной морфологии – и только три спряжения. К тому же при описании спряжений глаголов, Донат дает лишь один пример – спряжение глагола *legere* (в современной классификации, глагола третьего спряжения). Этот выбор определяется целями автора – глагол *legere* (читать) пригоден более, чем какой-нибудь другой, чтобы показать приступающему к изучению латыни, какие формы были выражением таких грамматических категорий, как «третье лицо множественного числа» или «повелительное наклонение будущего времени». Тем не менее, имея перед собой только *Ars minor*, ныне невозможно проспрягать глаголы других спряжений (или выучить четвертое или пятое склонение имен существительных), так как эта Грамматика охватывает только очень неполную часть из современной латинской флексивной морфологии.

Опишем структуру другого сочинения Доната – *Ars maior*. Эта работа состоит из трех книг. Первая книга о фонетике. Ее основные темы таковы: звуки (*uox*), буквы (*littera*), слоги (*syllaba*), стихотворные стопы (*pedes*), ударение (*tonor*), положение (*positurae*). Вторая – описывает части речи (*partes orationes*): имя (*nomen*), местоимение (*pronomen*), глагол (*uerbum*), наречие (*aduerbium*), причастие (*participium*), частица (*coniunctio*), предлог (*praepositio*), междометие (*interiectio*). В третьей книге речь идет о стилистике. Эта часть посвящена совершенствованию речи и говорит о неправильностях языка – варваризмах (*barbarismus*), солецизмах (*soloecismus*), других ошибках и неправильностях языка (*cetera uitia*), метаплазмах (*metaplasmus*), а также о риторических фигурах (*schemata*) и тропах (*tropi*).

Если сравнивать *Ars maior* и *Ars minor*, то последний труд очень похож на вторую книгу *Ars maior*, посвященную учению о частях речи. Но, как было отмечено, работа *Ars minor* написана в форме вопросов-ответов и ориентирована на обучающихся основам латинской грамматики; *Ars maior*, напротив, – в виде пространный изложения, предназначенного для тех, кто совершенствует свои знания в языке.

Грамматика Доната *Ars minor* широко использовалась в течение всех Средних веков. Это было связано с тем, что единственным способом овладеть мастерством чтения, речи и письма на латыни было изучение грамматики этого языка. По этой причине, прежде всего были необходимы именно «элементарные» грамматики, которые могли бы удовлетворить нужды обучающихся латинскому языку, как не родному. Составленная в виде диалога грамматика *Ars minor* для таких целей очень подходила. Свидетельства использования донатовской грамматики и ее широкого распространения: это и литературные ссылки на нее, и включение работы в библиотечные перечни, и повсеместные упоминания имени автора, и записи средневековых учеников. Мы не можем сказать, на каком из этапов начального обучения использовался учебник *Ars minor* в Средние века. Осваивался ли учеником материал учебника параллельно с запоминанием слов из Символа веры или псалмов, или же он тратил какое-то время только на Доната. Очевидно лишь одно, методы обучения были основаны на зубрежке. Учителя стремились передать и объяснить ученикам *Ars minor* – слово за словом и предложение за предложением, – используя для этого как уже приобретенный учениками латинский вокабуляр, так и слова их родного языка. Можно лишь догадываться о том, как велика должна была быть неприязнь к латыни, которую средневековый ученик ощущал в течение ее ежедневного и однообразного изучения, и как неутомимо было его трудолюбие и усердие – ведь у него не было текста самой грамматики, сверяясь с которым было легче припомнить забытое правило или парадигму. Но даже будь у ученика текст, в нем все равно отсутствовали многие облегчающие запоминание иллюстратив-

ные средства, которые содержатся в современных учебниках. Ни одна из дошедших до нас копий *Arts minor*, датируемая временем ранее 1500 г., не содержит даже попытки упорядочить материал в форме таблиц – во всех манускриптах текст идет строка за строкой, без разбивки на предложения. Таким образом, собственная память была единственной надеждой и опорой ученика. К тому же на латинском ученик должен был говорить и на это были направлены все его усилия. Вопросно-ответная форма изложения Доната весьма способствовала достижению намеченной цели.

В средние века правила Доната не всегда принимали безоговорочно. Отвержение могло происходить по идеологическим причинам. Например, Григорий Великий (ок. 540–604 гг.) в предисловии к проникнутым духом монашеского аскетизма Моралиям на Иова полагал, что не следует подгонять язык Библии под нормы классического языка Доната. Позже, того же мнения придерживался Годскалк (805–868 гг.), считавший, что когда речь идет о Святом Писании, Донат должен уступить Святому Духу, ведь Дух Святой – есть *Arts Artium* (Наука наук): это под его водительством написана Библия, язык которой выше правил Доната. Для других была важна не только лингвистика, но и душевная полезность обучения. Так, Грамматика Аспера очень похожа на *Arts minor* Доната, но традиционные слова-примеры из грамматических парадигм классической латыни были заменены на слова из монашеской жизни. Так, вместо *Musa* (Муза) склоняется слово *ecclesia* (церковь), а *ieiunium* (пост) заменило *scamnum* (скамья). В перечне глаголов примерами были *ieiunare* (поститься), *orare* (молиться), *legere* (читать). Сам же Аспер пишет о том, что его Грамматика более правильная, поскольку в ней даны примеры из христианской жизни. Таким образом, если упрощенность и схематичность изложения Доната отвечали запросам изменившейся системы образования, то примеры – уже не всегда.

Грамматика Доната Элия (фрагмент):

DONATI DE PARTIBVS ORATIONIS ARS MINOR

Partes orationis quot sunt? – Octo.

Quae? – Nomen, pronomen, verbum, adverbium, participium, coniunctio, praepositio, interiectio.

DE NOMINE

Nomen quid est?

– Pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterve significans.

Nomini quot accidunt? – Sex.

Quae? – Qualitas comparatio genus numerus figura casus.

Qualitas nominum in quo est?

– Bipertita est: aut enim unius nomen est et proprium dicitur, aut multorum et appellativum.

Comparationis gradus quot sunt? – Tres.

Qui? – Positivus, ut doctus, comparativus, ut doctior, superlativus, ut doctissimus.

Quae nomina comparantur?

– Appellativa dumtaxat qualitatem aut quantitatem significantia.

Comparativus gradus cui casui servit?

– Ablativo sine praepositione: dicimus enim 'doctior illo'.

Superlativus cui? – Genetivo tantum plurali: dicimus enim 'doctissimus poetarum'.

Genera nominum quot sunt? – Quattuor.

Quae?

– Masculinum, ut hic magister, femininum, ut haec Musa, neutrum, ut hoc scamnum, commune, ut hic et haec sacerdos. Est praeterea trium generum, quod omne dicitur, ut hic ethaec et hoc felix; est epicoenon, id est promiscuum, ut passer, quila.

Numeri nominum quot sunt? – Duo.

Qui? – Singularis, ut hic magister, pluralis, ut hi magistri.

Figurae nominum quot sunt? – Duae.

Quae? – Simplex, ut decens, potens; composita, ut indecens, inpotens.

МАЛАЯ ГРАММАТИКА. О ЧАСТЯХ РЕЧИ (перевод):

Сколько существует частей речи? – Восемь.

Какие? – Имя (*nomen*), местоимение (*pronomen*), глагол (*verbum*), наречие (*adverbium*), причастие (*participium*), союз (*coniunctio*), предлог (*praepositio*), междометие (*interiectio*).

ОБ ИМЕНИ

– Что такое имя? – Часть речи, которая с помощью падежа обозначает предмет или явление обособленно или как общее понятие (*proprie communiterve*)

– Сколько характеристик у имени? – Шесть.

– Какие? – Качество (*qualitas*), сравнение (*comparatio*), род (*genus*), число (*numerus*), форма (*figura*), падеж (*casus*).

– В чем состоит качество имен? – Оно двояко: ведь считают, что имя одного является собственным (*proprium*), а многих – нарицательным (*appellativum*).

– Сколько есть степеней сравнения? – Три.

– Какие? – Положительная (*positivus*), например, *dictus*, сравнительная (*comparativus*), например, *dictior*, превосходная (*superlativus*), например, *doctissimus*.

– Какие имена допускают сравнение? – Наричательные, поскольку они выражают качество и количество.

– С каким падежом согласуется сравнительная степень? – С аблативом без предлога: ведь мы говорим *doctior illo*.

– А превосходная? – Только с генетивом множественного числа: ведь мы говорим *doctissimus poetarum*.

– Сколько родов у имен? – Четыре.

– Какие? – Мужской, например, *hic magister*; женский, например, *haec Musa*; средний, например, *hoc scamnum*; общий (*commune*), например, *hic* и *haec sacerdos*. Имеется, кроме того, и [общий для] трех родов, который называется единый (*omne*), например, *hic* и *haec* и *hoc felix*. Есть также эпикен, то есть смешанный род, например, *passer, aquila*.

– Сколько чисел у имен? – Два.

– Какие? – Единственное (*singularis*), например, *hic magister*, и множественное (*pluralis*), например, *hi magistri*.

- Сколько форм у имен? – Две.
- Какие? – Простая, например, *decens*, *potens*, и составная, например, *indecens*, *impotens*.

Литература

Линдсей В.М. Краткая историческая грамматика латинского языка / пер. Ф.А. Петровского М.: изд-во литературы на иностранных языках, 1948.

Соболевский С.И. Грамматика латинского языка. М.: Учпедгиз, 1938.

Эрну А. Историческая морфология латинского языка / пер. М.А. Бородиной; под ред. И.М. Тронского М.: изд-во иностранной литературы, 1950.

Интернет-источники:

URL:<http://krotov.info/acts/04/2/1999petr.html>

URL:<http://simposium.ru/tu/node/1143>

Константин Костенечский «Сказание о письменах» (~1426)

Родившийся в г. Костенец в пределах Тырновской Болгарии, вероятно, в начале 90-х гг. XIV в., Константин получает первоначальное образование в Бачковском монастыре Богородицы Петричской под руководством некоего Андроника – одного из учеников патриарха Евфимия Тырновского. По всей видимости, это обучение происходит в монастырской школе при келлии св. Николая, призванной готовить для монастыря священнослужителей. В силу неизвестных причин, Константин, пройдя курс обучения, не принимает сан иеромонаха и покидает обитель, оставаясь, как полагает большинство исследователей, мирянином до конца своей жизни. Затем он, возможно, исполняет некую службу при Филиппопольской Пловдивской митрополии. Однако уже в конце 1410 – начале 1413 гг. он вынужден бежать из Болгарии, ставшей ареной междоусобной войны сыновей султана Бая-зида I. Костенечский находит приют в Сербии, в которой ее князь Стефан

Лазаревич возвращает к этому времени фактическую независимость и обеспечивает продолжительную мирную передышку, во всяком случае, от нападений османов, что, в свою очередь, благоприятствует восстановлению ее экономики и сохранению традиций культуры предшествующего столетия.

Со времени своего появления в Сербии Константин неизменно пользуется покровительством Стефана Лазаревича, благодаря которому получает возможность продолжить свое образование при Сербской Патриархии, а затем даже совершить паломничество в св. Землю. По возвращении, Костенечский, обосновавшийся в Белграде, по всей вероятности, при дворе князя, занимается переводами с греческого и преподаванием «в письменех», т. е. основ церковнославянской письменности, подобно своему учителю Андронику Бачковскому.

В то же время Константин включается в полемику, связанную с «исправлением» церковно-богослужебных книг, осуществившимся с середины XIV в. на Афоне и собственно в Болгарии и Сербии. Не довольствуясь устными выступлениями, он, вероятно, в 1424–26 гг., «изъявляет» Стефану Лазаревичу «Сказание о письменех». В нем Костенечский не только изобличает перед правителем одиннадцать «развращений», имеющих, по его мнению, место в сербской церковнославянской письменности, но и предлагает целую программу мер по исправлению создавшегося положения, стремясь заручиться поддержкой Стефана Лазаревича. Главной из этих мер должно было бы стать введение своеобразной цензуры со стороны церковных при поддержке светских властей над переписыванием церковно-богослужебных книг, которое надлежало доверить только искушенным в книжном деле лицам, прошедшим через то «*доброе учение в письменех*», «идеальная» программа которого излагается в XVIII–XXIV главах «Сказания».

Вопрос о степени воздействия устных выступлений Константина Костенечского и, особенно, «Сказания о письменех» на сербскую церковнославянскую письменность, в целом, и на формирование в ней так называемой ресавской орфографии, в частности продол-

жает оставаться дискуссионным. Костенечский не был создателем и единственным распространителем ресавской орфографии. Наоборот, сами его «идеальные» орфографические нормы, провозглашенные им в «Сказании о письменах», были им разработаны на основе ресавских. Он выступал как завершитель, кодификатор предшествующей эволюции, нежели как ее инициатор. Причем кодификатор не вполне удачливый, так как вопреки его предложениям орфографический «типик» ему заказан не был, «орфографическая цензура» в Сербии введена не была, а сама ресавская орфография, хотя и приобрела самое широкое распространение, в том числе и на собственно болгарских землях, так никогда и не достигла абсолютного преобладания.

В то же время выступление Константина Костенечского, потерпев неудачу в прагматическом аспекте, достигло выдающегося успеха в аспекте теоретическом. Высказанные Константином взгляды на природу, предназначение и ценность церковнославянской письменности до такой степени оказались согласны с собственными представлениями его "аудитории" об этом предмете, что позволили ему не только сохранить расположение князя Стефана, но и приобрести репутацию авторитетного эксперта по вопросам церковнославянской письменности. В свою очередь, благодаря этой репутации, в 1427 г., после смерти Стефана Лазаревича, патриарх Никон и «прочие избранные» поручили ему составить его житие. Оно также сделало Константина известным для книжников следующих поколений под именем «Философа Костенечского и Учителя Сербского между тем, как сам Константин скромно именует себя там "преводникъ"».

Составление «Жития Стефана Лазаревича» в начале 30-х гг. XV в. является последним достоверным фактом биографии Константина Костенечского. На этом его следы обрываются, и о том, что с ним стало впоследствии: где он жил, чем занимался, где и когда умер ничего не известно.

Х. Гольдблатт утверждает, что Костенечский в своей интуиции, связующей воедино все его полемические выпады и конкретные орфографические рассуждения, обнаруживает себя при-

верженцем традиционных византийско-православных ценностей. Американский исследователь настаивает на том, что истинный смысл «Сказания...», как и в случае Св. Писания, скрывается на уровне «выше буквального». Что Константин при помощи специального композиционного приема, так называемого тематического ключа, указывает на тот «духовный контекст», в котором следует интерпретировать его сочинение. Усматривая тематический ключ в библейской цитате в конце Предисловия к «Сказанию...», Х. Гольдблатт утверждает, что Костенечский рассматривал свою учительную и полемическую деятельность в Сербии как некое "возобновленное апостольство", направленное на "провозглашение в Сербии Божьего Слова".

В действительности, подобные взгляды оказываются чужды не только византийско-православной традиции в целом, но и самому Константину Костенечскому, в частности. Притязаний на апостольское преемство, сохраняемое архиерейским чином и, тем более, на уравнивание своего сочинения с точки зрения происхождения, как религиозного достоинства и метода истолкования со Св. Писанием Константин не обнаруживает ни разу. Наоборот, свое выступление он оправдывает мотивами вполне традиционными. Такими, как долг верного подданного перед своим христианским и православным государем, которому он, к тому же, обязан многими благодеяниями и христианское благочестие, питаемое глубоким и очень личным чувством ответственности за сохранение в чистоте доверенной Церкви религиозной истины, сопряженным с ясным пониманием того, что мирской чин, в котором он пребывает, составляет вместе с иерархией единое Церковное Тело. Что же касается указываемой Х. Гольдблаттом библейской цитаты, то она далеко не единственная в «Сказании...». Мотивы выбора ее на роль тематического ключа сомнительны, и, скорее, она имеет локальное значение – только для самого Предисловия.

Итак, Х. Гольдблатт, стараясь "отыскать" и "отыскивая" в «Сказании...» некий сокровенный "духовный", как он его называет смысл, с одной стороны, утверждает приверженность Константина византийско-православной традиции, с другой, при-

писывает ему взгляды, решительно с этой традицией не совместимые. Таким образом, он игнорирует и тот реальный контекст, в котором «Сказание...» должно было читаться и интерпретироваться, находя полное понимание у своего высокопоставленного и высокообразованного адресата.

«Сказание о письменах» можно сравнить с вершиной своеобразного айсберга: нескольких слов, цитат, образов, которые обращает к своим высокопоставленным и высокообразованным читателям Костенечский, оказывается вполне достаточно, чтобы указать им на соответствующие компоненты традиции, которые, оставаясь не выявленными, открыто составляют, тем не менее, подлинную доктринальную основу "обличения" Константина и образуют "систему координат", в которой его следует интерпретировать. Знакомство адресатов «Сказания о письменах» с этими компонентами у его автора не вызывает сомнений. И потому он не испытывает необходимости последовательно разворачивать систему подробной доктринальной аргументации своего выступления и своих орфографических требований. Подразумевается, что это легко сделают сами его читатели, сообразуясь в своих рассуждениях с внутренними законами традиции, на которую им указывает Костенечский, и в которой они были сами воспитаны. В этом смысле Х. Гольдблатт оказывается совершенно прав: доктринальная "духовная" суть "обличения" Константина, как бы внутренний его стержень, скрепляющий его в единое целое, нужно искать не только в самом «Сказании...», но и вне. Только не в гипотетическом "*славянском тезисе о преемственности апостольства*", а в тех реальных воззрениях на природу, достоинство, предназначение и ценность церковной книжности, которые Византийская Церковь на протяжении столетий передавала своим чадам: грекам, болгарам, сербам, русским и другим обитателям византийско-православной "икумены", посредством богословской литературы, живой устной проповеди предстоятелей, гимнографии, изобразительного искусства и других "медиа" восточнохристианской культуры. Именно поэтому «Сказание о письменах» приобретает значение ценнейшего источника сведений о средне-

вековой книжной культуре православных славянских народов, в частности, и всей византийско-православной культурной общности, в целом.

«Сказание о письменах и исихазм»

Существует мнение, что сам Константин Костенечский, будучи мирянином, по всей вероятности, не имел личного опыта "исихии", хотя и был знаком не только с монашеской литературой, но и с творениями св. Григория Паламы, в которых мистические переживания исихастов получили ясное и богословски точное концептуальное выражение. Таким образом, представляется неправомерным предполагать исихастскую подоплеку учительско-полемической деятельности Константина только на том основании, что учителем его учителя «*въ писменех*» Андроника Бачковского был выдающийся исихаст Евфимий Тырновский.

Д.С. Лихачев предполагает наличие у исихастов некоей особой, отличной от общепринятой, теории письменности, которая подразумевала наличие субстанциальной связи между сущностями и их именами. Таким образом, *"слово, обозначающее священное явление, с точки зрения исихастов"* оказывалось *"так же священо, как и само явление"*, а потому требовало, безусловно, правильного написания. По мнению академика Лихачева, именно этой теорией предопределялась орфографическая требовательность Костенечского.

Концепция Р. Пиккио и Х. Гольдблата. По их мнению, Константин потому так настаивал на сбережении в целостности и сохранности букв и знаков церковнославянской письменности, что видел в них не "промежуточные символы", но "прямые манифестации Божественного присутствия, дарованные человеку по Благодати" как следствие Божественной инспирации Св. Писания. Понимаемая таким образом орфография, по необходимости, становилась неотъемлемым компонентом самой Ортодоксии.

При этом саму письменность он рассматривает как «художество», искушенность, которые находятся в пределах естественной человеческой компетенции и достигаются в ходе *«доброто*

учения» *«въ писменех»*. Следовательно, орфография выступает не как непосредственный компонент Ортодоксии, но лишь как необходимый и сам по себе религиозно-нейтральный инструмент для ее сохранения.

Принимая это во внимание, можно предположить, что орфографический ригоризм Константина Костенечского не имел источника в доктрине и практике исихастов и определялся, прежде всего, внутренними законами, своего рода «техническими стандартами», самого «художества письмен». Источником его была, если можно так выразиться, «просто» высочайшая «техническая квалификация», профессиональная компетентность в этом «художестве», которую Константин приобрел у своего учителя Андроника, а этот последний – у патриарха Евфимия Тырновского.

В творчестве, мировоззрении и жизни Константина Костенечского ценности, в течение столетий культивируемые византийско-православной традицией, занимали гораздо более важное и значительное место, чем это считалось до сих пор. Именно они представляли собою те «идеальные» ориентиры, придерживаясь которых на своем жизненном пути, уроженец болгарского Костенца отстаивал среди книжников следующих поколений славу "Философа" и "Учителя Сербского".

«Сказание о письменах» становится невозможно использовать для подтверждения существования прямой, непосредственной и существенной, связи между учением неоплатонизма, исихастским опытом патриарха Евфимия Тырновского и характером его книжной деятельности в той ее части, которую в научной литературе принято называть "языковой и орфографической реформой Евфимия Тырновского".

Переводные произведения

Согласно указанию самого Константина, в заключительной главе «Жития Стефана Лазаревича» одной из главных его обязанностей при дворе сербского князя была переводческая деятельность. До нас дошло несколько текстов, перевод которых Константином Костенечским не вызывает сомнений:

- Толкования Феодорита Кирского на «Песнь Песней»
- «Смотрение вселенной» – перевод византийского итинерария VI века.
- «Описание святых мест» – рассказ о святых Иерусалима и окрестностей города.

«Сказание о письменах» (фрагмент):

Сказание за буквите как да се спазват
 правилата, за да не се похвалят
 Божествените писания заради обкриването им
 и как и по какъв начин дори и днес
 погубват новите преводи, и благочестивите
 самодръжци винаги се стараят да има нови
 преводи, когато намерят, че старите са
 похвалени. И за одеянията на буквите, и за
 знаците, защото хората бъркат не само
 буквите, но и ударенията. И за обучението
 на децата, и за различаването на много
 букви. Поради това сме длъжни да опишем
 всичко поотделно.

ПЪРВА ГЛАВА

Заради господното слово, което казва, че талантът трябва да носи печалба (по Мат. 14:40 и Лук. 19:27) и аз, приел дръзновение, с трепет пристъпвам, защото не само на някои отци и учители или владци, или князе на градове и страни и по някакъв дребен повод се поднася това, ами на самия деспот, помазан за царството от Всевишния и по-светъл от всички древни владетели, на онзи, който може с една мълниеносна заповед да въведе правото учение и да подреди всичко според естеството му. А причината съвсем не е дребна, ами отдавнашните закостенели грешки в божествените писания, поради които никой от мнозината книжовни и дивни мъже не е посял да пристъпи дори към поправянето им. Аз пък, непотребният и нищожен роб, понеже е естествено за робите като се слобият с нещо малко, да се стремят към по-горните, макар и да не съм достоен да се нарека роб, пристъпвам към тези неща, защото получих от своя господар

– деспота – не нещо дребно, ами нещо голямо и изпълнено с радост ми даде, понеже изтръгна душата ми от ръмжация звяр и освен това ме изпраща на учение при сръбския първопрестолник и патриарх. И което е още по-почетно, удостоява ме да отида на поклонение в светия град на великия цар – Иерусалим. И затова, след като се захващам много пъти, и обзет от страх пред неговата власт не можах да го помоля, но после, като го написах, известих, че съм започнал, както той ми заповяда. А с това, като че ли по възшебство, получавам неопишуема радост, защото стана както с Иезекия: "Чу Господ молитвите и видя сълзите, и даде награда. И освен това и по много начини предече разпространето и укрепването на царството му." (по Царств. 20:5 и Ис. 38:5) Затова, господарю, бъди днес втори Давид. Когато се върна от бран, видял се свободен, той състави Псалтира, а ти в необятното си царство заповяда на един странник от търновските краища да извърши това, както по-нататък ще покажем. Защото това ще стане без всякакви трудности. И ако някой ме упрекне, защото Давид, бидейки пророк, подтикван от Светия Дух, е съставил тази пророческа книга, то и аз не го смятам за нещо дребно, защото ще обновиш поварената Давидова книга и всичко останало, придобивайки образа на дивния Ездра, който обнови храма след като намери загубеното и събра разпиляното. Пък и за още по-голямо нещо се смята това днес, защото не само книгите на закона ще се съберат в едно според естеството им, но и благодеянията на законотвореца. Но като се показвам мил на твое величество, ако трябва да бъда съден за делата си, моля за Давидовия съд, което ще рече милост и съд (по Пс. 100:1) – изпървом снизхождение, а после съд. Защото ако съдът на самодържите е безмилостен, кой ще устои, след като според него всичко е възможно. И ето го снизхождението към моята молба да не бъда съден от невежи, понеже имаш много мъже от търновските краища или от Света гора. Нужно е, дори някой да знае много, да не изпитва завист. Защото кой от завистливите конници може да обича някой друг, като го вижда да идва и да си служи с по-силна десница? Обаче, ако тези, които имат тяхното божествено рвение и не търсят само своята изгода, ами тази на Иисусе Христосе, кажат, че това, което ще съставя, не е вярно,

че няма никаква пагуба в божествените писания, ами всичко си е според своя свят ред и са спазени техните думи, както отначало бяха съставени от онези дивни мъже, ти, който възлагаш това с дръзновение, кой си? И ако чрез смисъла ме изблячат, че говоря неправо, то тогава не моля за никаква милост, а за съд и наказание, каквото поискаш. Нужно е този, който ще съди за това, да знае и гръцките букви, а и езика, заради това, което ще се отнася до тях. И като предлагам това, уповавайки се на Царство ти и на милостта на словото, придобивам смелост. Защото съм готов и на смърт заради утвърждаването на божествените писания. И настроен за това, започвам, макар да съм човек по-грешен от всички, но се уповавам отчасти на ревността си към Бога, а още повече съм окрилен от устремленията на Твое величество.

ВТОРА ГЛАВА

И тъй, ти, самодържецо, с усърдието си си равен на онзи самодържавен египетски цар Птолемей Филадельф¹. И как той да не е велик, след като се е сподобил да предаде всички божествени писания откак свят светува чак до своето царуване на толкова много гърци и царства? Защото като откри и събра всички писания по света, намери, че само предадените от Моисей са на Твореца, а останалите са измама. Той освобождава от робство и всички иудеи в Египет, защото изпрати Аристей² при архиерея в Иерусалим. И като му писа за хората, похарчи 660 таланта, и след като ги откупи, ги прати в Иерусалим. Тогава в Иерусалим архиерей беше Елеазар³ и той го помоли да му прати книги и по шест човека от всяко племе, които знаят еврейските и гръцките букви. Той обсипа с дарове и храма. А архиерейт, след като написа закона със златни букви, му го изпрати. После започнаха с Димитрий⁴, царския преводач, и свършиха за седемдесет и два дни. Впрочем и Иосиф (Флавий)⁵ казва така, а други – че писали по двама заедно и така, като ги събраха, не се намери нито една чертичка разлика. Та и царят се удиви на чудото и попита Димитрий. Той пък рече: "Никой друг не можа, защото са божествени, и мнозина захванали се с това, бяха наказани от Бога. Защото Теопемп⁶ поиска и полудя за трийсет дни, и му се яви видение, че е заради това, задето се е опитал да предаде божествените слова на невежите човечи. И Теодек⁷ искаше същото, и очите му помръкнаха, и като се отказа, помоли се на Бога и оздравя."

И затова ти си подобен нему, а дори и по-голям, защото пребиваваш в благодат и си научил и старото, и новото, и се стремиш да преведеш божественото писание, разпалвайки се с любов от божествената благодат и удостоявайки с почести и дарове познавачите на превода. Следователно самият превод изцяло се придържа към това, от което се превежда. А онези, който го е преписал, веднага е внесъл не само варварства спо-

Литература

Лукин Павел Евгеньевич. Болгарско-сербские культурные связи начала XVвека: Константин Костенеческий и его «Сказание о письменах». М., 1994.

Интернет-источники

URL:<http://ru.wikipedia.org>

URL:<http://www.scribd.com>

Максим Грек «Грамматика» (1521)

В отечественной и зарубежной науке последних десятилетий особый интерес вызывает личность и литературное наследие Максима Грека. В ряде работ видных ученых была произведена атрибуция ранее неизвестных сочинений Максима Грека, изучены рукописные собрания его трудов и установлены автографы, рассмотрены общественно-политические взгляды Максима Грека и его близость к «не стяжателям», проанализирован вопрос о влиянии на него Савонаролы, об интерпретации античного и византийского культурного наследия в творчестве Максима Грека, о его влиянии на русское старообрядчество. Доктор церковной истории профессор Алексей Иванович Иванов опубликовал аннотированную библиографию сочинений Максима Грека, включающую 365 наименований его трудов, из которых 164 остаются неизданными.

О библиографии преподобного Максима Грека, его рукописном наследии, его общественно-политических взглядах написано множество статей и несколько фундаментальных исследований. Но его богословские воззрения и философские идеи остаются, практически, не изучены, вопрос об их влиянии на развитие русской богословской мысли поставлен совсем недавно. Между тем, еще при жизни Максима Грека богословские труды его пользовались заслуженной популярностью, а его литературная слава была весьма велика. Сочинения Максима Грека включались со 2-й половины XVI в. почти во все значительные церковно-учительные сборники, начиная с «Великих Четых-

Миней» митрополита Московского Макария. В составе Иосафовского, Хлудовского, Румянцевского, Соловецкого, Троицкого, Синодального и других рукописных собраний, до нас дошло более трехсот пятидесяти оригинальных и переводных сочинений Максима Грека, созданных им в России. «В многочисленных писаниях преподобного Максима, – подчеркивает архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), – нельзя не удивляться разнообразию сведений его и талантов: он филолог и историк, поэт и оратор, философ и богослов». «Он был самый видный и идеальный на Руси представитель греко-православного просвещения, бескорыстный и скромный», – отмечает священник А. Синайский. В 1859–1862 гг. при Казанской Духовной Академии, после ряда публикаций в журнале «Православный собеседник», было издано трехтомное собрание сочинений преподобного Максима Грека на славянском языке (переиздано в 1894–1897 гг.). В его состав вошли соответственно: 1) догматико-полемиические; 2) нравоучительные; 3) разные сочинения. В 1910–1911 гг. этот трехтомник был издан в Троице-Сергиевой Лавре в переводе на русский язык. С тех пор и до наших дней вот уже на протяжении нескольких десятилетий слависты России и некоторых западноевропейских стран ведут интенсивную работу по изучению и публикации неизданного наследия Максима Грека. В. Ф. Ржигой, И. Денисовым, А. И. Клибановым, М. Н. Громовым, Д. М. Буланиным и другими исследователями изданы отдельные слова и послания, различные богословские фрагменты из творческого наследия Максима Грека. Значительный вклад в изучение жизни и идейного наследия преподобного Максима внесла фундаментальная монография «Максим Грек и Запад», вышедшая в 1943 г. в Париже и Лувене. Выход этого исследования был в свое время научной сенсацией. Автор, бельгийский ученый Илья Денисов, доктор философии, профессор Католического университета в Лувене, рисует новый образ Максима Грека как апостола западной цивилизации, чей свет не мог сразу рассеять мрак «варварской» Руси; но жертвенный подвиг Максима Грека послужил постепенному ее пробуждению от оцепенения и сна. Политическая и конфессиональ-

ная тенденциозность этого, в целом исключительно серьезного исследования столь же очевидна, как и его неоспоримые научные достоинства, получившие высокую оценку акад. Д. С. Лихачева. Проф. И. Денисов блестяще доказал в монографии, которую, с не меньшим основанием можно было бы назвать «Максим Грек и Восток» или «Максим Грек и Россия», что итальянский гуманист Михаил Триволис, афонский монах Максим Триволис и прославленный на Руси преподобный Максим Грек – одно и то же лицо. Доказательством этому послужили сопоставление русских, греческих и западных архивных документов, а также анализ произведений Максима Грека. Богословские труды преподобного были неотделимы от его жизни и судьбы.

Михаил Триволис родился в Арте около 1470 г. в православной греческой семье благородного происхождения – один из его предков был Константинопольским Патриархом. Его отец Эммануил и мать Ирина были людьми весьма образованными. Большое влияние на молодого Михаила оказал его дядя Димитрий Триволис – видный библиофил и переводчик. На острове Корфу (ныне о. Керкира), куда переселилась семья Максима Триволиса из Арты около 1480 г., были сильны униатские настроения; духовная обстановка невольно способствовала сближению с Римом.

Желание продолжить и углубить свое обучение привело Максима Грека в Италию; он жил во Флоренции с 1492 по 1496 гг. Флоренция являлась в то время «вторыми Афинами», центром гуманистического движения во всей Европе, со своей Платоновской Академией. Из Флоренции Максим Грек переехал в Венецию, где сблизился с известным гуманистом и одним из лучших книгоиздателей эпохи Возрождения – Альдом Мануцием. С ним совершил путешествия в Милан, Савойю и другие города Северной Италии.

Постепенно из ученика и переписчика греческих рукописей Максим Грек сам становится учителем и входит в круг итальянских гуманистов. Его интересы не ограничиваются богословием и философией, он изучает астрологию и другие средневековые науки. После окончания обучения Максим Грек поступил на

службу к князю Джованни Франческо Пико делла Мирандола, одному из самых ревностных поклонников Савонаролы. «Гений греческий и гений римский слились в Максиме... От переписчика Геопоникии Ласкариса... до образованнейшего и щедро вознаграждаемого поставщика текстов и идей для Пико – линия одна и восхождение подлинное». Огонь, зажженный в душе Максима Савонаролой и еще более усиленный Пико, привел его к пересмотру своего отношения к языческому Ренессансу.

В 1502 г. Михаил Триволис поступил в католический доминиканский монастырь св. Марка. 14 июня 1502 г. принял иноческий постриг в этом монастыре, где незадолго до того был настоятелем Савонарола. Следуя примеру своего учителя, он сохранил в иночестве мирское имя. В апреле 1504 г. Михаил Триволис покинул монастырь; его уход был связан с запрещением в монастыре имени Савонаролы, перед которым он преклонялся. Но главной причиной была необходимость вернуться в родную греческую среду. Воспитанный в высококультурной патриотической и религиозной обстановке, он был убежден в превосходстве византийской культуры над западноевропейской. Даже будучи в Италии, он изучал эллинскую премудрость. Только оказавшись на Афоне, под небом Греции, Михаил Триволис обрел самого себя.

В 1505 г. Михаил Триволис прибыл на Святую Гору Афон, где принял в Благовещенском Ватопедском монастыре иноческий постриг с именем Максим, в честь святого Максима Исповедника, о котором писал, что он «премудрейше и благочестиво учит». Здесь, в высшей духовной школе Византии и всего православного мира, преподобный Максим Грек подвизался в подвигах богомыслия и молитвы в течение десяти лет, изучая книжные сокровища богатейшей на Афоне библиотеки.

Преподобный Максим пользовался на Святой Горе высоким духовным авторитетом и стяжал известность как «книгописец, филолог, издатель текстов и писатель, который мог прочитать и бережно скопировать древний и плохо сохранившийся оригинал». Ему по достоинству можно усвоить имя Максим Святого-рец. Участие Максима Грека в деятельности Платоновской Ака-

демии во Флоренции, конечно, наложило свой отпечаток на его мировоззрение. Именно здесь, на Афоне, преподобному Максиму удалось преодолеть неортодоксальное влияние Ренессанса, в совершенстве усвоить опыт святоотеческой «умной молитвы», весь комплекс богословских воззрений, характерных для поздне-византийского исихазма. В эти годы определяющее влияние на Максима Грека оказали труды святого Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина и Максима Исповедника. «Именно на Афоне, – подчеркивает Б. Фонкич, – Максим становится тем серьезным ученым, знатоком Священного Писания и патристики, канонического права и истории, в качестве которого он и прибыл в 1518 году в Москву». В Москве преподобный Максим Грек оказался по приглашению великого князя Василия Ш, обратившегося с просьбой к афонскому порту прислать в Россию переводчика для исправления богослужебных книг.

Профессор А. И. Иванов доказал несостоятельность мнений некоторых дореволюционных историков о глубоком культурном невежестве на Руси до Максима Грека, который якобы был первым просветителем Руси, впервые познакомившим русских с западноевропейской образованностью. Благодаря церковным и культурным связям Руси с Византией, южнославянскими странами и Западной Европой, русские как в период раннего средневековья, так и в XIV–XV вв. располагали немалым количеством переводной литературы, из которой черпали не только богословские знания, но и знания в области светских гуманитарных и естественных наук. К XVI в. Русь обладала богатыми книжными собраниями по самым разнообразным вопросам духовного и светского знания. Научно-богословская деятельность Максима Грека протекала на хорошо подготовленной почве. И хотя он не был «первым просветителем» Руси, но он едва ли не первый ученый-энциклопедист на Руси, грек по происхождению, славянин по духу и подлинно русский по своему беззаветному служению русскому народу.

Прибыв в Москву в качестве переводчика, Максим Грек стал пропагандистом и защитником «греческой идеи» перед великим князем Василием Ш., призывая его к освобождению Константи-

нополя от турецкого ига. Максим Грек высказывал мысли о необходимости возвращения Русской Церкви в лоно Церкви византийской, его экклезиологические идеи вдохновлялись мечтой об объединении всех христиан вокруг Константинопольского патриаршего престола.

Одним из проявлений гуманизма явилась борьба Максима Грека с предрассудками, которые разделяли не только народные массы, но и немалая часть русского духовенства.

Полемико-обличительные статьи Максима Грека вызвали неприязненное отношение к нему со стороны консервативно настроенной московской среды. Более ожесточенное сражение должен был выдержать гуманизм Максима Грека в филологической и экзегетической сферах его деятельности, – прежде всего, в его работе по исправлению священных и богослужебных книг. В применяемом им методе уже были заложены в зачаточном состоянии элементы научной критики.

Ревнителю буквы были убеждены, что в церковно-богослужебных книгах не должно ничего изменять или исправлять. Против такого ложного убеждения решительно выступил Максим Грек, обнаруживший в них грубые ошибки, нелепые мнения и искажения христианских догматов. Одновременно преподобный Максим выступил с обличениями различных нестроений в русской церковной бытовой и общественной жизни – любостыжательства монахов, суеверия и невежества народа, притеснения и жестокости власть имущих. Мужественные обличения Максима Грека предвосхитили у нас появление священномученика Филиппа, митрополита Московского, которого в известном смысле можно считать духовным преемником Максима Грека.

Философский и гуманистический аспекты в деятельности Максима Грека были для него последним источником конфликта с русским обществом. Русская Церковь, как частично Западная и Восточная, имела тенденцию к аристотелизму, недоверчиво относясь к Платону и Плотину. Платонизм Максима Грека стал причиной осуждения его взглядов в области богословия. Несправедливо обвиненный в хуле на великого князя и в непочтительных

отзывах о московских митрополитах-чудотворцах преподобный Максим в 1525 г. предстал перед судом митрополита Московского Даниила и был сурово наказан. Шесть лет заточения в Иосифо-Волоколамском монастыре – самые трудные годы в его жизни. *«Его состояние, – пишет М.Н. Громов, – напоминает состояние Достоевского, оказавшегося на каторге, в "пограничной ситуации" и, по признанию писателя, именно там обдумавшего свои наиболее сокровенные мысли».*

Одно из самых взволнованных и проникновенных своих творений – канон Параклиту, «подлинный гимн Истине», ради которой он претерпевал все страдания, преподобный Максим написал углем на стене своей темницы. В 1531 г. после повторного и еще более несправедливого судебного разбирательства Максим Грек был сослан в Тверской Отрочь монастырь, где впоследствии будет задушен Малютой Скуратовым святитель Филипп.... Более полутора десятков лет проведет здесь Максим Грек, пользуясь сочувствием епископа Тверского Акакия; благодарение Богу, он даст возможность преподобному читать и писать. Лишь в 1547–1548 гг. по ходатайству игумена Троице-Сергиевого монастыря Артемия преподобный Максим будет переведен в эту обитель, под сень Преподобного Сергия, где, освобожденный от уз, проживет остаток своей жизни (декабрь 1555 или январь 1556).

Духовная свобода и независимость Максима Грека, широта его мышления, а также вдохновляющий его гуманизм явились наследием, вынесенным им из школы Ренессанса, считает И. Денисов. Но толерантность эпохи Возрождения была неизвестна на Руси, где всякое самостоятельное мышление рассматривалось как ересь. Именно в этом причина осуждения Максима Грека, христианского гуманиста и поборника Православия во вселенском значении этого слова, на Московских церковных Соборах 1525 и 1531 гг. Трагедия Преподобного Максима есть «горе от ума» в России XVI в. *«Он не смог пробить плотину предрассудков, не смог одолеть интеллектуальную дремоту, с которой ему пришлось столкнуться; но благодаря его длительному влиянию, по крайней мере, была подготовлена почва для будущего».*

Русь Святая канонизовала его, русский народ преклонился перед его мученическим венцом, перед героической стойкостью, с которой Максим Грек перенес выпавшие на его долю испытания...

Первым творческим подвигом Преподобного Максима Грека на Руси можно считать перевод Толковой Псалтири, осуществленный им в исключительно сжатые сроки; «Я и дышать не имею времени (!), – писал преподобный Федору Карлову, – объятый трудом перевода Псалтири».

Рассматривая толкования Оригена, Феодорита, Евсевия, Аполлинария, Дидима, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия и Кирилла Александрийских и других церковных писателей, Максим Грек различает в их экзегетических статьях различные способы толкования: буквальный, иносказательный (или аллегорический) и сакральный (духовный или анагогический). Наиболее распространенным в то время был, пожалуй, аллегорический способ толкования, который через Оригена и святителя Амвросия Медиоланского восходил к Филону Александрийскому. Этот способ позволял применять одни и те же приемы герменевтики и к текстам Священного Писания, и к древним античным текстам. Сам же Максим Грек в своих писаниях держался эклектического способа, т. е. соединял все три метода. С особым пиететом Максим Грек выделяет толкования Оригена, называя его крепким «адамантом», но не признавая ту часть его учения, которая была отвергнута Никейским Собором.

Особое место в литературном наследии Максима Грека занимают его толкования на слова св. Григория Богослова: 1) «Послание об античных мифах» и 2) «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова». Эти толкования в общих чертах рассмотрены Д.М. Дуланиным, который провел тщательный текстологический анализ и выяснил, что они являются мифологическим комментарием к проповеди св. Григория «На святые светлы явления Господних»(началом и продолжением).

Толкования Максима Грека в течение весьма длительного времени оставались на Руси одним из немногих источников,

в которых древнерусский книжник мог познакомиться с античной мифологией. Произведения с сугубо богословскими названиями наполнены сведениями о событиях древней истории, мифологических персонажах, чудесах света и т.п. (о колоссе Родосском, египетских пирамидах, войнах Рима с Карфагеном, Троянской войне и др.). Максим Грек также сообщает и о великих географических открытиях своего времени, например, об открытии Америки.

Другой важный аспект литературного творчества Максима Грека – переводы патриотических творений. Оспаривая некоторые атрибуты А.И. Иванова, Д.М. Буланин с сожалением констатирует: «Поскольку рукописная традиция славянских переводов патриотической литературы практически не изучена, не может быть окончательно решен и вопрос о роли Максима в знакомстве русских людей с сочинениями греческих отцов Церкви».

Заметный след оставил преподобный Максим и в области аскетического богословия. Его взгляды на истинное монашество отличались прямоотой и строгостью, требования – бескомпромиссностью. Обличая неблагочестие монахов, преподобный Максим указывал на те же самые недостатки, на которые впоследствии обратил внимание Стоглавый Собор 1551 года. Следовательно, отмечает проф. Н. Каптерев, «преподобный Максим писал о русском современном ему монашестве не "от раздражения", а то, что было в действительности, то есть, одну правду».

Наиболее видное место в ряду богословских трудов Максима Грека принадлежит догматико-полемическим сочинениям, написанным в защиту Православия против язычников, иноверцев (иудеев и мусульман) и инославных (латинян и армян). «Слово обличительное против еллинокого заблуждения» посвящено доказательствам превосходства истинной веры Христовой пред языческим «злым мудрствованием». Он подчеркивает, что христианство распространилось чудесным образом по Промыслу Божию – не силой оружия, а кроткими словами и поучениями, несмотря на жестокие гонения. В богооткровенных книгах Нового Завета содержится самое возвышенное и спасительное учение о Боге,

едином в трех ипостасях, о Богочеловеке Спасителе, победившем смерть, о таинственной жизни будущего века. Нравственность христианства неизмеримо выше языческой псевдоморали.

Целью многих догматико-полемических сочинений Максима Грека являлось ослабление ереси жидовствующих. В этом плане преподобный Максим не сказал, пожалуй, более того, что сумел сказать преподобный Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе».

Против иудеев и «ереси жидовствующих», которая была осуждена московским Собором 1504 года, но продолжала тайно существовать, Максим Грек написал несколько небольших статей. В одной из них, «Слове на Рождество Господа и Спаса нашего Иисуса Христа», преподобный утверждает, что Иисус Христос есть Бог и истинный Мессия, в жизни которого исполнились все ветхозаветные пророчества. Поэтому иудеи или должны верить в Него вместе с христианами, или не верить своим пророкам. В «Слове о поклонении святым иконам» преподобный доказывает, что поклонение иконам не противоречит второй заповеди десятилетия, но согласно с нею и с другими заповедями Божиими в Ветхом Завете, и объясняет правильный смысл христианского иконопочитания.

В «Слове против хулителей Пречистой Божией Матери» (Максим Грек излагает основы христианской мариологии. Говоря о святости и славе Пречистой Девы и Матери, преподобный в назидание иудеям ссылается на два ветхозаветных предзнаменующих видения, когда патриарху Иакову и пророку Моисею в образе Лествицы и Неопалимой Купины открылась неизреченная тайна Боговоплощения. Утверждение внутренней духовной свободы в противоположность показному наружному благочестию, мысль о том, что формальное исповедание веры и исполнение обрядов ничего не значит без соблюдения заповеди любви, без стремления к нравственному совершенствованию – все это, на наш взгляд, отнюдь не является следствием влияния на Максима Грека "пантеистически заостренного неоплатонизма". Здесь очевидно прямое следование святому апостолу Павлу. В секулярной же интерпретации, к сожалению, сказывается отрыв исследовательской мыс-

ли от церковной традиции или (невольное или преднамеренное) ее игнорирование.

**Текст на старорусском языке
(грамматика современного русского языка):**

«Слово о покаянии»

Не в лености и не в беспечности будем проводить, душа, время настоящей жизни, также не бессмысленно, как бы неопытные младенцы, считая для себя достаточным ко спасению пребывание на сем месте, недоступном для женщин и мирских людей, чтобы не оказаться нам обманутыми. Ибо и в древности для тех, кои помощью Вышнего и под руководством Моисея бежали из Египта и от Фараона, недостаточно было для благочестия того, что они в необитаемом месте, то есть, в пустыни, препроводили сорок лет, так как не сохранили разумной веры к Богу, избавившему их от бесчисленных скорбей. Не переменою места, душа, можно угождать Владыке всяческих, и не переодеванием в худые рубища. Одно из этого, то есть, пребывание в пустыни, предпринимается ради крайнего безмолвия, а другое – ради совершенного смирения. Если же кто при том и другом опять опутывается молвою и мирскими попечениями, тот ничем не отличается от пса, который возвращается на свою блевотину, по слову верховного Апостола. Плача и умерщвления служит изображением, душа, это внешнее черное рубище, которое убеждает нас, избравших оное, признавать себя всегда добровольно умершими для настоящей жизни, а умерщвление это состоит в том, чтобы всегда всюю душою ненавидеть всякое плотское сладострастие и житейские молвы, и жить нестяжательно и преподобно, приобретая потребное от своих трудов и почитая нищету за великое богатство. Если же опять без ума опутаем себя стяжаниями, славою, пьянством, смехотворством, к которым, обыкновенно, присоединяется всякая беззаконная похоть, то нет никакого сомнения, что мы будем преданы сугубым мучением, как добровольно и сознательно солгавшие Христу в данных

нами обетах. Что же может быть хуже этого? Лучше, говорит премудрость Божия, не обещаться и исполнить, нежели обещаться и обмануть. И Божественный песнопевец вопиет: «погубиши вся глаголющая лжу» (Пс.5, 7). Не переменою места и одежды, душа, как сказано выше, угождается Христос Бог, но чистотою жизни и приобретением всяких добродетелей, твердо основанных на вере непорочной. И как ты, при помощи благодати Божией, избежала сетей мысленного Египта, то есть мира сего: так постарайся всею силою, ограждаемая верою и страхом Божиим, избежать владеющего им диавола, всегда сильно и с бешенством нападающего на тебя. И не переставай бежать от него, пока не увидишь его потопляемым крепкою десницею Вышнего в пламенной пропасти, вместе со всеми его колесницами и крепкими оруженосцами, себя же познаешь покрываемую облаком Параклита, прохлаждающим жжение, производимое в тебе бесплотными врагами, действующими пламенными помышлениями скверных похотей. И не столпом огненным, но озарением присносущного света увидишь себя наставляемую к земле обетованной, – не к той, которую разделил израильтянам Иисус, Навин, но которую обетовал «Перворожденный всея твари, Красный добротою паче сынов человеческих», родившийся от Отроковицы и Пресвятой Девы, неложный Христос Бог наш – Иисус, Который Сам первый вошел туда, убив смерть.

Трезвись же всегда, душа, ибо гонящийся всегда за тобою мысленный Фараон не перестанет изобретать против тебя зло. Не жди, о любезная душа, прекращения изобретаемых им против тебя лаяний; ибо он, будучи по естеству завистлив и нахален, не укрощается от гнева, всегда стремясь свергнуть тебя в пламень мучений. Не верь также, когда он отступает; ибо тогда то он наипаче весьма хитро старается уловить тебя. Этим способом он, скверный, старается подчинить тебя, побуждая к ослаблению тобою своего постоянного крепкого трезвения, дабы таким образом, найдя тебя обленившеюся, внезапно уязвить тебя одною из многих его душепагубных стрел, или пагубным кичением

запнуть тебя на пути к преуспеянию к большим добродетелям. Как ум, весьма опытный в изобретении зла, он знает, какую пользу получаем мы, когда пребываем в трезвении, по причине наносимых им напастей, будучи свыше укрепляемы Божественною благодатью. Ибо если мы трезвимся, то наносимые им напасти бывают для нас причиною великих наград, подобно тому, как борьба с сильным противником служит опытному борцу случаем к получению больших похвал. Ибо если при помощи твоего Спасителя избежишь рук всепагубного фараона, и черную глубину пламенных страстей пройдеши сухою, а не мокрою, как тайно научает нас боговдохновенное слово, то есть, совершишь переход в худости и нищете, также—пешею, а не сидящею верхом, то есть, сознавая всегда в мыслях, а не на словах, свою худость и крайнее недостойнство, тогда вселишься у холма горы Синайской в пустыни, то есть, достигнешь священного пристанища достохвального и чудного бесстрастия, которым наипаче увеселяется Святой Дух.

Блюди же, окаянная, чтобы и тебе не подвергнуться беснованию подобно тем неблагодарным людям, и не предаться объедению и пьянству и пляскам, – чтобы не почесть тебе свое чрево предметом самым дорогим и священнейшим, и не воздать ему богоподобного поклонения, как те тогда поклонились тельцу, и чтобы не лишиться тебе будущих благ, как те лишились земли обетованной, и предана будешь бесконечным мукам, в коих будешь страдать хуже всех бывших до закона неверных. Если же, действительно, любишь Христа – Царя своего, вкусившего ради тебя смерть на крест, то старайся всею силою вселить в свою душу Его божественную любовь. Достигнуть же сего иначе нельзя, как только, если возненавидишь вполне все свои пожелания. И опять, возненавидеть эти последние нет возможности, если не вселишь в сердце свое страх Божий; страх же Божий не можешь приобрести, если не отгонишь от себя всякое сомнение и желание казаться мудрым, и не пойдешь, как незлобивый младенец, за Господом своим, повинуюсь Его повелениям. Как любовь есть исполнение всего закона, так и вера есть основа-

ние всех вообще добродетелей: от веры рождается страх, а от сего – исполнение заповедей, чрез которое ум наполняется божественною любовью. Сподобившись же сего, мудрствуй смиренно, почитая себя прахом, чтобы всегда пребывать в наслаждении божественных желаний.

Интернет-источники

URL:<http://www.keliya.org/new/svyatye-otcy-cerkvi-xvi-xix-vekov/prepodobnyj.-maksim-grek.html>

URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EA%F1%E8%EC_%C3%F0%E5%EA

Иван Федоров «Букварь» (1574)

Самый первый букварь напечатан Иваном Федоровым, основателем книгопечатания на Руси, во Львове в 1574 г.

В мире существует единственный экземпляр этой книги, который прекрасно сохранился. Он принадлежит библиотеке Гарвардского университета США. Приобретен был в 1950 г., и только в 1955 г. мир увидел полную фотокопию неизвестного до этого учебного пособия. В Гарвард букварь попал из Парижского собрания С.П. Дягилева.

Иван Фёдоров (ок. 1520, Великое княжество Московское – 5 [15] декабря 1583, Львов, Русское воеводство, Речь Посполитая) –, традиционно считается «первым русским книгопечатником», издатель первой, точно датированной печатной книги («Апостол») на территории Русского царства. Иван Фёдоров родился между 1510 и 1530 гг. Точных сведений о дате и месте его рождения (равно как и вообще о его роде) нет. Так или иначе, сам Фёдоров писал о Москве как о своём «отечестве» и в переписке добавлял к своему имени «з Москвы» или «Москвитинь», даже когда уже жил в Литве. По версии Е. Л. Немировского, Иван Федоров учился в Краковском университете в 1529–1532 гг. – в «*промоционной книге*» последнего есть запись о том, что в 1532 году степени бакалавра был удостоен некто «Johannes Theodori Mascus». С 1530-х гг., по-видимому, принадлежал к окружению митрополита Макария. Под началом Макария занял в Москве должность

диакона в Кремлёвском храме Николы Гостунского. В 1553 г. по приказу Иоанна IV в Москве был построен Печатный двор, который в 1550-е гг. выпустил несколько «анонимных», то есть не содержащих никаких выходных данных, изданий (известно, по крайней мере, семь из них). Предполагают, что в этой типографии работал и Иван Фёдоров.

В 1574 г. во Львове Иван Федоров напечатал первую известную нам восточнославянскую Азбуку. Это первая украинско-российская печатная учебная книга, изданная четыреста сорок лет назад. Учебное пособие, созданное Иваном Федоровым, представляет собою книгу, составленную из пяти восьмилистных тетрадей, т. е. в ней 40 листов, или 80 страниц, на странице по 15 строк. Две страницы (обороты 4 и 40 листов) пустые. В книге отсутствуют нумерация страниц и ныне принятая сигнатура листов. Азбука скромно оформлена пятью заставками и тремя концовками. Заставки варьируют характерный для других изданий Федорова мотив листьев с цветками, бутонами, маковыми головками и шишками. Концовки представляют собой готические плетенки, одна из них дополнена элементом растительности. Завершают Азбуку две гравюры: на одной – герб города Львова, на другой – типографский знак первопечатника. Иван Федоров положил в основу книги распространенный в то время буквослагательный метод, начинающийся с заучивания букв славянского алфавита и с усвоения двух- и трехбуквенных слогов. Первая часть книги – азбука – включает также и материал по грамматике. На первой странице книги расположены 45 строчных букв кирилловского алфавита, затем приводится «*внятословие*», так русские книжники называли позднее алфавит, данный в обратном порядке. Далее знаки алфавита располагаются вразбивку в 8 колонок. Это трехкратное повторение азбуки имело целью более твердое усвоение обучающимися каждой буквы алфавита.

Следующие упражнения представляют собой запись двух- и трехбуквенных слогов, с усвоения которых и начиналось собственно обучение чтению и письму. В разделе «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикии» даны образцы спряжения глаголов на каждую букву алфавита, начиная с Б. В первом

примере – спряжении глагола будити – глагольные формы соотнесены с местоимениями, а формы множественного числа пояснены описательно. Под заголовками «*Страдательна ж суть тако*» и «*Страдательнаго убо золога времена*» приведены формы страдательного залога глагола бити. Следующий раздел «По прозодии а еже дващивоединых лежащее се есть повелительная и сказательная» объединяет сведения об ударениях и «придыханиях» в словах. В разделе «По ортографии» даны в алфавитном порядке наиболее употребительные сокращения (слова «под титлами»). Но здесь же, в образцах склонения, приведены и полные написания существительных и прилагательных. Завершает изучение азбуки акростих, служащий для повторения алфавита. Во второй части приводятся тексты для закрепления и развития навыков письма и чтения. Здесь помещены молитвы и наставления. Отрывки из притч Соломона и посланий апостола Павла как бы дают советы родителям, учителям и ученикам. Иван Федоров предстает перед нами провозвестником гуманной педагогики: он защищает детей от произвола родителей и призывает воспитывать *«в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе»*.

Азбука Ивана Федорова открывает историю российских печатных книг для обучения письму и чтению. Вся жизнь печатника-просветителя была посвящена тому, чтобы, как он писал, «по свету рассеивать и всем раздавать духовную пищу». Первая книга в жизни каждого человека памятна так же, как первая любовь. Чаще всего это букварь. И совсем не случайно ныне, когда учебник служит нескольким поколениям, букварь оставляют первоклашкам, сделавшим начальные шаги в освоении богатого опыта предшествующих поколений. Оставляют на память. Ну а первая азбука в жизни народа?! Человек, создавший ее, достоин бессмертия. Он стоит у истоков робкого и на первых порах неширокого ручейка просвещения, которому со временем суждено было превратиться в могучую реку великой культуры.

Книга открывается 45 буквами алфавита, созданного славянскими просветителями Кириллом и Мефодием. На обороте

листа буквы перечислены в обратном порядке – от «ижицы» до «аз». Такой алфавит старые русские книжники называли «вспя-тословием». В третьем перечне знаки алфавита размещены по вертикали в восьми колонках. Если читать их по горизонтали, последовательность будет случайной: «а», «е», «и», «о», «у», «ц», «ы»... Ученики заучивали буквы по первому перечню, а затем закрепляли знания по второму и третьему, где литеры размещены необычно. Следующая стадия в постижении грамоты – начальные упражнения для чтения и, видимо, для письма, представленные сочетаниями согласных с различными гласными. Мы можем представить сейчас, как ученики древней школы водили пальцами по строкам и произносили сначала «*двуписьменные слоги*» – «ба», «ва», «га», а затем уж «*триписьменные*» – «бра», «вра», «гра»... Дальше – сложнее. Следующие упражнения для чтения сочетались с элементами грамматики, хотя никаких правил и пояснений Иван Федоров в своей книге не приводил. Предполагалось, что наставления даст учитель в процессе проработки текста. Первопечатник озаглавил раздел так: «А сия Азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматики». «Осмочастная книга» – это грамматический труд «О осьми частях слова», который традиция приписывала византийскому писателю и богослову Иоанну Дамаскину, жившему в VII–VIII вв. Азбука Ивана Федорова знакомила учеников с примерами спряжения глаголов, с премудрой системой «ударений» и «придыханий», со склонением существительных и прилагательных. Школяры осваивали также правописание наиболее широко распространенных в тогдашней книжности слов. Слова эти сокращались, писались под специальными, вынесенными над строкой знаками, – «титлами». Это позволяло экономить дорогой тогда писчий материал.

Обучая детей чтению, Иван Федоров решил одновременно познакомить их с кирилловской цифирью. В Древней Руси цифры и числа обозначали знаками алфавита, над которыми ставился знак «титла». Первопечатник применил остроумный прием – он разместил числа на боковых полях первых 24 листов Азбуки так, что они смотрелись как нумерация примеров. Познакомимся же

вместе с древнерусскими школьниками, нашими далекими пращурами, с кирилловской цифирью: «а» – это 1, «в» – 2, «г» – 3, «д» – 4, «е» – 5, «с» (этот знак назывался «зело») – 6, «з» – 7, «и» – 8, «в» («фита») – 9, «i» – 10. Далее знаки формировались по принципу $1 + 10 = 11$: «ai» – 11, «Vi» – 12 и т. д. Кратные десяти обозначались следующими буквами: «к» – это 20, «л» – 30, «м» – 40, «н» – 50, «£» (эта буква называлась «кси» и обозначала сочетание звуков «кс») – 60, «о» – 70, «п» – 80, «ч» – 90. Начиная со второго десятка, принцип формирования чисел был другим – сначала ставились кратные десяти числа, а затем уже цифры, например: $20 + 4 = 24$ («кд»). Сотни обозначались буквами: «р» – 100, «с» – 200, «т» – 300, «у» – 400, «ф» – 500, «х» – 600, «ψ» («пси») – 700, «Ω» («омега») – 800, «ц» – 900. Выучив все эти обозначения, читатель легко сможет написать любое число. Например: 937 – «цлз».

В Азбуке Ивана Федорова есть и знаки, обозначающие тысячи. Это цифры первого десятка, к которым пририсовывалась слева наклонная линия, перечеркнутая двумя черточками. Заключала книгу краткая хрестоматия – тексты для закрепления и развития навыков чтения и письма. Взятые из Библии, они были подобраны таким образом, что создавали нечто вроде свода этических норм и правил: «*Не сотвори насилия убогому*», «*Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай*», «*послушая отца твоего, иже ты родил*». Фразой «К вам же отцы и учителя тако глаголет» Иван Федоров предваряет советы родителям и учителям. В полном согласии с духом времени рекомендуется строго наказывать детей: «*Не отмай от детища твоего казни, безумие бо есть привязано в сердце отрочате*»; «*Детищу, иже дают волю его, напоследок посрамотит мать свою*»; «*Аще ли накажеш его жезлом, не умрет от того. Ты бо жезлом биеши его, душу же его от ада избавиши*»; «*Аще ты в юности накажеш его, а он успокоит тебе на старость твою*». Призывая на помощь авторитет апостола Павла, Иван Федоров приводит слова из его «Послания к ефесианам»: «*Чада послушайте своих родителей... да благо будет вам, и будете долголетны на земли*». Отдав

дань традициям, Иван Федоров устами того же апостола советует родителям и учителям умело сочетать в системе обучения строгость и ласку, наказание и поощрение: «Отцы не раздражайте чад своих, но воспитайте их в наказании... в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе». Заканчивается Азбука послесловием, которое мы приведем полностью: «Возлюбленный честный христианский русский народе, греческого закона! Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто. Ради скорого младенческого научения вмале сократив, сложих. И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примите сия с любовью. А я и о иных писаниях богоугодных с вожделением потрудитися хощу, аще благоволит бог, вашими святыми молитвами. Аминь».

В Азбуке 1574 г. всего 40 листов, но эта небольшая книжечка, отпечатанная в 8-ю долю листа, имела громкое политическое звучание. Она противостояла сильной тогда на Украине католической реакции, стремившейся подчинить православие римскому папе. В 1577 г. в Вильне вышла книга «О единстве церкви божией под одним пастырем». Написал ее польский проповедник Петр Скарга (1536–1612), член воинствующего монашеского ордена иезуитов, призывавшего своих приверженцев идти на любое преступление ради «вящей славы божьей». Скарга утверждал, что «есть только два языка, греческий и латинский, которыми святая вера во всем свете распространяется». По его мнению, еще «не было на свете никакой академии или коллегіума, где бы богословие, философию и другие свободные науки на другом языке изучали и могли понимать». Далее Скарга написал слова, которые прямо направлены против дела, которому отдал свою жизнь Иван Федоров. «Со славянского языка нигде и никто ученым быть не может, – утверждал иезуит. – Уже теперь почти никто его досконально не понимает. Ибо нет на свете нации, которая бы на нем, как в книгах написано, говорила, а своих правил и грамматик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может».

Это было написано через три года после того, как вышла в свет Азбука славянского языка, напечатанная Иваном Федоровым. В России, Белоруссии и на Украине дети учились по книгам, выпущенным московским типографом. А Скарга утверждал, что для этих народов другой школы быть не может, как только переводить славянские тексты на польский язык, – иначе смысл их остается темным. Иван Федоров старался как можно тщательнее редактировать отобранные для издания тексты, а Скарга говорил, что в славянских книгах «нелепости и ошибки бесконечно возникают, словно слепой водит слепого». Иван Федоров ответил на эти нападки, напечатав во втором издании своей Азбуки, вышедшем в 1578 г., «Сказание, как осостави святой Кирилл Философ азбуку по языку словеньску и книги преведе от греческих на словеньский язык». Это известный памятник древнеболгарской литературы, который сочинен черноризцем Храбром. Читая его, скептики могли убедиться, что славянская культура имеет давние и прочные традиции. Рассказ о возникновении славянского письма был более чем уместен на страницах начального учебника грамоты. Он обращен как к педагогу, так и к ученику. Для учителя это своеобразное пособие по истории культуры вообще и по истории педагогики в частности, а для ученика – занимательный текст для чтения. Были здесь и сведения о том, как следует произносить отдельные знаки кирилловского алфавита.

Путники въехали в оживленный город через ворота в крепостной стене. На улицах встречалось много людей в пестрых, разнообразных национальных одеждах. В то время во Львове, кроме украинцев, жили поляки, немцы, евреи, греки, армяне. Всюду слышался говор на разных языках. В поисках пристанища Иван Федоров заехал в Подзямчево, предместье Львова. Поселившись здесь, он немедленно приступил к организации типографии на новом месте, третьей по счету типографии. Теперь это было особенно трудно.

В Москве и Заблудове первопечатник имел богатых и влиятельных покровителей. Они щедро отпускали необходимые средства на книгопечатание. Во Львове же у Ивана Федорова таких

покровителей не было. Приходилось самому и подыскивать помещение под типографию, и изыскивать средства на ее оборудование, на приобретение бумаги, красок и пр. Нужны были деньги также на жизнь, так как доходов от продажи книг, которые будут отпечатаны в новой типографии, можно ожидать не раньше, чем через год. Иван Федоров обратился за помощью к местным купцам. Он приносил к ним образцы своих книг, напечатанных в Москве и Заблудове, говорил об их значении и о пользе просвещения, показывал шрифт и доски, привезенные из Заблудова, объяснял технику книгопечатания, пытался заинтересовать особой прибыльностью книжного дела, обещал уплатить большие проценты за денежную ссуду. Но львовские торгаши и ростовщики холодно встречали москвича. Они не доверяли ему, бедняку, неизвестно откуда прибывшему. Сомнение вызывало и книжное дело: во Львове до приезда московского первопечатника типографий не существовало. Здесь Иван Федоров стал также зачинателем книгопечатания. Отказ львовских коммерсантов приводил Ивана Федорова в отчаяние. Он умолял их о помощи, унижался перед ними. *«Помощи прося от них, – писал впоследствии первопечатник, – и метание сотворяя, коленом касаяся и припадая на лица земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах».* Но ни слезы, ни земные поклоны не разжалобили толстокожих торгашей и бессердечных ростовщиков. Тогда первопечатник обратился с теми же просьбами к высшему духовенству, к сановным церковникам. Но и они отказали ему в помощи, равнодушно отнеслись к его мольбам и слезам. По признанию первопечатника, он *«не испросих умиленными глаголы, не умолих многослезным рыданием, не исходатайствовах никое яже милости церейскими чинми, и плакахсяпрегоркими слезами, еже не обретох милующаго, ниже помогающаго».* Казалось, исчезала последняя надежда на типографию, на продолжение любимого дела. И вдруг помощь пришла неожиданно от тех, кто сам был небогат. По призыву низшего духовенства украинские патриоты сами собрали деньги, необходимые для организации типографии, и передали их первопечатнику. Простые люди поняли, какое патриотическое и нужное

для их народа дело задумал наладить московский первопечатник, какую важную роль может сыграть печатное слово в их борьбе за национальную свободу. Неожиданная помощь простых людей обрадовала первопечатника, воодушевила его. С большим увлечением он начал устраивать типографию, принялся за дело, которое получило народное признание, народную помощь.

Он дополнительно изготовил доски и шрифт, приобрел бумагу, подыскал помещение, нанял столяра для приспособления этого помещения под типографию. Но тут Иван Федоров опять столкнулся с препятствиями. Выяснилось, что, по местным законам, он не имел права самостоятельно нанимать столяра. В то время все городские ремесленники входили в соответствующие цехи. Помимо них никого нельзя было приглашать на работу. И 26 января 1573 г. городской совет города Львова постановил, что друкарь-москвитянин Иван Федоров, нуждающийся в различного рода столярных работах, хоть и не имеет права держать собственного столяра, но может нанять такового у какого-либо мастера. Столярный цех выразил протест против такого решения. Тогда городской совет по просьбе Федорова обратился в Краков, к тамошним типографам Матвеем Зибенанхеру и Николаю Пренцине с просьбой разъяснить, как надлежит поступить в подобном случае. Уже 31 января пришел ответ. Из Кракова сообщили, что типографы у себя столяров не держат, но согласно обычаю нанимают их на нужное время. На основании полученного ответа городской совет подтвердил свое первоначальное решение. Но столярный цех заявил, что решению не подчинится и мастеров Федорову не даст.

Иван Бильдага, заручившись согласием Федорова, пытался действовать при помощи подарков. Подарков у него не приняли, а Фома Сикет начал угрожать скандалом. Вдобавок поползли слухи о том, что Ивана Федорова изгнали из Москвы как еретика.

Работал Федоров всю зиму. Даже в Москве он так не трудился и не уставал. Но решалась судьба типографии, решалась судьба православных печатных книг. Понимая, что помощи одного сына недостаточно, Федоров, пользуясь правом шляхетства,

нанял себе слугу – безземельного львовского мещанина Василия Мосятинского. Он взял Мосятинского к себе в дом на все готовое, обязался кормить и одевать его, платя сверх того по пять золотых в месяц, на условии, что тот станет выполнять все поручения Федорова. Ценой невероятных усилий, нечеловеческого напряжения Ивану Федорову удалось к 15 февраля 1574 г. завершить печатание Апостола с московских матриц. Книгу он закончил обширным послесловием, в котором рассказал о своем вынужденном отъезде из Москвы. Федоров писал, что должен скитаться по чужим странам из-за невежд, умышлявших на него ереси, и отводил обвинение в том, что бежал от православного государя – надежды славян. Это было лучшей отповедью тем, кто продолжал распространять слухи об еретичестве Федорова.

Букварь Федорова вышел объемистым, в восемьдесят страниц. На последних листах первопечатник опять обратился к читателям. *«Возлюбленный и чтимый христианский русский народ греческого закона, – писал Федоров. – Не от себя написал это немного, но от учения божественных апостолов и богоносных отцов и от грамматики преподобного отца Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей. И если труды мои окажутся достойными вашей милости, примите их с любовью. А я охотно готов потрудиться и над другими удобными вам книгами, если даст бог по вашим святым молитвам. Аминь».*

Федоров умалил свои заслуги. Но истинному христианину подобало смирение, а указание на Иоанна Дамаскина должно было помочь избежать возможных нападков на самовольное обращение с текстами... Букварь удался. Было совершено большое, полезное дело. Новые книги, как две капли воды, походившие на московские, были сложены частью у Федорова, частью у Виттенберга, частью в обширных подвалах дома Ивана Бильдаги. Одну книгу Федоров преподнес епископу Гедону Балабану, несколько отдал в православные львовские церкви. Священники приняли дар несколько растерянно, епископ поблагодарил весьма сухо. Известие, что московский друкарь закончил работу над первой

книгой, сразу облетело весь Львов. Федорова стали замечать богатые купцы и мещане, дотоле не замечавшие его. Однако Федорову вновь нужны были деньги. Доверив продажу части книг тому же Виттенбергу, задумал сам объехать ближние города, а потом податься с Иваном Бильдагой в Молдавию и Валахию, где, по утверждению Бильдаги, он мог бы взять за книги хорошую цену в монастырях, а заодно поискать книги черногорца Макария. У самого Бильдаги денег было в обрез. Федоров отослал чetyреста злотых Лаврентию, а сам с Иваном Бильдагой отправился в путь. Был он утомлен, но радовался, что книги его придут к христианам. И они, в самом деле, пошли и в Польшу, и в Литву, и в Москву, и дальше во дворец кардинала Гозия. В Кракове кардинал, рассмотрев Апостол, присланный краковским епископом, своими руками сжег книгу. А потом долго задумчиво смотрел в растворенное окно.

Были в новой Азбуке и параллельные греко-славянские тексты, набранные в две колонки: в левой – греческие, в правой – славянские. Тексты помогали школярам освоить основы греческого языка.

27 сентября 1909 г. был открыт памятник первопечатнику Ивану Фёдорову. Газеты того времени писали, что на открытие памятника собрались толпы народа, люди стояли даже на крышах домов. Выступления были запрещены, поэтому люди возлагали венки молча. На одном из венков было написано: *«Первому мученику русской книгопечати»*.

Текст на старорусском языке (фрагмент):
«Азбука Ивана Федорова»

Дѣи́я азбу́ка . ѿкни́ги
осмоу́частныа , срѣ́чь
грамматикѣи .

АЗЪ .

БѸки . бѸда . онъ . къ
бѸдиши . ты .
бѸдѸтъ . тои .
бѸдиа . мы два .
бѸдиа . вы два .
бѸдиа . со мною мнози
бѸдите . бе мене мнози
бѸда . ꙗкобынѣцыи на
на глаю , ꙗн мы надрѸги .

ДНЫ БѢДУТЬ ВЪШН ЛЮ
 БВН . ПРИМѢТЕ СІА СЛЮ
 БОВІЮ . А ДНОИИХЪ ПИ
 САНІИХЪ БЛГОУГОДНЫ СЪ
 ВОЖДЕЛѢНІЕ ПОТРУДИТИ
 СЯ ХОЦІ . АЩЕ БЛГОВОЛН
 БГЪ , ВЪШНМН СЪТІМН
 МОЛІТВАМН
 АМННЬ .

ВЪДРУКОВАНО ВОЛВОУТЪ ,
 РОСКЪ , А , ФОДЪ .

Интернет-источники

URL:<http://www.keliya.org/new/svyaty-e-otcy-cerkvi-xvi-xix-vekov/prepodobnyj.-maksim-grek.html>

URL:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EA%E8%EC_%C3%F0%E5%EA

Иоанн Дамаскин «О осмихъ частехъ слова» (~1586)

Грамматический трактат «О восьми частях слова» представляет собой компиляцию нескольких греческих грамматик. Создан, вероятно, где-то на территории южного славянства в XIII–XIV вв. Традицией авторство приписывалось Иоанну Дамаскину, т. к. в большом количестве списков эта грамматика представлена вместе с его «Диалектикой» и «Богословием», а перевод – экзарху Болгарскому. Поэтому часть исследователей склоняется к мнению о южнославянском происхождении памятника.

Из 8 заявленных частей речи (имя, речь, причастие, различие, местоимение, предлог, наречие и союз) в рукописях имеются в наличии только 4 первые. Известен лишь один русский список, в котором дано описание и других 4-х частей речи. Скорее всего, это более позднее добавление, не имеющее отношения к протографу. Грамматика Псевдо-Дамаскина имела значение для развития восточнославянской грамматической мысли. Ее популярность у восточных славян подтверждается наличием большого числа списков XIV–XIX вв. Эта грамматика послужила также основой для других, более поздних грамматических сочинений.

Древнейшим чисто грамматическим славянским трудом является трактат о восьми частях речи, который в сербском списке XV в. озаглавлен «Осьмъ честию слова, велико глаголемъ и пишемъ», в восточнославянском списке начала XVI в. – «СТГО Иоанна Дамаскина о осмихъ частѣхъ слова, Элика пишемъ и глаголемъ». Благодаря К. Калайдович, в филологии длительное время повторялось утверждение о распространенности на Руси славянской грамматики Иоанна Дамаскина, переведенной Иоанном экзархом болгарским (конец IX–начало X вв.). Против такой

версии выступили А. Горский и К. Невоструев, которые отметили, что среди известных печатных и рукописных произведений И. Дамаскина грамматики нет. По их мнению, авторство грамматического трактата некоторые переписчики стали приписывать И. Дамаскину в связи с тем, что статья в сборниках обычно находилась рядом с диалектикой этого византийского писателя. А. Горский и К. Невоструев считали, что и перевод грамматического трактата несправедливо приписывается Иоанну экзарху болгарскому, ибо «в языке грамматики, ее грамматических формах и словах нет ничего такого, что указывало бы на это. Кроме того, на их взгляд, антропонимы Милош, Драгош, Добромиръ, Радославъ, Драгомиръ, принятые в трактате для экземплификации, указывают на происхождение произведения не из Болгарии, а из Сербии.

С отрицанием рассуждений А. Горского и К. Невоструева выступил В. Малинин, который нашел 13 списков памятника (среди них нет венской публикации трактата 1586 г.). Автор пишет, что антропонимы *Добромиръ*, *Радославъ*, *Драгомиръ* встречаются и в древних памятниках болгарского языка.

В. Малинин подчеркивает, что ласкательная форма *Драгошь* удостоверяется в болгарских грамотах и синодике (помьянику) *Севастьянова*, имя *Милош* выступает в болгарских народных песнях. Учитывая это, догадка о сербском происхождении памятника, насколько она основывается на указанных лицах, не может быть признана удовлетворительной. А. Горский и К. Невоструев ничем не доказывают тезис о том, что речь грамматической статьи не соответствует языку переводов Иоанна экзарха. Проанализировав некоторые особенности орфографии достопримечательности, в частности употребление букв **ь**, **ъ**, **Ъ**, **ia**, **z**, **А**, **Ж**, и морфологии, в том числе отметив формы именительного падежа единственного числа существительных: *звондши* «цвях», *черви* «черв». В. Малинин подытоживает: «Хотя язык грамматики и фиксирует много поздних явлений, неизбежно связанных с частыми и поздними переписываниями, в ней нет ничего такого, что бы совсем отделяло ее язык от языка других древних произ-

ведений, известных по поздним спискам». В памятнике нет заметных архаизмов, но это не является достаточным основанием для отрицания ее давности.

Согласился с доводами А. Горского. К. Невоструева и Г.В. Ягич, который писал, что имена *Милошь, Драгошь* – чисто сербские. Антропонимы *Доброславъ, Радославъ, Добромиръ* не представляют ничего специфически сербского. Название *Маниакъ*, что в трактате является иллюстрацией имен «рододатныхъ», встречается в сербских грамотах. Имя *Шумякъ*, которое в статье дается рядом с *Маниакъ*, ученый связывает с существительными «шум», «лес», но прямой параллели к антропонимам в сербских памятниках не нашел.

Г.В. Ягич полагал, что автором перевода считался Иоанн экзарх из-за того, что в рукописных сборниках непосредственно перед грамматической статьей или после помещались произведения, которые действительно принадлежали болгарскому писателю или ему приписывались. Историк славянской филологии видит сближение в трактате существительных мужского рода с окончанием «ерь» (*вЪтръ*) с существительными женского рода на «ерь» (*соль*) и делает вывод, что у автора грамматической статьи уже не было точного различения **ь** и **ѣ**. Такой дифференциации этих букв не было как у сербов, так и болгар в XIII–XIV вв. Древний лингвист, считая, что некоторые существительные женского рода заканчиваются не на **-а**, а на **-ѣ** или **ѣ**, иллюстрирует свое утверждение словами *свекры* рядом с *мать, доуцы*, среди существительных на **-и** и (*червиш , гвоздиш*) он дает лексему **ками**. Звуки (буквы) **ѣ** и **и** в XII–XIII вв. путали и сербы, и болгары. Автор грамматического трактата различает две формы будущего времени: *бить хоуцу* – *бить имамъ*. Составные формы будущего времени со вспомогательным глаголом *хоуцу* одинаково распространены у сербов и болгар, однако Г.В. Ягич отмечает, что формы с *имамъ* и *иму* больше известны в старосербском, чем в староболгарском языке. Во всех списках памятника первое лицо выступает с флексией **-ва**, чего в древних текстах нет (там господствует окончание **-вѣ**). Ученый допускает, что такую флек-

сию двойственного числа в сербских текстах XIV в. можно будет найти. Г.В. Ягич также относит к сербизмам флексию **-мо** в форме первого лица единственного числа настоящего времени глаголов в восточнославянских списках, хотя все другие примеры указывают, что источником их был текст болгарской редакции.

Выдающийся славист сопоставил дефиниции исследуемой достопримечательности с материалами различных греко-византийских источников. Г.В. Ягич обнаружил, что заголовок статьи – дословный перевод с греческого: «*Περὶ τῶν ὀκτώ μερῶν τοῦ λόγου*». Под этим заголовком известно несколько византийских грамматических статей, среди них одна с XII в. Славянский переводчик черпал материал из различных источников. Параллели к славянскому тексту ученый обнаружил в грамматике Дионисия Фракийца, работах Псевдо-феодосия, Георгия Хировоска и других. «Статья производит впечатление сводки с схолий или комментариев, которые происходят от разных авторов, из которых славянский переводчик сделал довольно неудачный подъемник очень мало соблюдая при этом удовлетворительный порядок» – замечает Г.В. Ягич, который пришел к выводу, что трактат составлен на основе очень поздних греческих образцов в Сербии около начала XIV в. Но ученый, наконец, признает в славянской достопримечательности «проблеск самостоятельной наблюдательности».

Однако за пределами Сербии были распространены не только древнеславянские мужские антропонимы *Доброславъ*, *Радославъ*, *Добромиръ*, но и имена *Драгош*, *Милош*. Они удостоверяются в румынско-болгарских (*Драгошъ*, *Милошъ*; покупа отъ *Дръгоша* – 1587 р.) и молдавско-украинской (*Драг ошь* – 1395 г., *Драгош* – 1455 г., *Милош* – 1481 г.) памятниках. Имя *Милош* в Болгарии (преимущественно юго-западной) изредка встречается и теперь. Антропоним *МанѢ* (сокращение имени Емануиль), зафиксирован в памятке «*рододатне имя*» *Маниакъ*, свидетельствуют румынско-болгарские документы – *МанѢ* дворник (1441 г.), жупанъ Драгомиръ Маневъ (1471 р., 1472 р.), повелѢние ... Могошу и манев (1577 г.). Изредка в Болгарии это мужское имя удостоверяется и сейчас. «*Рододатне имя*» *Шумiakъ* (Шюмакъ), возможно, про-

исходит от антропонима Шумо, который функционирует в современном болгарском ономастиконе: «*пусть шумит, шумит, движется и говорит, радует близких*», «*чтобы был живой, как зеленый лес*», болг. Шума – «лес».

Формы первого лица двойственного числа глаголов с окончанием **-ва** на месте типичного **-вѢ** изредка встречаются уже в старославянских памятниках.

Флексия **-мо** в глаголах первого лица единственного числа настоящего времени также изредка фиксируется старославянскими памятниками XII в. Но ее нет именно в сербском списке грамматического трактата. Флексия **-мо** характерна для восточнославянских списков исследуемого текста, причем она выступает непоследовательно: *творим*, но *биемса*, поэтому не исключено, что она введена украинскими переписчиками в тексты в XV–XVI вв. В славянском трактате не фиксируется никаких фонетикоморфологических явлений, которые препятствовали бы отнести его возникновение до XII в. Если допустить, и что второе соображение о роде (от слов «*Соут же нѢказ имена мнѣцаасз быти моужьска ...*» до слов «*иако же ками, гвозди, черви и таковая*»), в котором есть косвенное указание на неразличия автором букв ъ и ь, а также непосредственное свидетельство неразличение им -ы и -и – это позднейшая вставка, то трактат можно датировать более ранним временем – концом XI – началом XII в. Нет в памятке и каких-то явно новых, нестарославянских лексических элементов. В ней фиксируются отдельные слова, характерные для неконфессиональных текстов XI ст. Например: «*прочая же оубо части оглааниа суть имена*» в трактате – «*ДесАть потому въсѢхъ есть оглаогланины, рекъше прѢроднии роды ...*» в Изборнике 1073 г.

В житии Константина (Кирилла) пишется, что во время пребывания в Корсуни (Херсонесе) по пути в Хазарию греческий миссионер научился древнееврейскому «*бесѢдѢ и книгамъ, осмь чАстиы граматикаи преложи*». Болгарский филолог Е. Георгиев в связи с этим выдвинул гипотезу, будто основой славянского трактата является грамматическое произведение в свое время переведенное Константином (Кириллом) на греческий язык с древнееврейского. По мнению Е. Георгиева, повторение, внутренние

противоречия, несогласованности, расхождения с греческими грамматическими трудами, обнаруженные Г.В. Ягичем, возникшие вследствие того, что старославянский переводчик трактата и поздние переписчики видели везде неполноту и несоответствия, которые они стремились устранить, так как разница между грамматическим строем древнееврейского, с одной стороны, и греческого и старославянского языков, с другой, была велика. Е. Георгиев отмечает, что в трактате описывается четыре части речи, а в древнееврейской грамматической системе выделяются только три класса слов, что противоречит четырем частям речи, рассмотренным в памятке. Но, по его мнению, это противоречие можно устранить, если причастие отнести к классу глагола потому в трактате говорится: «*Причастие же есть глаголь...*». Однако это предположение явно неспособно. Греческие источники славянской достопримечательности, обнаруженные Г.В. Ягичем, не вызывают сомнений. В тексте есть и прямое указание на греческую грамматику: «*супружества же рѣчы ... дѣлат же съ въ три на Десзта ѿт еллинъ*». Понятие причастия в грамматической статье не определяется через понятие глагола, поскольку «гль» в трактате означает «слово», а глагол обозначается термином *рѣчь*. Недавно Л.П. Жуковская открыла продолжение (дополнение) славянского трактата «О восьми частей речи» в сборнике начала XV в. Оно имеет заголовок «*А се Сказание триемъ частемъ слова, оставшим ѿт осмихъ частей слова*».

Фонетические (например, ко, преже) и грамматические (например, форма именительного множественного – слоги вместо *слозы*, пропуск вспомогательного глагола в 3-м лице единственного числа перфекта – *вчера дѣлалъ, и, может, союз да*) особенности свидетельствуют о восточнославянском происхождении этого списка.

Но стиль и лексика дополнения близки к известным неполным спискам трактата, поэтому вопрос о том, откуда он пришел из южнославянских земель или является восточнославянским переводом какого-то греческого текста, остается нерешенным. Критическое издание памятника по всем сохранившимся спискам, полные текстологические исследования их с целью восстановления протографа – дело будущего.

Списки трактата, в которых говорится только о четырех частях речи, текстуально очень близки. У них есть также заметные различия в сроках для обозначения категории числа и падежа. В сербском XV вв. и части восточнославянских списков XVI–XVII вв., в том числе в виленском издании 1586 г., число именуется, как единственно, двоино, множительная. Восточнославянский список начала XVI в. соответственно фиксирует: число единствен, двойствен, множествен. Аналогичное образование засвидетельствовано в недавно найденном восточнославянском списке начале XV в.: (*Число*) *един в [вено]*. В восточнославянской достопримечательности начала XVI в. для обозначения падежа употребляется исключительно термин **падете**. Зато сербский список XV в. и часть восточнославянских списков XVI–XVII вв., в том числе и венское издание 1586 г., наряду с преобладающим **падете** свидетельствуют и словообразовательный вариант падежа. Деривация от глагола падать с праславянским суффиксом **-ежь-** падежа «падения» фиксируется церковными памятниками начиная с XIV в. (П. Беринда указанное слово переводит «*паденье, паднѣнье*»; для хронологии славянского трактата этот факт кардинального значения не имеет).

С разночтений текста памятника бросается в глаза разнообразие примеров, которыми иллюстрируется форма будущего времени: *тыи вамъ боудуть соудие, ли тыи вамъ соудеть; тыи вамъ имуть судить; тыи вамъ соудѣтъ*. Итак, выделяются, по крайней мере, две редакции достопримечательности. Одну представляют сербский список XV в. и восточнославянские списки XVI–XVII вв., вторую – восточнославянский список начала XVI в., который опубликовал К. Калайдович. Какой из них старше, сказать трудно. Поскольку существительное *падете* «падение» широко документируется старославянскими памятниками, думаем, что и как грамматический термин он древнее. Непоследовательное и редкое употребление словообразовательного варианта падежа может указывать на позднее его введение в статью и о попытке славянских филологов подчеркнуть грамматический термин. Видимо, восточнославянский список начала XVI в. ближайший протографа. По терминологии – *един в [веной]* число – близкое

продолжение дополнение, хранящиеся в восточнославянском сборнике первой половины XV в.

Учитывая особенности текста достопримечательности, определено, что она возникла на южнославянских землях (вероятно, в Македонии) не ранее конца XI в. и не позднее конца XIV в. Поскольку убедительного датирования достопримечательности нет, а восточнославянские списки трактата не старше XV вв., произведение «*О осмихъ частехъ слова*» рассматриваем в контексте украинского, а не древнерусского языкознания.

Трактат начинается общим замечанием, что «слово», которое существует в душе, вдруг рождается через уста, получив дар речи («слова»), человек должен изучить составляющие ее части. Частей речи («слова») 4, но имеется восемь.

Все греческие термины в трактате переведены, ни одного не заимствовано в греческом звучании: има (*гр.* *ὄνομα* «*имя*»), рѢчь (*гр.* *ῥῆμα* «*слово, сказанное, высказывания*»), мѢсто имени (*гр.* *αὐτονομία* <*αὐτι* «*вместо*», *ὄνομα* «*имя*»), причастие (*гр.* *μετοχή* «*участие, причастность, общность*»), нарѢчие (*гр.* *ἐπίρρημα* <*ἐπί* «*на, сверху, у, при*» [*при вопросе где?*], *ῥῆμα* «*слово, сказанное, высказывания, глагол*»), предлогъ (*гр.* *πρὸς* «*про яро «перед»*», *θέσις* «*постановка, размещение, тезис, расположение, позиция*»), союзъ (*гр.* *σύνδεσμος* «*связь, соединение, единство*»), различие (*гр.* *ἄρθρον* «*член, часть тела, орган*»). Здесь специально приведены различные возможные значения греческих слов, чтобы наглядно показать, что славянский грамматист не слепо калькировал греческие термины, а переводил их согласно тогдашним пониманиям классов слов, давая соответствующие абстрактные славянские соответствия греческим терминам. Не совсем удачно скалькированное название наречия – нарѢчие, потому что это, собственно, «*прирѢчие*» (то, что сопровождает, объясняет рѢчь – глагол). Позднее, в XVI в., Максим Грек наречие так и назвал прирѢчие, а артикль – члѢнь. Некоторые из частей речи имеют «*в себѢ раздѣленіи, есть грамматические категории*».

Имя в исследуемой достопримечательности делится на мужеской (например, бгъ, Петръ, вѢтръ, мѢсаць, свѢтъ), жень-

ский (например, *стаа, БЦА, ДША, луна, земля*), *средний род*, (например, *естество*). Который у одних имен выявляется с помощью артикля, у других – без него. Автор статьи высказывает свое собственное наблюдение над славянской системой – без артикля род имен узнается так: имя мужского рода «*ерь скончаваесть*» (заканчивается на **-ь**), женского **-азь** (на **-а**), среднего **-онь** (на **-о**).

Имени присущи пять падения «падежей» (как отмечалось, в исследуемом списке падеж именуется также падежа). Они бывают: *права «именительного», родна «родового», виновно «винительного», дательно «дательного», звательна «звательного»*. Падежи и падежные формы языковед иллюстрирует в парадигмах существительных родов мужского – *члкъ, члковъ, члка, члку, ѿ члче*, женского – *жена, Жени, женою, женѢ, ѿ жено*, среднего – *естество, естествовать, Эстества, естествоу, соестество*. В парадигмах привлекает употребление родовых форм притяжательного прилагательного вместо формы родительного падежа. Оно, вероятно, вызвано тем, что славянский переводчик некстати принял во внимание только одну из функций родительного падежа греческого языка – выражение притяжательности. Подобная трактовка материала наблюдается и в других славянских грамматиках. С. Заборовский в грамматике латинского языка, объясняя ученикам в польском отличие имени *Joannes*, в родительном падеже представляет *Joannis – Janowo, albo Janów, Janowa, Janowego, Jana*.

В трактате отмечается, что некоторые имена кажутся мужскими, «*не потому азомь скончаваются, но еремь*» (*кровь, соль, трость, персть*), но артикль («различие») указывает, что они относятся к женскому роду. Так дополняется ранее высказанное мнение об окончаниях существительных, с помощью которых познается их грамматический род. Далее говорится, что среди существительных среднего рода являются слова «не скончаваются ономь, но естемь» (т. е. не на **-о, а-е**) – *слнце, оружие, копье*; что между существительными женского рода есть лексемы, которые «не скончаваются на азь, но на и» (т. е. не на **-а, а-и**) – *мать, свекры, дщы*, а среди существительных мужского рода оказыва-

ются слова, которые «не на ерь конецъ имоуть, но на и» (т. е. не на -ь, а-и) – *ками, звезды [и], черви [и]*. Г. В. Ягич утверждал, будто древний славянский языковед сближал существительные женского рода типа *кровь*, *соль* с существительными мужского рода типа *члкъ*, потому трактовал конечный гласный в обоих случаях как «еръ». Восточнославянский список памятника не дает полного основания для такой трактовки материала, ведь в нем говорится, что некоторые имена женского рода «*скончѣваются еремь*», т. е. -ь, а не «*еромь*», т. е. -ь.

Отнесение существительного *свекри* (вместо *свекры*), *ками* (вместо *Камы*) до слов с конечным -и свидетельствует о слиянии в языке автора давних **ы** и **и**. Как отмечалось выше, не исключено, что повторные рассуждения о роде существительных является позднейшей интерполяцией.

Во всех родах есть еще разделение на имена «Общая все мое ес[тес]ву» и на «*собно коем оуждосъставу*», следовательно, в рамках всех родов имена делятся на общие (например, *члкъ, жена, соущество*) и собственные (например, *Петръ, Анна*). Для имен среднего рода примеры в статье подобраны неудачно: *НБО, желѢзо*.

Имена имеют «числа единственно, двойном, множно», т. е. единственность, двойственное, множественное (как отмечалось, в некоторых списках – единствен, двойствен, множественно). Поскольку формы единственного приведены там, где речь шла о падеже, соответствующие слова (*человѢкъ, жена, естество*) автор отменяет только в двойственное: *члка, члку, члка, ѿ члка; женѢ, женинѢ, женам, женѢ, ѿ женѢ; ествѢ, естеству, ествѢ, еством, ѿествѢ; и множественном числе: члцы, члкъ, члкъ, члкомъ, ѿчлцы; жены, женъ, жены, женамъ, ѿ жены; ества, ествъ, ества, ествомъ, ѿества*. Характерно, что в родовом двоини (члку, естеству, но – женинѢ!).

Относительно изображения на письме – начертания – имя характеризуется как просто, когда из одной части речи (*Петръ, Павелъ, Фома, Милош, Драгош*), сложно – из двух частей (*Доброславъ – с добром и слава; Радославъ – с радость и слава; Драго-*

миръ – с драг и миръ, причем добро, Драго автор квалифицирует как наречия), пресложно – из трех частей речи (блгоповѣстникъ, злоприАтенъ и др.). В «пресложных» существительных, следовательно, автор считает префикс частью речи (очевидно, предлогом). Грамматист пишет: «осмь частой Соут слова, има же всѣхъ јако основание, прочая же оубо части огланиа Соут имени. В имени потому глутсѣ являющыи страсть или дѣиствующаго, множае же онѣхъ рѣчь», есть другие части речи, особенно глагол, объясняют существительное.

Глагол характеризуется тремя часами («на три потому дѣлитсѣ время»). Оно передает действие в прошлом, настоящем и будущем временах – «дѣйство мимошедшаго» (*Петръ оучаше*), «настоящаго» (*Матвей блговѣстоуетъ*), «боудущаго времени» (*вамъ соуджтъ*); очевидно, речь идет о форме настоящего времени в функции будущего. «Мимошедшее время» обозначается также синонимичным словом «Минувшее».

Открытое Л.П. Жуковской продолжение трактата имеет заголовок «А это сказание триемь частемь слова, оставш(м) ѿт осмий частей слова», хотя фактически в нем кратко рассмотрены четыре части речи: местоимение, предлог, наречие и союз. В дополнении говорится, что «мѣсто имени» (местоимение) характеризуется категорией рода – мужско (падежные формы: *онъ – оного, тот – того – назад; сей – сего – сему; и, –или иже*), женско (*она – оныА; и – тоа – тот; сиа – сеа – сей, я, или яже*), средне (*оно; сеет, есть, или еже*) и категорией числа – един ст. (*Онъ, тот*), двух – (*Она, и*), множ.– (*они, тивы*).

Шестая часть речи – предлогъ представлена перечнем предлогов: *мясо, ко, въ, о, нис, къ, изъ, исъ, ѿт, о, оу*.

По перечню предлогов, неизвестный грамматист отметил: «Предлогъ наричетсѣ поне ж назнаменаеть точию рѣчь». В памятнике помещены примеры – словосочетания с указанными предлогами, например: *по мнѣ, по насъ, по бзѣ; ко граду, ко вратомъ; в ѣ црковъ, въ домъ, выныс въ верхъ, къ црю, о бга, обо мне, о насъ, изъ облака, изъ тебя изъ корне, ис тебя исъ корне, ѿт града, ѿт тебя; о бзѣ, о людих* и другие.

Префиксы в старинной грамматической традиции считались также предлогами. После параграфа о предлоге кратко сказано о наречии: «*Часть. 3.А. Нарѣчїе это есть, нарѣчїе именуется, понеж прежде рѣчѣ полагаетьсз*» (т.е. ставится перед глаголом). Различаются «*нарѣчїе без рѣчей*» (т.е. которое не указывает на признак глагола) – *предобрѣ, праведнѣ, вчера, заутра* и др. и «с рѣчию» (т. е. с глаголом) – *предобрѣ поеть, праведнѣ творить, вчера дѣлалъ, ннѣ праздновалъ, заутра приходилъ*.

В дополнении немного говорится и о восьмой части речи – союз, что иллюстрируется словами: *аще, потому, поне, понеже, зане, занеже, ли, или, да, и, яко, совета*. Неизвестный лингвист объясняет, что «*наричють же слоги сиа союзам, понеже ты обрѣтшесз посредѣ двюю рѣчию, присовокоуплзють А вторую къ друзѣй*» (т. е. «находясь между двумя глаголами, присоединяют одно к другому»): *можеши, аще восхоцешы*. Дополнение заканчивается разъяснением, что такое лицо, вид, залогъ.

В исследуемой достопримечательности излагается своего рода абстрактная теория грамматики со славянскими иллюстрациями. Поскольку греческий и славянский языковые структуры близки, греческое учение достаточно легко иллюстрируется славянскими примерами.

Трактат «О осмихъ частехъ слова» – не просто перевод греческого произведения или компиляция из греческих трудов, а первая попытка приспособить грамматическое учение греков и византийцев к славянскому языковому материалу, осмыслить особенности славянской морфологической системы, произвести славянскую языковедческую терминологию. Он подготовил почву для первых оригинальных лингвистических работ у восточных славян.

Многие термины из этого трактата усвоили следующие восточнославянские грамматисты. Некоторые из них в неизменном или модифицированном виде сохраняются и в современных славянских языках.

Трактат «О осмихъ частехъ слова» сыграл первостепенную роль в развитии грамматической мысли восточных славян, в их

образовании XIV–XVI вв. В украинских и белорусских школах до конца XVI в. трактат использовался как грамматическое пособие. Из шестнадцати известных теперь списков памятника пятнадцать восточнославянского происхождения.

С исследуемым трудом был знаком и выдающийся филолог XVI в. Максим Грек, работавший в России. В одной из грамматических статей он кратко рассказывает о восьми частях речи. Примеры, которыми автор иллюстрирует каждый класс слов, заимствуются из древнего славянского трактата -има: бгъ, Петръ, земли, рѣчь: глю, причастие: *гла, члѣнь: иже, ихже, иже* и др. ; вѣсто имени: **это (и), то (и)** и другие.; предлог: **по, къ, съ, въ, о, ни (с)** *прирѣчие: добрѣ; съоу (с)*, ибо, *поне, понеже, занеже*. Как отмечалось, Максим Грек изменил некоторые термины (члѣнь вместо различие; прирѣчие вместо нарѣчие) своим пониманием их греческих соответствий. Ученый имел в своем распоряжении полный текст славянского труда, в котором описаны восемь частей речи.

Отрывок из трактата «О осмихъ частехъ слова» – впервые напечатал Иван Федоров во Львовском «Буквари» 1574г.

Под названием «Граматыка словенський языка» в 1586 г. трактат напечатан в Вильне. В послесловии к публикации произведения указано: «За прозбою жителей столицы великаго княжества литовьскаго града Вильно. Сиа граматыка словенський языка». Первопечатник памятника сохранился лишь в двух экземплярах, причем оба неполные. Напечатанный вариант относится к восточнославянской редакции. В публикации в одном месте перепутаны текст. Характерной особенностью первого, виленского издания труда является то, что на полях напечатаны латинские соответствия славянских терминов, например. *Numeri nominum, Numer idualis, Numerus pluralis; Nomini accidun tquinque: genus, species, figura, numerus et casus; Deriuatiua nomina, Nomen simplex, Nomen compositum, Tempus preteritum, Presens, Futurum, Participium, Casus, De verbo narrateo et explication*. Указанные эквиваленты указывают на ознакомлены образованных людей на Украине и в Белоруссии с латинской грамматической теорией (терминологии) и на назначение книги для школ, в которых

изучалась также латинский язык. В виленской публикации памятника впервые фиксируется срок его издания. Срок привился в украинской (и шире – восточнославянской) лингвистике.

Приписывание трактата Иоанну Дамаскину в условиях господства религиозной идеологии сыграло положительную роль, ведь грамматическое искусство освящалось одним из самых древних христианских авторитетов.

Отрывок от начала трактата «По бжию образа ...» к фразе «Оубо дѣлится на трое: въ мужеского и женско и среднее» напечатана в предисловии к московскому изданию «Грамматики» М. Смотрицкого в 1648 г.

Даже в предисловии к церковнославянской грамматике, напечатанной в 1773 г. в Почаеве, цитируется древний славянский трактат: *«Наипаче же по научению великаго бгослова, церковнаго же оучителж стго Иоанна Дамаскина, иже всжкому разумомъ почтенному человѣку грамматическое художество всаческы быти потребно судитъ говорю: По образу бжию созданнаго человѣка и слова почтеннаго саномъ ... суть же оубо слова частей осмь, елика глаголемъ и пишемъ, внѣ же сихъ ничтоже есть. Суть же сиж: има, глаголь, мѣстоимение, причастие и прочая. К зѣбстый Дамаскинъ»*. Следовательно, он не потерял актуальности даже в XVIII в, а в настоящее время представляет интерес с точки зрения истории развития восточнославянских языков.

Литература

1. Публ.: *Калайдович К.Ф.* Иоанн Екзарх Болгарский. М., 1824. С. 74–81, 167–173; *Ягич И.В.* Рассуждения южнослав. и рус. старины о церковнослав. языке. СПб., 1896. С. 38–77.

2. *Малинин В.Н.* Грамматика Иоанна, экзарха Болгарского // сб. статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.

3. *Колесов В.В.* Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи Средневековья // История лингвистических учений: позднее Средневековье. СПб., 1991. С. 208–254.

Интернет-источники

URL:<http://www.az-customs.net/rus/arxlaw/he5127.htm>

URL:<https://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарны%20словарь/«О%20восьми%20частях%20слова»/>

Лаврентий Зизаний «Грамматика» (1596)

При определении памятников, составляющих рукописную грамматическую литературу, необходимо учитывать традиционный характер средневековой культуры, ее ориентацию на духовные ценности и авторитеты прошлого, ее внимание к вечному, консервативно-реставрационную направленность филологической деятельности. В XI–XVII вв. памятники X–XIV вв. полностью сохраняли свою актуальность – они читались, копировались, включались в новые сборники, при этом древнейшие сочинения воспринимались как самые авторитетные.

Существенная особенность средневековой грамматической литературы в том, что научная литература еще не отделилась от учебной. Важнейшие памятники, вобравшие в себя открытия и достижения филологической мысли своего времени, создавались как учебные книги.

В восточнославянской книжности XVI–XVI вв. грамматика была достаточно новым жанром. В предшествующие века на Руси знали один путь обучения церковнославянскому языку – путь многократного пропитывания и заучивания важнейших канонических и богослужебных текстов. Заученные тексты служили образцами при создании новых текстов на церковнославянском языке. Такой текстовой путь обучения соответствовал закрытому, традиционному типу культур феодальной эпохи.

Новизна грамматики как учебной книги – она содержит правила построения любых текстов на данном языке, в том числе значительно отличающихся от образцовых. Такой аналитический путь обучения языку соответствует культурам нового времени, в большей мере открытым и динамичным. О новизне грамматики как учебной книги, о сложности процесса включения грамматик в сложившуюся традицию говорят связанные с ними богослов-

ско-филологические споры. Грамматики латинского и греческого языков, которые во второй половине XVI в. стали появляться в белорусских и украинских коллегиях и братских школах, были враждебно встречены консервативной православной книжностью как проявление «суетной», «внешней мудрости», своим язычеством и «латинством» опасной для истинного благочестия.

«*Граммати́ка словенска съвершеннага искусства осми частій слова, и иных нуждных*» предназначалась Лаврентием Зизанием для учеников братских школ. Такой учебник был крайне необходим, так как ни виленская грамматика (1586), ни грамматика «Адельфотис» (1591), которыми пользовались братские школы, не могли дать нужных знаний в области старославянского языка.

Книга Лаврентия Зизания, написанная простым языком, излагала старославянскую грамматику весьма последовательно. При объяснении фонетических норм и грамматических категорий старославянского языка Зизаний постоянно пользуется параллелями из живой белорусской речи. Эти сравнения очень важны, так как еще и еще раз обращают внимание учеников на родной язык. Отличие и связь старославянского языка с русским отмечены в разделе «Каноны орфографии».

Вводная часть книги Лаврентия Зизания начинается с «Эпиграммы на грамматику», где в стихотворной форме определяется роль и место грамматики среди прочих наук. Автор пишет: «*Граммати́ка писма всехъ научаетъ*». Она «*ключомъ бо есть, отворяючы всемъ умъ, к познанию преправый разумъ*».

Далее следует «*Послание спудеом [ученикам] изрядным и всем любителям доброглаголевого и пространного словенского языка*», в котором Лаврентий Зизаний отводит грамматике первое место среди семи наук (грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии), изучавшихся в братских школах. Здесь автор показывает органическую связь грамматики с риторикой, философией и богословием, говорит, что грамматика дает возможность «разумети» прочитанное. В подтверждение этой мысли Зизаний приводит слова римского писателя и политического деятеля III–II вв. до нашей эры Марка

Порция Катона Старшего: *«То што читати, а не разумети есть възгарда [обида] да и смех».*

В вводной части дается понятие о метре и форме стиха, о количестве слогов, их краткости и долготе. Затем следует «Послание типографа», где Зизаний пишет, что грамматика – это не просто книжка, *«але наставницу добру словенскому языку».* Таким образом, в вводной части книги Лаврентий Зизаний определяет значение грамматики и ее место среди других наук из числа семи «свободных искусств».

Лаврентий Зизаний пытается определить, что же такое грамматика. Согласно его определению, *«грамматика есть известное вежство, еже благо глаголати и писати»*, *«грамматика есть певное ведане [чтобы] добре мовили и писали».* В грамматике он выделяет четыре части: орфографию, просодию, этимологию, синтаксис, объясняя их соответственно, как «правописание», «припело», «истиннословие», «съчинение».

Учебный материал расположен в книге весьма удачно. Каждая часть грамматики дается отдельно в подробном изложении, и лишь одна из частей синтаксис – как бы растворилась в изложении орфографии, этимологии, просодии. Книга имеет четкую рубрикацию, поэтому в ней легко ориентироваться.

В старославянском алфавите Лаврентий Зизаний выделяет 37 букв. Он называет их «письменами». Четкого различия между понятиями буквы и звука не дает. «Писмена» разделяются на гласные и согласные. *«Гласные же писмена и глас подати могут сами о себе и слог стапити»*, – пишет Лаврентий Зизанин о гласных буквах, которых у него 11. Гласные в свою очередь разделяются на долгие (четыре), краткие (три) и двоeverменные (четыре). Автор спрашивает, почему они так называются? И отвечает: *«Понеже в творческих стіхсе от сих писмен съставивыся слог» (долгий, краткий, двоeverменный).*

Согласных «писмен» 25 и редуцированный, который, по Зизанию, может быть и гласным и согласным. Гласным **р** бывает тогда, когда стоит между согласными буквами и образует слог; согласным – когда стоит в конце слова и не может образовать

слога. Согласные делятся на простые и сугубые (билабиальные). Простых согласных – 21, сугубых – 5. Простыми они называются потому, что «сами от себя образуются», сугубыми – потому, что образуются от других «писмен».

Затем дается определение четырех дифтонгов из числа гласных (два гласных звука при слиянии составляют дифтонг). Помещая рядом сугубые согласные и дифтонги, автор хотел наглядно показать разницу между ними.

Итак, в этой части «Грамматики словенской» Лаврентий Зизаний дал стройную систему «писмен», показал значение и место их в слове, разобрал подробно и наглядно каждую букву в отдельности и весь старославянский алфавит в целом, указал на происхождение сложных сочетаний согласных и гласных звуков и образование аффрикат и дифтонгов.

Большое внимание в братских школах уделялось стихосложению. Ученики этих школ сочиняли стихи в честь больших религиозных праздников, своих высоких покровителей и т. д. Это давало возможность развивать умственные способности воспитанников братских школ и состязаться с иезуитскими коллегами, которые, стремясь привлечь к себе как можно больше учеников, устраивали празднества с диспутами, представлениями и чтением стихов. Ученики братских школ должны были противопоставить этому свои знания и умения во всех областях науки. Вот почему в своей «Грамматике словенской» Лаврентий Зизаний отводит особое место просодии, или припелу. Это своего рода учение об ударении слогов, что послужило почвой для дальнейшего развития славянского и в особенности русского стихосложения. Он навел порядок в строке и строфе стиха, введя цезуры. Его стихи получили размер, более удобный для чтения и записи. Об учение стихосложению значительно упрощалось, стихосложение становилось доступным для учеников братских школ.

В третьей части «Грамматики словенской» – этимологии – излагается учение о частях речи. Их у Лаврентия Зизания восемь: различие, имя, местоимя, глагол, причастие, предлог, наречие, союз. Среди этих частей речи различаются изменяемые и неизменяемые.

К неизменяемым относятся предлог, наречие и союз. Остальные части речи – изменяемые. Различие как часть речи было выделено Лаврентием Зизанисом под влиянием львовской грамматики 1591 года и греческой грамматики К. Ласкариса. Оно изменялось по родам (мужской, женский, средний), числам (единственное, двойственное и множественное) и падежам (именный, родной, дательный, творительный и винный). В дальнейшем из различий и части наречий образовалась новая часть речи – междометие. Последнее выделяется уже в грамматике М. Смотрицкого.

Следующая часть речи – имя. Оно определяется так: «Имя есть наречение вещи» или «Имя есть часть слова скланяема, яже венгъ зла менуеть, не делати же что или страдати». Имя имеет рассуждение, род, вид, число, начертание, падеж, склонение.

Рассуждение – «различие имени прилагаемого через степени». Имелось три степени: положенная, рассудная и превысшая (ср. с русским языком: положительная, сравнительная и превосходная степени сравнения). В отношении образования степеней сравнения рассуждения разделяются на подобоначертательные и стропотные (ср. с правильным и неправильным образованием степеней сравнения в русском языке).

То, что у Зизания входит в разряд имени, в наше время понимается как имя существительное, имя прилагательное и имя числительное. В грамматике Лаврентия Зизания как бы заложены основы этих частей речи.

Родов имени у Зизания четыре: мужской (той ветрь), женский (тая жена), средний (тое небо) и общий (той и тая пьяница).

Видов у имени два: первообразный (небо, воздух, земля) и производный (небесный, воздушный, земной). В производном виде имени имеется шесть «образов»: отеческий (Константинович от Константин); властный (царский от царь); языческий (москвитин от Москва); умалительный (златоустец от златоустый); глагольный (читатель от читаю); отыменный (злотый от злато).

Имя имеет три начертания: простое (слово), сложное (благословен) и пресложное (неблагословен). Имя может выступать и единственном, двойственном и множественном числе. Единствен-

ное число «знаменует едину вещь» (благий, добрый); двойственное – «две вещи» (блага два, добрии); множественное – «многи вещи» (благие, добрый). Имя имеет шесть падежей: именовный, родный, дательный, творительный, виновный, звательный (в русском языке вместо звательного – предложный падеж, введенный Мелетием Смотрицким). Склонений у имени десять – по образцу греческой грамматики М. Крузня.

Изложение учебного материала об имени логически стройно, последовательно и наглядно, особенно в той части, где речь идет о склонении. Лаврентий Зизаний достигает четкости и простоты определений. В качестве примеров наряду с церковными приводятся слова обиходные, просторечные. Так, например, по 5-му склонению склоняется слово *пьяница*, которое никоим образом не согласуется с элементами духовного и светского воспитания. В конце раздела, посвященного изложению имени, дается склонение числительных. Для примера склоняются **единь** и **два**. Далее указывается, что все остальные числительные склоняются по образцу этих двух.

Большое место в «Грамматике словенской» отводится глаголу. *«Глагол есть гласъ являющъ делати нечто или страдати»*. Ему свойственны следующие категории: залог, образ, вид, начертание, число, лицо, время, супружество, род.

«Грамматика словенска» написана в вопросно-ответной форме, причем вопросы поставлены кратко и ясно. Это говорит о замечательном мастерстве автора, выдающегося педагога своего времени. Ни один трудный раздел, термин, определение не остаются в грамматике без подробного толкования. Большое количество примеров, которые даны на каждое правило, различные упражнения способствовали сознательному усвоению учебного материала учениками братских школ, развивали их мышление, обогащали их опыт.

Весь учебный материал расположен таким образом, чтобы воздействовать на зрительную и моторную память ученика. Как правило, соблюдается дидактический принцип наглядности в обучении, поэтому в книге много грамматических таблиц, схем.

Материал излагается систематично и последовательно, все разделы логически связаны между собой. Автор строго соблюдает дидактические требования доступности учебного материала: он ведет ученика от легкого к трудному, от простого к сложному, от известного к неизвестному, заставляет думать над тем или иным положением, правилом, приходит к правильным выводам.

Братские школы пользовались грамматикой Лаврентия Зизания в течение 25 лет. Вполне возможно, что и позднее некоторые учителя обучали учеников по этой книге. В истории педагогики Белоруссии этот выдающийся учебник занимает особое место. Несмотря на то что его предметом являются грамматические формы старославянского языка, большое место в нем отведено белорусскому языку. Этот язык близок украинскому и русскому языкам. Вот почему славянская грамматика Лаврентия Зизания получила распространение не только в Белоруссии и Литве, но и на Украине, и в России. «Граматику словенска» знали в Польше, Болгарии, Чехии, Сербии. Учебники Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого легли в основу славянской грамматики для сербов и хорватов, составленной Юрием Крижаничем (1666), и грамматики народного болгарского языка Христаки-Дупничанина (около 1840).

Текст на старорусском языке (фрагмент):
«Грамматики словенска»

Разлічїє •

Єднїствѣйнаго Числѣ •

Именовный , ꙗже •
Родный , ѣже , нѣа^{же} •
Дательный , ѣже , нѣже •
Творительный , єюже , нѣю^{же} •
Винный , юже •

Двойствѣйнаго Числѣ •

Именныи винныи , ꙗже •
Родный , єюже , нѣюже •
Дательныи творительныи , ѡмаже •

Множествѣйнаго Числѣ •

Именовный , ꙗже •
Родный , ѡже , ѡже •
Дательный , ѡмаже , ѡмаже •
Творительный , ѡмаже , ѡмаже •
Винный , ѡже , ѡмаже ꙗже •

Колїка соуть среднѣа; ꙗ •

Єднѣст

ГРАММАТИКА
СЛОВЕНСКА

Съвършенна искусство
ѡсми частій слова, и
и ны и ѡд ны .

Новш съпалѣна Л, Z .

В В И Л И

В дрѡкарни Браѣтскои .

Ро ѡго . ѡф ѡс . ѡ ѡ

Създаніа Мира, зрѣ .

Мѡи Фѣрала ѡи .

Литература

1. *Апостолов А.Г.* Школа, образование и учебная книга в России в XVIII в. // Советская педагогика. 1974. № 4.
2. *Ботвинник М.Б.* У истоков учебной книги. Мн., 1964. С. 66, 68, 70–71, 74–77, 82–83.
3. *Кантерев П.Ф.* История русской педагогики // Педагогика. 1992. №11–12.
4. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времён до конца XVII в. / отв. ред. Э.Д. Днепров. М.: Педагогика, 1989. С. 193, 200–201.

Мелетий Смотрицкий «Грамматика» (1619)

Жизненный путь М. Смотрицкого – одного из самых образованных украинских филологов конца XVI–начала XVII вв. – сложный и противоречивый. М. Смотрицкий жил в время бурной антифеодальной и национально-освободительной борьбы украинского и белорусского народов. Одним из проявлений этой борьбы было движение против наступления католицизма, за сохранение православной веры, в защиту церковнославянского языка, который был литературным языком, прежде всего в области конфессионального литературы. Национально-религиозная борьба приобрела особую остроту, когда часть высшего духовенства с митрополитом Рагоз в 1596 в Бресте провозгласила унию с римско-католической церковью. К унии не присоединилась основная масса крестьянства, мещанства, низшего духовенства, даже часть украинской шляхты.

Исходя из своих классовых интересов, в католицизм перешло большинство феодалов, поэтому православие с начала XVII в. стало верой угнетенных масс. Тогдашнее положение православной церкви существенно отличает ее от официального православия, которое тоже было религией господствующих классов. В национально-религиозной борьбе проявились общественные противоречия времени. С этой борьбой тесно связана жизнь и творчество М. Смотрицкого.

Жизненный путь и наследие М. Смотрицкого достаточно хорошо изучены. Биографический материал дают его многочис-

ленные полемические произведения, письма, а также документы XVII в. Почти все биографы считают, что Мелетий родился в наследственном имении отца городке Смотрич (теперь поселок городского типа Дунаевецкого района Хмельницкой области) на Подолье. Отец его – Герасим Данилович Смотрицкий – долгое время был писарем в Каменце (Подольском), о чем писал Мелетий в книге «*Obrona Verificatieu*». Не исключено, что именно в Каменце родился его сын Максим (Мелетий). Князь Константин Острожский пригласил в 1576 г. Г. Смотрицкого в Острог, где он стал первым ректором Острожской школы. Г. Смотрицкий – автор первой печатной на Украине полемической книги «Ключ царства небесного» (1587). Он принимал активное участие в редактировании и издании знаменитой Острожской Библии, вышедшей в свет 1581. Предисловие к ней Г. Смотрицкого свидетельствует, что писатель был хорошим знатоком церковнославянского языка. Биографы называют разные даты рождения М. Смотрицкого, преимущественно 1577–1579 гг. Начальное образование Мелетий получил в Острожской школе от отца и грека Кирилла Лукариса. Учеником с молодых лет называет он себя в письме к К. Лукариса, после смерти Г. Смотрицкого (около 1594) был ректором Острожской школы, а с 1612 г. – константинопольским патриархом. Итак, в Острожской школе М. Смотрицкий мог хорошо усвоить церковнославянский и греческий языки. После смерти отца Смотрицкого князь К. Острожский отдал способного юношу на дальнейшее обучение в иезуитской Виленской академии. Смотрицкий успешно окончил Виленскую академию. Вместе с сыном Соломерецкого Богданом он путешествовал за границей, посетил многие города, слушал лекции в университетах, в частности в протестантских Лейпцигском, Виттенбергском и Нюрнбергском. Неизвестно, сколько продолжалась эта поездка. Очевидно, за рубежом Смотрицкий получил ученую степень доктора медицины, как указано на титульном листе его книги «Апология ...» (1629). Вернувшись из путешествия, он поселился у того же князя Соломерецкого под Минском. Часто ездил в Минск, вел агитацию против унии, в результате многие униты вернулись в православие,

и в Минске было основано братство. Около 1608 г. Смотрицкий вернулся в Вильно (тогда же вышел в свет его анонимный трактат «Ответ»). Автор книги называет себя «одним братом братства церковного Виленского». Будучи членом этого братства, Смотрицкий, очевидно, и преподавал в Виленской братской школе. Все активнее включается он в национально-религиозную борьбу. Уже в 1610 г. Под псевдонимом Теофил Ортолог печатает полемическое сочинение «Плач». На титульном листе указано, что текст переведен сначала с греческого на «словенский», а затем на польский. Почти все полемические произведения Смотрицкого напечатаны на польском языке. Чтобы избежать преследований, до перехода в унию свои полемические произведения Мелетий выдавал без указания фамилии или под псевдонимами. «Плач» – выдающееся литературное произведение Смотрицкого, написанное в форме «плача» православной церкви, обращенное к тем, кто ее бросил. Автор упрекает епископов, принявших унию, призывает их опомниться, говорит о тяжелом религиозно-национальном гнете, который терпели украинский и белорусский народы, критикует халатность и злоупотребления православного духовенства.

В полемике с католиками Смотрицкий выступает как энциклопедически образованный человек своей эпохи: он цитирует в своей книге более 140 авторов или ссылается на них. Кроме писаний «отцов церкви», Смотрицкий использует произведения многих античных и европейских ученых и писателей эпохи Возрождения. Здесь, в частности, встречаем имена Авиценны, Савонаролы, Деперье, Эразма Роттердамского, Петрарки, Мантуана Баптисты и др.

М. Смотрицкий приобрел большую популярность среди православных. Позже сам он писал, что некоторые его современники считали эту книгу по важности описанного в ней равной произведениям св. Златоуста и за нее готовы, кровь пролить и души положить.

Критика как католической, так и православной иерархии, демонстрация преследования населения Украины и Белоруссии, а главное – призыв к активной обороне своих прав очень смути-

ли королевские власти. Сигизмунд III того же 1610 г. издал приказ о запрете продавать и покупать книги Виленского братства под угрозой наказания в 5000 красных золотых. Король предлагал конфисковать братскую типографию, забрать и сжечь книги, а наборщиков и корректоров арестовать. Королевский приказ был исполнен. Редактора и корректора Леонтия Карповича заключили в тюрьму. Смотрицкому удалось избежать ареста. О жизни и деятельности Смотрицкого после репрессий со стороны королевских властей сохранилось очень мало сведений. Очевидно, он вернулся из Вильно на Украину (о высокой оценке «Плача» он ссылается на свидетелей – священников Острожской капитулы 13). Видимо, Смотрицкий определенное время проживал в Остроге и преподавал в школе. Смотрицкого считают одним из первых ректоров Киевской братской школы, организованной в 1615–1616 гг. Современник М. Смотрицкого Сильвестр Косов в 1635 писал, что Смотрицкий, Касьян и другие были ректорами Киевской школы. Этому свидетельству можно доверять, ведь брошюра Косова была направлена против притязаний католиков и униатов закрыть Киевскую школу и автор ее, очевидно, специально назвал только ректоров, что позже стали униатами. Не ясно, какие курсы преподавал Смотрицкий, но вполне возможно, что это были латинский и церковнославянский языки. Вернувшись в Вильно, Смотрицкий жил в Святодуховском монастыре. Под давлением или даже на категорическое требование Виленского, братство не могло быть равнодушным к его контактам с униатами, Максим Смотрицкий постригся в монахи под именем Мелетия.

В 1618–1619 гг. вышел главный филологический труд «Грамматіки Славѣнскія правільное Сѣнтагма» (Евье, ныне Вевис под Вильнюсом) – основа церковнославянской грамматической науки на следующие два века, выдержавшая множество переизданий, переработок и переводов. «Грамматика» Смотрицкого – выдающийся памятник славянской грамматической мысли. Она состоит из следующих частей: орфография, этимология, синтаксис, просодия. В качестве вступительных статей в неё были включены «Предисловие о пользе грамматики и философского учения» Мак-

сима Грека, и «Слово о пользе грамотности» киевского ученого митрополита Петра Могилы. В конце книги помещены вопросы и ответы Максима Грека о грамматике, риторике и философии, а также две статьи неизвестного автора с примерами грамматического анализа предложений. Написанный по образцу греческих грамматик труд Смотрицкого всё же отражает специфические явления церковнославянского языка. Ему принадлежит установление системы падежей, свойственных славянским языкам (в этом Смотрицкий опередил западных грамматистов, подгонявших падежи живых языков под нормы латинского языка), установление двух спряжений глаголов, определение (еще не совсем точное) вида глаголов и др.; отмечены лишние буквы славянской письменности, в которых она не нуждается. В разделе об орфографии в древности давалось и описание фонетики и орфоэпии. Ввел букву для обозначения звонкого прорывного заднеязычного согласного – **г**, узаконил употребление буквы **и**. Установил правила употребления букв для обозначения гласных и согласных, употребление большой буквы, знаков препинания, правила переноса и т.п. Многие из его правил орфографии и пунктуации сохраняют силу в современном украинском литературном языке. Выделил восемь частей речи: имя, мистоимение, глагол, причастие, наричие, предлог, союз, междометие. Как часть речи «междометие» в отечественной лингвистике М. Смотрицкий определил впервые, убрав из перечня и описания частей речи несвойственный славянской системе артикль. Ему принадлежит и термин «*междометие*». Первым выделил как категорию деепричастие, названный им «*деепричастием*». Открыл в славянской отмене падеж, который назвал «*сказательный падеж*». Существительные разделил на пять «*склонен*» – различий, которые в основных чертах в школьных грамматиках сохранились по сей день. Впервые описал склонение прилагательных и числительных. Предложенный им принцип деления глаголов на спряжения сохранился в восточнославянских грамматиках и в наше время. Первым дал описание разрядов неизменных частей речи и междометий, изложил синтаксис церковнославянского языка.

В «Грамматике» Смотрицкого есть и раздел о стихосложении, где вместо силлабического стиха предлагается пользоваться метрическим, как якобы более свойственным славянской речи (в действительности – воспроизводящий авторитетный античный образец; эксперимент Мелетия с искусственной метризацией церковнославянского языка не имел последствий). Его «Грамматика» насыщена примерами, облегчающими усвоение грамматических правил. Она неоднократно переиздавалась (Вильно, 1629; Кременец, 1638, 1648; Москва, 1648, 1721), с дополнительными статьями о пользе изучения грамматики и оказала большое влияние на развитие русской филологии и преподавание грамматики в школах. «Грамматика» Смотрицкого легла в основу ряда последующих славянских грамматик, изданных за границей – Вильгельма Лудольфа (Оксфорд, 1696), Ильи Копиевича (Амстердам, 1706), Павла Ненадовича (Рымник, 1755), Стефана Вуяновского (Вена, 1793) и Авраама Мразовича (Вена, 1794).

Смотрицкий подчеркивал необходимость сознательного усвоения учебного материала – «умом разумеи слова». Им было выдвинуто 5 ступеней обучения: *«зри, внимай, разумеи, рассмотри, помни»*.

Некоторые исследователи упоминают о якобы составленном Смотрицким примерно тогда же словаре, но этим сведениям подтверждения не найдено. Столь же сомнительны сведения о греческой грамматике Смотрицкого (якобы 1615 года издания в Кёльне). Однако подтверждено его участие в написании «Букваря языка славенска», напечатанного в 1618 году в том же Евье.

К 1-й четверти XIX в. «Грамматика ...» М. Смотрицкого была основным учебником церковнославянского языка, он выдержал много изданий. На его основе составлена неизвестным автором «Грамматика или писменница языка словенская», напечатанная в 1638 в г. Кременце (ныне Терноп. обл.). Определенное влияние М. Смотрицкого заметно и в книге «Грамматика словенская» Ивана Ужевича (1643), анонимной грамматике, напечатанной в 1773 г. в Почаеве, церковнославянской «Грамматике» Я. Блоничьского (1763), а также на «Грамматике» А. Коцака (1778), тру-

да «Grammatica slavo-ruthena» М. Лучкая (1830), рукописи, труда хорватского лингвиста Ю. Крижанич «Грамматически изказанје» (1666), русской грамматике Г.В. Лудольфа (1696), книге «Российская грамматика» М. Ломоносова (1755), на трудах основоположника современной славистики И. Добровского.

Гениальный М.В. Ломоносов знал наизусть «Граматику» Смотрицкого и называл ее вместе с «Арифметикой» Магницкого «вратами своей учености».

«Российская грамматика» Ломоносова вышла в свет в Петербурге (написана в 1755 г., первое ее издание имеет эту дату), естественно, отражает значительное влияние Смотрицкого по распределению материала, выделение грамматических категорий, терминологии, формулированию некоторых правил. М. Ломоносов вознес отечественное языкознание на высшую ступень. Он был выдающимся теоретиком, его правила установлены на основе исследований над живым русским языком. Из наследия Смотрицкого Ломоносов взял лучшее, в частности разделение на склонения, спряжения, количество падежей и т.п. Во многом, благодаря Ломоносову, достижения Смотрицкого в области грамматики дошли до наших дней.

Книга М. Смотрицкого оказала влияние на развитие лингвистики в Сербии, Болгарии, Румынии. «Грамматика ...» была известна в странах Европы и за ареалом функционирования церковнославянского языка в переводах на латинский, что свидетельствует об общеевропейском признании ее. Благодаря «Грамматици ...» М. Смотрицкого, украинская филология стала заметной отраслью европейского языкознания в то время.

К наиболее ранним относится перевод (на полях книги 1648 г.) известного шведского лингвиста и полиглота И. Спарвенфельда. Список «Грамматики» с маргинальным переводом сохраняется также в г. Галле. Полный перевод книги М. Смотрицкого по изданию 1721 г. сделал англичанин Т. Консетт, который он намеревался опубликовать. Часть рукописи с переводом Т. Консетта хранится в Праге. Другой неполный рукописный перевод «Грамматики» 1648 г. хранится в Стокгольме. Эти перево-

ды свидетельствуют об общеевропейском интересе к произведению Смотрицкого.

М. Смотрицкий дал школам XVII в. авторитетный и обстоятельный учебник. Выдающийся ученый осуществил кодификацию церковнославянского языка в восточнославянской редакции. Количество восточнославянских и собственно украинских элементов в ней сравнительно невелико, однако они вместе с восточнославянской звуковой (точнее – орфографической) оболочкой книжных элементов придавали нормам М. Смотрицкого словеноросский характер. Объединение в «Грамматике» М. Смотрицкого элементов, общих для восточных и южных славян, с элементами специфически восточнославянскими и южнославянскими (прежде старославянского происхождения) сделало ее одинаково приемлемой и близкой для всех славянских народов, которые пользовались церковнославянским языком. Таким образом, работа М. Смотрицкого стала орудием культурного единения славян. М. Смотрицкий впервые отделил церковнославянский язык от восточнославянских.

Текст на старорусском языке (фрагмент):
«Грамматіки Славѣнскія правилное Сѹнта҃ма»

ГРАММАТИКН

Славѣнскія правилное
Сѹнта҃ма,

Потщаніемъ Многогрѣшнаго Мнѣха
Мелетіа Смор҃нскогѡ, въ
Коиновѣн Братства Церковнаго
Владенскаго, при храмѣ соше-
стѣа Престѡга и животоуспѣаго Дѣа,
назданнаго странствѣицаго снѣ-
сканноу и прижитое:

Дѣта ѿ воплощеніа Бѣа Слова дѣа.
Правѣщѣ Апласкїи престола
великна Божна Константінопо-
скна Церкви Вселенскоу Па-
триархѣ Г: ѿцѣ Тимодію.

Владенскоу же Коиновію пред-
стателствѣищѣ Г:

ѿцѣ Лионтію Карповнѣщѣ
Архімандритѣ.

ѿ ѿ в ю.

Литература

1. История украинской литературы: в 8 т. Киев: Наукова Думка. 1967. Т. 1.
2. Макарушка Е. Грамматика Мелетия Смотрицкого. Критически-историческая студия. Львов, 1998.
3. Прокошин Э. Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966.

Памво Беринда «Лексиконъ славенорѠсский и имень Тлъкованіє» (1627)

В современной литературе имеются расхождения при написании личного имени данного филолога, что связано с различным звучанием и написанием слов в близкородственных восточнославянских языках: русском, украинском, белорусском. «Лексиконъ славенорѠсский и имень Тлъкованіє» П. Беринды – одна из лучших работ восточнославянской лексикографии XVII в. Памво Беринда не ошибся, когда писал в предисловии к своему словарю, что его труд «к потомкам вечность отнесёт». В течение длительного периода этот словарь был пособием для тех, кто изучал церковнославянский язык. Как свидетельствует А.М. Горький в автобиографической повести «В людях», словарем Памвы Беринды пользовались и во второй половине XIX в. Так, один из героев повести, бывший семинарист, говорит: *«Хрисанф – значит золотой цвет, как верно сказано в Памвы Беринды»*.

В печатном виде и в многочисленных рукописных копиях словарь Памвы Беринды был распространен на Украине, в России и Белоруссии, а также использовался составителями поздних восточнославянских словарей. Он сыграл важную роль в истории украинской, русской, белорусской и даже румынской лексикографии.

Памво Беринда – выдающийся деятель украинской культуры XVII в. Он был не только талантливым ученым-лексикографом, но и поэтом, переводчиком, печатником и гравером. Основным источником изучения биографии Памвы Беринды является посвящение (предисловие) и послесловие к его «Лексикону».

Документальных данных о годе и месте рождения Памвы Беринды нет. Из сведений, что сообщает о себе автор в предисловии и послесловии к «Лексикону», можно предположить, что родился он не ранее 50-х и не позднее 70-х гг. XVI в. Как свидетельствует его подпись глаголическими буквами в «Триоди цветной» (1631), светским именем Беринды было *Павел (Павель)*. При пострижении в монахи Павел Беринда принял имя *Памво*.

Влияние румынского языка на филологическую основу П. Беринды Г. Крецу видит в слове *испытаний z* (вместо *испытания*), приведенном в словаре Памвы Беринды. На самом же деле в обоих изданиях «Лексикона» (1627 и 1653) в реестре доступна только правильная форма *испытание*. Наиболее убедительным аргументом в пользу утверждения о румынском происхождении Памвы Беринды Г. Крецу выдвигает криптограммы, напечатанные в «Лексиконе» при словах *блудилища, блудникъ, блудница*. Г. Крецу считал, что в криптограмме П. Беринда зашифровал слова с румынскими языковыми чертами и в угоду своему предположению раскрыл их как *zamtuzn, curvam, curva*. На самом же деле П. Беринда принял криптограммы по этическим соображениям. Тайнописью он напечатал заимствованное тогдашнему украинскому языку слово замтузь «публичный дом» (польское *zamtuz, zantuz с немецкого Schandhaus*), а также давние слова *курваръ, курва*, которые не имеют никаких румынских или молдавских языковых черт.

В «Лексиконе» Памвы Беринды встречаются слова, которые сейчас относятся к различным современным языкам, в частности русскому, польскому, чешскому, словацкому, сербохорватскому, венгерскому, немецкому, но не приведено ни одного молдавского или румынского слова.

Очевидно, Памво Беринда родился и рос где-то на территории распространения надднестрянских говоров. Об этом свидетельствуют отраженные в стихах Памво Беринды, а еще больше в «Лексиконе», языковые факты из этих диалектов. Например: възразы: *зопхны, высотуциъ: бачмага, серень; колыба: кучкась форосту лазы, сопжль – пицалка, флетнж, дуда, труба, жоломъ-*

йка и многие другие. На это указывают и фразеологизмы: *ничтоже къ мнѣ – это мнѣ к тому нѣчего*.

Трудно выделить по традиционной орфографии специфические фонетические черты родного говора Памвы Беринды: *либои дѣвице встанет: дѣво и ко взросты, с якимьсжжалеми с Матейко розставалы* (с рождественских стихов). Что касается словоизменения, то показательна бойковская форма *дны* вместо *дни, днѣ*, а для синтаксиса – управление типа *кнжсь* на *кнжсь*.

Памво Беринда пишет, что Федор Балабан побудил его, «аще и простая», к составлению словаря. По нашему мнению, слово *просты* Памво Беринда принял не для того, чтобы указать на свою необразованность. Ведь Федор Балабан не мог побудить к составлению словаря не подготовленного к этому человека. Видимо, Беринда хотел этим словом подчеркнуть, что он выходец из народных масс, а не из шляхты.

Будучи главным печатником, редактором и переводчиком, Памво Беринда участвовал в ряде капитальных лаврских изданий, в частности таких, как «АнѠологионъ» (1619), «Номѣкано» (1620), «... Исоанна Златоустаго бесѣды», (1623), «Триѣдион» (1627).

Из послесловий, написанных к разным лаврским изданиям, ценным является послесловие Памвы Беринды к «Трисодиону» 1627 г., в котором были напечатаны синаксари, переведенные с греческого на украинский язык печатником и украинским поэтом XVII в. Тарасом Левоничем Земка. В этом послесловии Памво Беринда говорит о правомерности использования украинского языка в литературе, подчеркивая, что когда можно переводить священное писание с древнееврейского языка на греческий, а с греческого на старославянский, то возможно перевести его и на украинском: «*Не погрѣшиши древныи ... Матѣа Еван(г) елие, вт еврейский азыка на еллинский превьюдышии: Марк до же, Луку и Иванна вт елынська перенесиши, также де и Бгословскии греческии книги истолковавшии на словенский азыкѣ*».

Побывал Памво Беринда и в Москве в составе посольства луцкого епископа Исаакия Борисовича. 4 января 1625 г. он пре-

поднес царю патриарху книги собственной печати. Еще находясь на службе у Балабанова, Памво Беринда начал собирать и обрабатывать материалы к своему «Лексикону». «Лексикон» – основной труд Памво Беринды, благодаря которому имя его стало известно далеко за пределами Украины. Умер Памво Беринда 23 (по старому стилю – 13) июля 1632 г. «Лексиконъ славенороссский и имена Тлькование» – результат почти тридцатилетнего усердного труда ученого-лексикографа. Памво Беринда продолжал работу над словарем и когда его печатали. При изучении нескольких экземпляров первого издания «Лексикона» (1627), которые хранятся в отделе старой и редкой книги Государственной публичной библиотеки АН Украины, были обнаружены интересные факты, которые проливают свет на работу Памвы Беринды над словарем в процессе его печати. Каждый из рассмотренных экземпляров кое в чем отличается от других. Текст второго издания «Лексикона» (Кутеинский монастырь 1653) также не совпадает во всех деталях с одним из указанных экземпляров первого издания. Очевидно, «Лексикон» печатался несколькими заводами, и в процессе печатания каждого нового завода автор вносил в текст словаря некоторые изменения. Наряду с этим Памво Беринда добавлял толкования части слов, оставленных сначала без перевода.

Я. Янов утверждал, что «Лексикон» Памвы Беринды первоначально имел значение для завершения нового издания Библии, которое задумал Федор Балабан, но поскольку проект Балабана не был осуществлен, Памво Беринда переделал свой словарь для практических нужд. В послесловии к «Лексикону» Беринда указывает, что Федор Балабан, который задумал напечатать новое, исправленное издание Библии, побудил его к созданию данного словаря. Заклучая словарь, Памво Беринда не ограничился только церковнославянской лексикой, которая встречается в тексте Библии, а использовал большое количество другой литературы, о чем свидетельствуют ссылки в «Лексиконе». Итак, словарь с самого начала был задуман Памво Беринди как отдельное издание, а не как дополнение к Библии.

Появление переводного словаря типа «Лексикон» Памвы

Беринды была вызвана потребностями культурной жизни XVI – XVII вв. В XVI–XVII вв. в пользовании было немало литературы на церковнославянском языке. В школах не только преподавали ряд дисциплин на церковнославянском языке, но и изучали его как предмет. Однако для широкого круга читателей много форм и слов церковнославянского языка были непонятными. *«Широкая и великославный язык Славенский ... трудности тоже слвѣкъ къ вырозумѣтъ пѣ темныйхъ многиы в тѣмъ собѣмаеть»*, – писал Памво Беринда. Переводной церковнославянский-украинский словарь был необходим не только преподавателям и ученикам братских школ, но и широкому кругу читателей. Для удовлетворения этих потребностей появляются другие словари. Со второй половины XVI в. до нас дошел рукописный словарь неизвестного автора *«Лексисѣ съ толкованиемѣ словенскихъ мовѣ просто»*, опубликованный Амфилохием в «Чтениях в императорских обществ истории и древностей российских при Московском университете» (кн. вторая, ч. II, Материалы историко-литературные, М., 1884). В реестре этого словаря было около 1000 слов.

Автор «Лексикона» в послесловии к нему жаловался, что его труд был *«сотѣ могущихъ презираемѣ»*, что он имел *«много разорителей и хульниковѣ»*, а *«помощниковѣ и зидаталей велми мало»*. По мнению П. Житецкого, противников Беринды смущали наивная этимология лексикографа или «грамматические беспорядки, которые допускал Беринда». Но такие претензии к автору могли быть предъявлены лишь после выхода труда в свет. К тому же некоторые этимологии Памвы Беринды могут показаться наивными современному, а не тогдашнему читателю. Этимологии Беринды были на уровне этимологических попыток других европейских ученых XVI–начале XVII вв. По Я. Янову, недовольство вызвала критика Памва Беринды текста Острожской Библии 1581 г., которая проявилась в том, что ряд имен из Библии подается в «Лексиконе» в другой форме. Г.И. Коляда считает, что недоброжелательное отношение некоторых современников к труду Беринды было вызвано введением в словарь народного языка. Но и это не могло вызвать недовольство современников. Памво Беринда

сам защищал церковнославянский язык, с восторгом писал о нем в посвящении к «Лексикону». Своим словарем он способствовал углубленному изучению церковнославянского языка, стремился сделать его доступным и понятным для широкого читателя. Вместе с тем Беринда не умалял роли украинского языка и возможности использования его в литературе. Ни один из выдающихся деятелей украинской культуры конца XVI–нач. XVII вв. не относился пренебрежительно к украинской народной речи, которая органично входила в тогдашний литературный язык. Описывая «хульникив» и «разорителей», Памво Беринда, возможно, имел в виду представителей враждебного православной церкви лагеря, которые всячески унижали церковнославянский язык, отрицали его возможность использовать в литературе, говорили, что этот язык не имеет грамматик и словарей и не может их иметь. Своим словарем Памво Беринда опровергал подобные несправедливые утверждения.

Труд Памвы Беринды начинается посвящением «Лексикона» Балабанову. В посвящении автор приводит и интересные факты из своей жизни и некоторые сведения о работе над словарем. Перед посвящением Беринда – стихотворение украинского поэта XVII в. Тараса Левонича Земки, который работал вместе с ним в лаврской типографии. После посвящения идет текст «Лексикона славеноросского». Книга Памвы Беринды заканчивается послесловием, написанным автором, которое имеет важное значение для исследования истории заключения и источников словаря.

«Лексикон» Беринды насчитывает около 7000 словарных статей. Памво Беринда сознательно разделил свой словарь на две отдельные части. Первая часть его – «Лексикон славенорусский» – переводной словарь, напоминающий современные дифференциальные словари. Вторая часть – «со Еврейскаго, греческаго же и латинскаго и wt иных языковъ начинающаа Сж Имена свойственнаа» – словарь иностранных слов, общих названий и собственных имен, встречавшихся в тогдашней литературе. Между обеими частями проведена четкая граница, но в реестре первой части есть определенное количество слов иноязычного происхож-

дения, а во второй встречаются церковнославянские слова. В словаре Памвы Беринды встречаются элементы толкового, энциклопедического и этимологического словарей.

«Лексиконъ славенорѠсский» составлен на материале, собранном, в основном, самим автором из разных письменных книг на церковнославянском языке, а также рукописных и печатных. Одни из них Памво Беринда называет в послесловии, на другие – ссылается в словаре. При составлении словаря Памво Беринда использовал всю доступную ему лексикографическую литературу. С уважением говорит он о Лаврентии Зизании и о его словаре: «Лексис» Л. Зизания почти полностью вошел в «Лексикон» Памвы Беринды. Беринда творчески использовал опыт Зизания. Он считал необходимым сказать об этом в послесловии: «... *Его же [Зизания] и zde привнесение и исправление явственню буди*».

Реестр первой части словаря Беринды составляют церковнославянские, а также древнерусские слова, которые были малопонятными или непонятными для тогдашнего читателя, в том числе и слова, отличающиеся от соответствующих украинских только фонетически. В «Лексиконе» противопоставляются слова с неполногласными церковными формами украинским словам с полногласием, слова с *жд, щ* < * *dj, * tj* – украинским словам из *ж,ч*. Например: *врань – воронь, крукъ – гайворон; влек – веду – волоку, врагъ – ворогъ – неприятель, врата – ворота – броня – двери*.

В реестре первой части «Лексикон» встречаются также слова из других языков: русского – *кудесъ, кудесникъ*, чешского – *знаменай*, немецкого – *печатаю*, греческого и латинского – *дидагма, епитафион, стадионъ, море* и т.д. Значительный процент среди нецерковнославянских слов реестра составляют украинские слова (некоторые из них иноязычного происхождения): *колыба, порекло, ныра, шалк, рожка, меньше, волей* и др., а также польские слова, попавшие в реестр словаря через украинский книжный язык XVI–XVII вв.: *же, келихъ, обшитый, презъ*.

Реестр второй части словаря составляют в абсолютном большинстве слова иноязычного происхождения – общая лексика и имена. Реестровые слова обеих частей «Лексикона» переводятся

или толкуются украинским литературным языком XVII в. Церковнославянская и древнерусская лексика органически входила в украинский язык XVI–XVII вв., поэтому и неудивительно, что в переводной части словаря Беринды много церковнославянских слов. Встречаются даже случаи, когда реестровое слово переводится словом церковнославянского происхождения или словом, образованным по церковнославянскому образцу: *оусилуюсѣ, постизаю, кушусь, оустремляюсѣ вседушноу, вопльчаюсѣ*. В словаре Беринды отражена взаимосвязь церковнославянского и украинского книжного языка XVII в.

В «Лексиконе» реестровое слово переводится одним или несколькими близкими соответствиями. Например: красота – украшение; *кто – кто; кровъ – домъ, стелж, покры – драгарь, дохъ, намгъть*, Лѣто – время; *рокъ, часъ, годъ, годище*. В некоторых случаях после реестрового слова идет толкование, а затем переводное соответствие или наоборот. Например: *птенець – ребж каждого птицы, голопупж, потжко; сотникъ – Ротмистр, старшей над стомъ*.

В «Лексиконѣ» представлен словарный материал различных украинских диалектов. Например: *емлы, ими, поймай, двекую, сожовую, румигаю, пережевывают, руменую, меризаю, скрань*. Памво Беринда осознавал, что специфические слова его родного диалекта могут быть непонятными носителям других диалектов, поэтому в словаре почти нет случаев, когда бы реестровое слово переводилось узким диалектизмом. Беринда толкует даже местоименные энклитики, которые были хорошо известны в западно-украинских диалектах, но начали исчезать, а, возможно, уже и скрылись в восточных диалектах в начале XVII в. Например: *мѧ – меня, тѧ – тебя, сѧ – себя*.

Достижение «Лексикона» в сравнении с предыдущими словарями и в том, что при реестровых словах содержатся инструкции (где надо) на число, наклонение глагола, время, а также на переносное употребление слова.

На каждой странице напечатаны два столбика с реестровыми словами и их переводами. Для удобства пользования нумеруется

ни страница, а столбик. Над соответствующим столбиком стоят две – три начальные буквы реестрового слова, а под правым столбиком подается начало первого слова следующей страницы. Каждое реестровое слово начинает новую строку, но есть случаи, когда следующее реестровое слово продолжает строку после перевода другого слова. Некоторые реестровые слова оставлены Бериндой без перевода или толкования, хотя при них часто есть ссылки на источники и т. д. Беринда писал, что это произошло в связи с необходимостью быстро выдать словарь. Впоследствии, в процессе печатания отдельных заводов, части подобных слов были: добавлены толкования или переводы.

В «Лексиконе» достаточно последовательно проставлены ударения. Это – ценный материал для исторической акцентологии. В послесловии автор обращает внимание читателей на замеченные им самим ошибки. Анализ достопримечательности дает основание сделать вывод, что «Лексикон» выполнен на высоком для своего времени лексикографическом уровне.

При написании церковнославянских слов Памво Беринда пользовался традиционной орфографической системой в том ее виде, в котором она употреблялась во второй половине XVI и в начале XVII в., и не всегда придерживался правописания оригиналов, из которых черпал реестровые слова. Сам Беринда дает при различных словах, а также в послесловии замечания о правописании тех или иных слов. Например: *благѡды пишет себѣ съ титлы азъкъ.*

Труд П. Беринды – важный источник изучения словарного состава украинского языка XVII в., ее синонимии, средств словообразования. Конечно, украинская лексика «Лексикона» отражает лишь часть словарного сокровища украинского языка начала XVII в. Но переводная его часть ярко свидетельствовала о способности народного языка обслуживать литературу. Лексика переводной части словаря Беринды требует отдельного всестороннего исследования. «Лексикон» Памвы Беринды включает в себя и большой специфический восточнославянский словарный материал, поэтому он может быть использован исследователями

истории лексики русского и белорусского языков. Словарь Беринды – филологическая ценность еще и потому, что в нем раскрывается содержание, которое вкладывали в церковнославянские слова восточнославянские культурные деятели XVI–XVII вв. Он является ценным пособием при чтении украинских, российских и белорусских памятников, написанных на церковнославянском языке. В «Лексиконе» зафиксировано значительное количество церковнославянской лексики, собранной автором из различных рукописных и печатных источников XVI–XVII вв. В том числе и тех, которые не дошли до нашего времени.

Лексикон Памвы Беринды (фрагмент)

Литература

1. *Житецкий П.И.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке. К., 1888.
2. *Сычевская А. И.* Памва Берында и его вирши... К., 1912.
3. *Німчук В.В.* Памво Беринда і його «Лексіконъ славно-росскій и именъ Тлькованіє»
4. Биография Берынды в книге Сахарова И. П. Сказания русского народа. СПб, 1849.

Интернет-источники

URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Берында,_Памво

URL:<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1447426>

Генрих Лудольф «Грамматика» (1696)

Генрих Вильгельм Лудольф (1655–1712) родился в г. Эрфурте и был племянником знаменитого ориенталиста Иова Лудольфа (1621–1674), в доме которого он и получил свое воспитание. В качестве секретаря голландского посольства он уехал в Лондон и здесь работал секретарем датского принца Георга, мужа королевы Анны Английской.

По указанию его ранних биографов, Лудольф в Англии познакомился с русским языком, а затем предпринял путешествие в Московское государство. Как указано в «General Biography composed by John Aikin, Th. Morgan and W. Johnston» Россия была первой землею, возбудившей его любопытство, *«и так как он приобрел уже некоторое знание русского языка, прежде чем оставил Англию, он вскоре был в состоянии разговаривать с туземцами и был вежливо принят главнейшими особами этой земли. Так как он знал музыку и был виртуозом на разных инструментах, он имел честь показать свое мастерство перед царем в Москве, к большому удивлению и удовольствию этого царя [Петра I]. Равным образом, большая ученость, которую он показал в разговорах с русским духовенством, заставила смотреть на него, как на ученого; и особенно ловкость, с которой он разговаривал на*

еврейском языке с некоторыми евреями, бывшими в этой земле».

Точные даты пребывания Лудольфа в Московском государстве неизвестны: несомненно лишь, что он находился здесь в 1693 г., а может быть, еще и в конце 1692, и в начале 1694 г. Во всяком случае, в 1694 г. он уже вернулся в Лондон, пережил здесь болезнь и операцию, а затем, как только позволило здоровье, принялся за работу над русской грамматикой, которую и опубликовал в Оксфорде в 1696 г. Эта замечательная книга предназначалась, по его собственным словам, для самих русских *«с тем, чтобы они по ней могли учиться своему языку»*. Лудольф предполагал, что этот его труд мог бы также принести пользу *«купцам и путешественникам, так как он представляет введение в изучение языка, на котором говорят в стране от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии и до Китая»*. «Русская грамматика» Лудольфа, несомненно, отвечала тем целям, которые определил автор; ею очень заинтересовался западно-европейский ученый мир; книга была использована также в интересной «купеческой энциклопедии» – справочнике и путеводителе по России начала XVIII в. Пауля-Якоба Марпегара, которая известна была и в России; экземпляр ее находился, например, в библиотеке Андрея Артамоновича Матвеева. Была она, несомненно, и в других книжных собраниях того же времени, так как нередко встречается в старых книгохранилищах. Большое значение книги Лудольфа как первой научной грамматики русского языка было раскрыто в специальном исследовании проф. Б.А. Ларина. По словам Б.И. Ларина, книга Лудольфа *«представляет незаурядный интерес и для лингвиста, и для филолога, и для историка. Выходец из передового саксонского бюргерства, широко образованный человек, Лудольф – в отличие от многих других, побывавших в России иностранцев – отнесся к наблюдаемым им фактам и к слышанным рассказам с исключительной трезвостью, с живым и доброжелательным интересом, с достаточным доверием и с достаточной осторожностью. Книга в основном посвящена языку, но она дает немало и для историка культуры, нравов, хозяйства России конца XVII века»*.

Грамматика

«Grammatica Russica», изданная Лудольфом в Оксфорде в 1696 г., стала первой в латинском мире грамматикой русского (а не церковнославянского) языка; автор ставил себе задачей описать разговорный русский язык. Он внимательно ознакомился со славянской грамматической традицией (в частности, церковнославянскими грамматиками Мелетия Смотрицкого) и приложил к грамматике для справки перечень славянских грамматических терминов, однако в описании русского языка не следует за Смотрицким. Так, он вовсе не даёт категории, присутствующие только в церковнославянском языке (аорист и имперфект) или вообще выдуманные по образцу греческой грамматики. Он описывает русское полногласие, ряд фонетических соответствий между русским и церковнославянским, отсутствие чередований в русском склонении. В именном склонении он отмечает местный падеж на -у, совпадение звательного падежа с именительным (кроме церковной лексики), замену двойственного множественным (кроме форм вроде воочию), развитие из двойственного числа счётной формы (три, четыре стола т. п.). Лудольф указывает только три времени современного языка – прошедшее, настоящее и будущее; первым описывает аналитическое будущее время со *стану*. В перечне наречий и предлогов Лудольф вместо книжных славянских, приведённых у Смотрицкого, даёт разговорные русские формы. Во многом его описание опережает первые российские грамматики русского языка – В.Е.Адодурова (1740) и М.В.Ломоносова (1755).

Особую ценность представляют занимающие большую часть книги учебные диалоги (5 бытовых и один на религиозную тему) с параллельным латинским и немецким текстом. Лишь в очень небольшом количестве случаев это искусственно переведённые фразы, по большей части это записанные в России из уст представителей самых разных социальных слоёв реплики, часто с эллиптическим синтаксисом и разговорной лексикой.

Другое приложение к грамматике – «Краткие сведения по естественной истории России», где даются содержательные сведения о минеральных богатствах, флоре, фауне и населении России.

«Грамматика» Лудольфа в XIX в. часто игнорировалась из-за якобы большого числа ошибок, демонстрирующих плохое знание иностранцем русского языка. На самом деле, как показал Б.А. Ларин, большинство их связано с опечатками, вкравшимися при подготовке книги в Оксфорде (для наборщиков русский язык был абсолютно экзотическим); синтаксических ошибок под влиянием немецкого и латыни (кочевавших в XIX в. из работы в работу как доказательство некомпетентности Лудольфа) считанное количество.

В XX в. «Грамматика» неоднократно переиздавалась и изучалась как источник по истории лингвистической мысли и разговорному русскому языку конца XVII в. Среди её исследователей были такие авторитетные слависты, как С.К. Булич, Б.А. Ларин и Б.О. Унбегаун.

Основное издание книги посвящено князю Борису Алексеевичу Голицыну – дядьке царя Петра. В ней говорится о гостеприимстве и покровительстве, оказанном Лудольфу в Москве кн. Б. А. Голицыным. В предисловии указывается на беседы Лудольфа с близкими к правительству боярами и с патриархом, на основательное ознакомление Лудольфа с состоянием просвещения, литературы, церкви в Москве 90-х гг. XVII в. Трактат о населении и природных богатствах России, помимо прямого указания на сообщения русских сановников и купцов, свидетельствует об усердном собирании нужных Лудольфу сведений в разных местах Московии (во время путешествия по стране) и от лиц самого разнообразного социального положения. Все это свидетельствует и о большой учености Лудольфа, и об основательной подготовке к путешествию в Московию (о предварительном изучении русского языка), и о значительном политическом и торговом опыте.

Кроме общеизвестного издания «Русской грамматики», существует еще особое «подносное», в котором нет грамматики, а только диалоги и трактат, – оно посвящено не князю Голицыну, а царю Петру. Кроме нового посвящения, это издание отличается еще и новым вводным листком.

Это «подносное» издание свидетельствует, что Лудольф успел узнать и царя Петра вполне правдоподобно, что он был ему

представлен, о чем сообщают его биографы. Книга была прислана в Москву в 1696 г. и на экземпляре, хранящемся в «Петровской галерее» Библиотеки Академии Наук, сохранилась запись почерком, очень напоминающим руку Петра I: *«Книга вакабулы руския зъ голанскими. Поднесена от Андрея Вилгельма Лудольфа в 1696 году»*. Известно, что 19 июля 1696 г. царь Петр I взял хорошо укрепленную турецкую крепость Азов.

После поездки в Московию Лудольф совершил еще ряд путешествий в Турцию, Палестину, Италию. Несколько раз был он в Гааге и Амстердаме. Путешествия по Европе он делал и до поездки в Московию. Запись на «подносном» экземпляре *«вакабулы руския зъ голанскими»*, быть может, указывает на привезенные Лудольфом в 1693 г. рекомендательные письма к русскому двору из Голландии, по которым он мог быть принят за голландца.

Его личные интересы были сосредоточены на вопросе об объединении всех вероисповеданий, об организации на началах широкой терпимости единой мировой церкви. О том свидетельствуют и последний диалог в его Грамматике и другие сочинения, а также открытые его письма к Пастричу (профессору богословия). Но интересы ученого – лишь субъективное преломление его социальных функций. Он служит большой международной политики Англии, его космополитизм – буржуазный по своим корням, его научные интересы в тесной связи с политическими и хозяйственными.

HENRICI WILHELMI LUDOLFI
GRAMMATICA RUSSICA

QUÆ CONTINET

Non tantum præcipua fundamenta

RUSSICÆ LINGUÆ,

Verum etiam

Manuductionem quandam

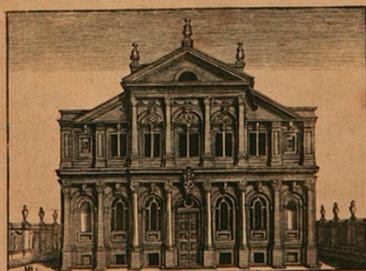
A D

GRAMMATICAM SLAVONICAM.

*Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communio-
res, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam
eorum qui linguam Latinam ignorant.*

Una cum

BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM.

O X O N I I,

E THEATRO SHELDONIANO, A. D. MDCXCVI.

Литература

1. *Ларин Б.А.* (перевод, вступительная статья): Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). Л., 1937; переиздано в составе: Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Издательство Петербургского университета, 2002. С. 511–658.

2. *Литвинов С.В.* «Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа / С.В. Литвинов // Русская речь. 2004. № 5. С. 88–94.

Леонтий Магницкий «Арифметика» (1703)

Об «Арифметике» Магницкого знает практически любой образованный человек. Она и «Грамматика» М. Смотрицкого были одними из «врат учености» М.В. Ломоносова. И до этого руководства существовали в России книги по математике – рукописные и печатные, а после него появились другие математические произведения. Однако в отечественном сознании особое место занимает именно эта арифметика как своеобразная энциклопедия математических знаний того времени. Мы хотим попытаться ответить на вопрос, почему недостаточно внимания уделено фактам, получившим известность недавно, и сведениям, посвященным творчеству Магницкого.

Основные источники биографии Л. Магницкого – некоторые тверские архивные материалы, частично опубликованные; археографические источники, связанные с московской математико-навигационной школой; отдельные архивные документы РГАДА; надписи на надгробиях Магницкого и его жены, выполненные их сыном Иваном, и др.

Эпитафия на могильном камне Магницкого начинается с провозглашения вечной памяти *«Леонтию Филипповичу Магницкому первому в России математики учителю»*. Указывается, что он родился 9 июня (старого стиля) 1669 г., а умер в 1 час ночи с 19 на 20 октября 1739 г. Сообщается, что он *«наукам изучился дивным и (неудобновероятным способом)»*. В 1700 г. он Петром I был *«по усмотрению нрава ко всем всеприятнейшаго и к себе влекущаго пожалован именован прозванием Магницкий и учинен российскому благородному юношеству учитель математики»*. Из частично поврежденного текста эпитафии *«Марии Гавриловой дочери Окунковы супруги математических школ учителя Леонтия Филиппова сына Маг...»* следует недостаточно известное в науке именование математика как *«Леонтия Филиппова сына Магницкого»*. Это может говорить о том, что ранее он был известен как Леонтий Филиппов (вспомним: первопечатник Иван Федоров сын Москвитин или Иоанн Феодорович, возможно, в русской среде имел фамильное прозвище Федоров). Следует учи-

тывать, что в историографии первоначальная фамилия Магницкого не установлена. В надгробной надписи Магницкого не сообщается, откуда он родом. Но в архивных материалах упомянуто, что он был «осташковцем», т. е. происходил из г. Осташкова. Один из первых его биографов И.М. Снегирев, по-видимому, не зная этих архивных сведений, считал, что он родился в Москве. Но в начале XX в. Н.А. Криницкий опубликовал сведения о Магницком, основанные на данных «Описания города Осташкова», составленного в XVIII в. священником Ф.Ф. Прусаветским, где о прославившемся математике говорится среди граждан города, ставших известными.

Жизнь автора «Арифметики» после того, как он стал Магницким, отражена в архивных документах, в большей степени она связана, например, с открытием Математико-навигационной школы. В указе Петра I от 14(25) января 1701 г. о ее создании говорится: *«...Быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению. Во учителях же тех наук быть Английские земли урожденным: математической – Андрею Фархварсону, навигацкой – Степану Гвыну да рыцарю Грызу; и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи»*. Следовательно, в первоначальный состав преподавателей школы Магницкий не входил, но он практически сразу был привлечен Оружейной палатой для написания книги по арифметике «ради народная пользы».

Вышла «Арифметика» в январе 1703 г., как о том сказано на титульном листе книги. В 1968 г. известный историк математики А.П. Юшкевич писал: «Вопрос о зарубежных книгах, которыми располагал Магницкий, исследован не до конца. С большой вероятностью можно полагать, что он имел под руками сочинения по арифметике...» Далее ученый воспроизвел внушительный список книг XVI–XVII вв. Однако до сих пор не выявлены среди зарубежных арифметик надежные источники, с которыми мог работать Магницкий. Между тем, в данном случае важным фактором атрибуции может быть не только математическое содержание (оно для многих арифметик того времени было в значительной

степени однотипным), но и художественное оформление издания. Поэтому своего рода прорыв в установлении зарубежного оригинала, с которым работал Магницкий, был сделан именно в изучении последнего. Оказалось, что заглавная гравюра, выражавшая аллегорию «Арифметики», как определила К.Л. Биленькая, была заимствована Магницким из книги по военной арифметике Беклера (*Bockler G.A. Arithmetica nova militaris. Nurnberg, 1661*). О том же свидетельствует и расположение текста. Дальнейшее изучение оформления и содержания других зарубежных изданий может открыть новые источники «Арифметики» Магницкого. Математическое существо книги Магницкого достаточно обстоятельно освещено в специальных исследованиях. Не касаясь подробно этого вопроса, об ее содержании можно сказать следующее. Полное название учебника: **«Арифметика», сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведеная, и во едино собрана, и на две книги разделена**. Книга представляет собой довольно большой том, насчитывает 662 стр., набрана кириллицей, украшена гравюрами, текст иллюстрирован рисунками и чертежами, используются стихотворные вставки. В нижней части титульного листа указан составитель: *«Сочинися сия книга чрез труды Леонтия Магницкаго»*. На обороте титульного листа зашифровано акростихом «Правил Теодор Поликарпов» участие в работе над книгой управляющего Московским Печатным двором Ф.П. Поликарпова – Орлова, где была издана «Арифметика». Упомянутые в названии две книги имеют следующие наименования: «Арифметика политика, или гражданская» и «Арифметика логистика не по гражданству токмо, но и к движению небесных кругов принадлежащая». Первая книга разделена на пять частей. Начальная из них содержит сведения о нумерации и четырех арифметических действиях с целыми числами, раздел о денежном счете, мерах и весах, следующая посвящена дробям. Третья и четвертая – практическим задачам. В последней рассматриваются (в применении к морскому и военному делу) алгебраические правила, прогрессии и корни. В завершение даются десятичные дроби, которые были внове для соответствующей

щей учебной литературы. Вторая книга (арифметика-логистика) поделена на три части. В первой речь идет о квадратных уравнениях. Вторая посвящена геометрии и тригонометрии: задачам на измерение площадей, теоремам на тригонометрические функции различных углов. Заключительная часть относится к математическим основам навигации – **«Обще о земном размерении и яже к мореплаванию надлежит»**. Здесь рассматривается математическое приложение к мореплаванию уже полученных сведений по арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии. При помощи прилагаемых таблиц решается навигационная задача определения широты места по наклонению магнитной стрелки, рассчитывается время приливов и отливов и пр.

Интерес представляет также, какой познавательный-педагогический смысл вкладывал Магницкий в свое произведение. Ученые, изучив его произведение, заключают: учебное воздействие он обуславливал полнотой знаний по математике в совокупности ее составляющих – арифметики, алгебры, геометрии и тригонометрии. Надо сказать, что таким образом Магницкий на долгие годы предвосхитил используемую в стране структуру (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия) преподавания математики в средней школе. Как ни странно, «Арифметика» в познавательном-педагогическом смысле не утратила значения до сих пор. Магницкий все учебные разделы свел к одному учебно-методическому и стилистическому "знаменателю", что в современных условиях практически почти недостижимо. Однако необходимо отметить и присущие тексту недостатки. Например, Магницкий излишне преувеличивал научно-познавательное значение арифметики, что отразилось в названии книги. Именно арифметика автором изложена особенно тщательно (по сравнению с алгеброй, геометрией и тригонометрией). То же касается вопроса доступности учебного материала. Но это не мешало «Арифметике» быть востребованной долгие годы, вплоть до начала XX в., когда она была факсимильно издана Н. Барановым (М., 1914).

Еще одним фактором востребованности общественным сознанием «Арифметики» Магницкого является новая для России

начала XVIII в. установка автора на перенос деятельности человека с религиозных на светские ценности. Л. Магницкий соответствующие взгляды выразил в предисловии к «Арифметике», в котором он «разделил человеческую деятельность на две сферы: "внутреннюю", по-прежнему связанную с религией, и "внешнюю" (светскую). Человек, по его мнению, *«должен стремиться к "украшению" внешней сферы, а именно обогащать свой разум науками (в особенности математикой), добиваться заслуженной славы и чести в реальной земной жизни, материально обеспечивать жизнь, "по достоинству человеческому"»*. Эта книга по праву выдающийся памятник русской национальной культуры, которым можно по-настоящему гордиться.

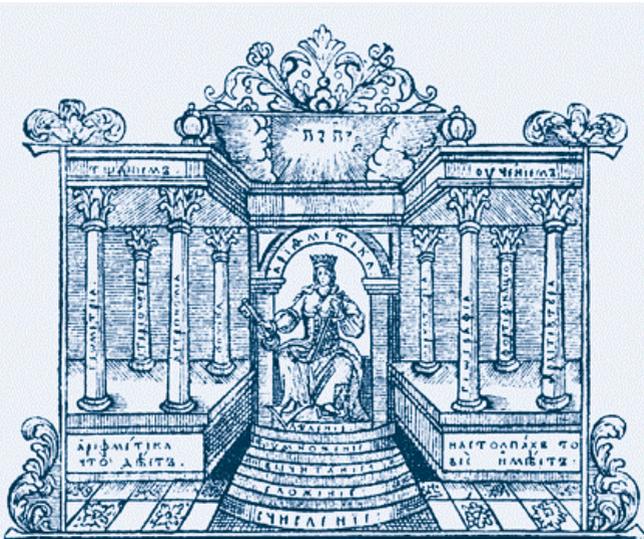
Текст на старорусском языке (фрагмент):

Ѡ РАДИЦѢЪ КВАДРАТНОМЪ.

Чтѡ ёсть рѡдицѢъ квадратный;

РѡдицѢъ ёсть число ѡковѡмъ либо четверобѡчнымъ и равномѣрнымъ фигурѡ или вещи едѣнь бѡкъ содержащее. И тогѡ рѡди рѡдицѢъ или кѡрень именѡется, занѣ ѡт негѡ всѡ пропорци всѡмъ алгебры начинаются или раждаются, и егда сѣе число сѡмо в' себѣ множитсѡ, тогдѡ произведѣнѣе егѡ нарицѡется число квадратное или четвертнѣй рѡдицѢъ, занѣ всѡмъ равномѣрночетверобѡчнымъ сѡщѣмъ фигурѡ всѡ арѣа, или плѡскость в' томѣ произведѣнѣи числами познаѡется, ѡкоже егда рѡдицѢъ бѡдетъ или едѣнь бѡкъ ѡт ѡковѡмъ либо равномѣрныхъ фигурѡ 10 сѡженъ, или стѡпъ, или какѣхъ инѣхъ мѣръ, и оумножѡется сѡмо в' себѣ, или с' дрѡгимъ равнымъ емѢ, и тогдѡ производѣтсѡ геометрическое число, или квадратное, ѡкоже сѣе 10 множено съ 10, ѣхже произведѣнѣе ёсть 100 ёже ёсть число квадратное или всѡмъ бѡнымъ равномѣрныхъ фигурѡ во всѣй арѣи равномѣрныхъ же ѡковѡхълибо мѣръ.

Начальная страница «Арифметики» Л. Магницкого.
Москва, 1703:

АРИМЕТИКА, ПРАКТИКА

ИЛИ ДѢЛТЕЛНАА .

ЧТО ЕСТЬ АРИМЕТИКА :

Ариѳметика или численница , есть художество
чѣстное , независимое , и всѣмъ оудополютное ,
многopolзныѣише ; и многоуважнѣише , ѿ дрѣ-
внѣишнхъ же и новѣишнхъ , въ разнаа времена
являшхся изрѣднѣишнхъ ариѳметиковъ , изъобрѣ-
тенное , и изложеное

Колликовѣа есть ариѳметика практика ;
ѣсть сзрѣва

- 1 Ариѳметика политическая или гражданская
- 2 Ариѳметика логическая , не ко гражданствѣ
токушо , но и къ движению нѣбныхъ крѣговъ принадлежащаа

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О ЧИСЛАХЪ ЦѢЛЫХЪ .

КОЛѢКУ ЕІА ЧАСТЬ ИМѢЕТЪ ВЪ СЕБѢ ПРЕДѢЛЕНІИ ;
ИМѢЕТЪ ПРЕДѢЛЕНІИ ПЛѢТЪ .

1 .	Συναρίθμησις .	}	}	}	Счисленіе .	
2 .	Συναρτισμός .				Numeratio .	Сложеніе .
3 .	Γφειλιός .				Additio .	Въчитаніе .
4 .	Πολυπλασιασμός .				Subtractio .	Оумноженіе .
5 .	Διαρρεσις .				Multiplicatio .	Дѣленіе .
			Divisio .			

ПРЕДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ . ИМЕРЦІО , ИЛИ СИСЛЕНІЕ .

ЧТО ЁСТЬ ИМЕРЦІО ;

ИМЕРЦІО ЁСТЬ СИСЛЕНІЕ ЁЖЕ СОВЕРШЕННУ ВСѦ ЧИСЛА
РѢЧІЮ ИМЕНОВАТИ , ИЖЕ ВЪ ДЕСЯТИ ЗНАМЕНОВАНІАХЪ ,
ИЛИ ИЗЪСВЕРЖЕНІА СОДЕРЖАТСА , И ИЗЪСВЕРЖАЮТСА СІЦЕ :

1 , 2 , 3 , 4 , 5 , 6 , 7 , 8 , 9 , 0 ,
ИЗЪ НИХЪЖЕ ДѢЛАТЬ НАЗНАМЕНОВАТЕЛЬНЫ СѢТЬ :
ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕ 0 [ЁЖЕ ЦИФРОЮ , ИЛИ НИЧѢМЪ
ИМЕНУЕТСА] ЕГДА ОУСѦ (ОНО) ЕДИНО СТОИТЪ ,
ТОГДА СѦМО ОУ СЕБѢ НИЧТОЖЕ ЗНАЧИТЪ . ЕГДА
ЖЕ КОЕМЪ ОНЫХЪ ЗНАМЕНОВАНІИ ПРИЛОЖЕНО БѢДЕТЪ ,
ТОГДА ОУМНОЖАЕТЪ ВЪ ДЕСЯТЕРО , ИКОЖЕ ПРѢ-
ЛОЖЕНО ЁСТЬ НИЖЕ СЕГѦ .

Литература

1. *Магницкий Л. Ф.* Арифметика. 1703. Электронная книга
2. *Магницкий Л.Ф.* Арифметика (выпуск 1 переиздания П. Баранова). 1914. Электронная книга.
3. *Галанин Д. Д.* Леонтий Филиппович Магницкий и его Арифметика. Выпуск 1. 1914. Электронная книга.
4. *Каменева Т.Н.* К истории издания «Арифметики» Магницкого // Книга: исследования и материалы. М., 1984. Сб. XLVIII.
5. *Гнеденко Б.В., Погребысский И.Б.* Леонтий Магницкий и его «Арифметика»// Математика в школе. 1969. № 6.

Интернет-источники

URL: http://www.yspu.yar.ru/vestnik/chronika_informaciya/5_1/

URL: <http://www.etudes.ru/ru/mov/magn/index.Php>

Фёдор Поликарпов «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище» (1704)

Данное филологическое сочинение было издано в начале XVIII в. во время правления Петра I, на что и было ориентировано по своему составу и содержанию. Следует учесть, что шрифт данного произведения не претерпел изменения, как последующие тексты после реформы графики и орфографии 1710 г. Поэтому прочтение данного текста представляет особый интерес с точки зрения исторической грамматики.

Напечатан «Лексикон треязычный...» был в Москве в типографии Печатный двор, расположение текста оформлено в 2 столбца на одной странице. Шрифт: 10 строк = 47 мм. Страницы в рамках из наборных украшений. Орнамент: заставки, концовки. На обороте первого и последнего листа – четверостишия. «Лексикон» Ф. Поликарпова был первым трехязычным словарем в России, и поэтому автор жаловался на трудность работы по его составлению. По свидетельству И.Г. Бакмейстера, «Лексиконом» пользовались еще в 1770-х гг., состоял он из следующих разделов:

- 1) «Любезному читателю о господе радоватися».
- 2) «Читателю благоразумному, увещательное извещение».
- 3) «Пристежение».
- 4) «Лексикон славено-греко-латинский, в пользу мудролюбивому учащихся вразумлению».
- 5) «Оставляшаяся речения, и приправлена в дополнение».
- 6) «Ergores tyrographi» (список опечаток).

В обращении к читателю Ф. Поликарпов пишет, что три языка повествуют «писание божественное» – еврейский, греческий и латинский. В «Лексиконе» вместо еврейского взят русский: *«Вместо же языка еврейского наш предпоставихом славенский, яко поистинне отца многих языков благоднейша. Понеже от него аки от источника неизчерпаема, прочим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому, малороссийскому, и иным множайшим, всем есть явно»*. В «Извещении» Поликарпов предполагает, что читатель, увидев книгу, подумает: *«... се ныне видим невидимое, новое, ненужное и бесполезное, что пользуют нам языцы иностраннии. Не доволен ли един наш славенский ко глаголаню»*. Поликарпов просит читателя умолкнуть: *«... разны языки знати, сие воистину прехвално»*. Первая причина, заставившая составить книгу, – *яко самый славенский наш диалект, тако славный и пространый от толиких веков...»* Вторая причина та, что русский язык засорен иностранными словами: *«... от разных стран приходящи, своестранная речения в разговоры, и в книги привнесоша, на приклад, сербская, польская, малоросская. И тако респота и чистота славенская засыпаса чужестранных языков в пепел...»* Русская церковная литература связана с греческим языком, в «Лексиконе» *«приложися же и третий язык латинский того ради, яко ныне во кругу земному сей диалект паче иных, во гражданских и школьных делех обносится. Тако жеде и о всяких науках и художествах ко человеческому жителству нуждных, книги премного с иных языков преведены и вновь сочинены на сем языке обретаются»*. «Лексикон» составлен в алфавитном порядке, за русскими словами и выражениями следуют их греческие и латин-

ские значения. «Лексикон» разделен на две части – от «а» до «о» и от «п» до «у». Вторая часть не имеет ни заглавного листа, ни титула; о том, что перед нами начало второй части, можно судить по новому счету листов и новому счету тетрадей. В списке опечаток указаны «опечатки первой части» и «второй»; таким образом, ясно, что сам Поликарпов различал в своем словаре две книги. На обороте заглавного листа под концовкой и под концовкой на л. 121 второй части помещены четверостишья. Заглавный лист на трех языках – русском, греческом и латинском, так же и «обращение». Все страницы издания в рамке из наборных украшений, страницы «Опечаток» в линейной рамке. Есть ряд концовок из наборных украшений, например ч. 1-я, л. 81 об. Тетради по 8 л. Первая не имеет обозначения, пометы начинаются с л. 1 первой части «Лексикона». В последней, 27-ой, тетради 6 л. Обозначен только л. 1 в тетради цифрами кириллицы. Во второй части счет тетрадей начинается снова и идет также, в предпоследней тетради, 23-й, всего 4 лл., отсутствует обозначение 20-й тетради. В первой части колонцифры лл. 200–206 переправлены. «Увещание» подписано «Любви твоей небесных и земных благ желателие московския типографии справщик Феодор Поликарпов, со всем в деле сем трудившимся клеветством». В неразобранном архиве Печатного двора Браиловский нашел прошение от января 1705 г. книгописцев Федора Герасимова, Карпа Федорова и Илариона Васильева, в котором они просили вознаграждения за то, что при составлении «книги трезычныя – славено-греко-латинския лексиконы, в которых мы, рабы твои, трудились излишними многими трудами, кроме подрядного дела, перевод писали, и листы читали, и с кавыками (корректорскими знаками) сводили, и речи греческия и латинския приискивали, а за излишния труды ничево нам не дано. Всемилоостивейший государь, просим вашего величества, пожалуй нас, вели государь, дать нам за те наши излишние труды, что тебе, государю, господь бог о нас по сердцу положит». Оплачены книгописцы были экземплярами «Лексикона». Это прошение раскрывает имена «клеветов», трудившихся вместе с Ф. Поликарповым. И.А. Мусин-Пушкин распорядился 9 января 1705 г.

оплатить труд архимандрита Спаса Симонова монастыря Рафаила и архимандрита Спасского монастыря, «что за иконным рядом» Иосифа, «что они, архимандриты, книги лексиконы на трех языках московской печати смотрели, по книге лексиконов в переплете безденежно». Первый в России печатный трехязычный лексикон, составленный Ф.П. Поликарповым при участии работников Печатного двора Федора Герасимова, Карпа Федорова и Иллариона Васильева, имеет «увещательное извещение», обращенное к «читателю благоразумному», подписанное Федором Поликарповым «со всем в деле сем трудившимся клевететвом». Словарь составлялся под «смотрением» знатоков греческого и латинского языков Стефана Яворского, Рафаила Краснопольского, братьев Лихудов и был ими одобрен. Предвидя возможные возражения против издания словаря, Ф. Поликарпов приводит в предисловии ряд убедительных доводов в его пользу. Без словаря русский язык засоряется иностранными словами, *«и тако,— говорит он, — речнота и чистота славенская засыпая чужестранных языков в пепел»*. Греческий язык нужен, так как с него переведены церковные книги, «к тому же и свободных наук, всяких художеств Греция без родительница». Латинский язык полезен, так как «ныне во кругу земному сей диалект паче иных во гражданских и школьных делех обносится». На латинском языке написаны многие книги, относящиеся к «наукам и художествам». «Лексикон» расхотелся медленно (в 1726 г. на складах Печатного двора находилось 1500 нераспроданных экземпляров), но сохранял свое практическое значение на протяжении всего XVIII в. «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное», составленный Федором Поликарповичем Поликарповым – Орловым для желающих изучать греческий и латинский языки – первый русский словарь в современном понимании этого слова. Лексикон составлен в соответствии с принятой в западноевропейских словарях того времени системой представления материала и являлся наиболее полным собранием книжно-славянской лексики: в нем содержится 19712

словарных статей. На протяжении XVIII в. «Лексикон» оставался незаменимым учебным и справочным пособием. Поликарпов-Орлов Федор Поликарпович (?-1731) – справщик и директор московской типографии. Ученик братьев Лихудов в Славяно-греко-латинской школе. С 1701 г. – справщик (редактор) московской типографии, с 1709 – директор. Автор многочисленных трудов, среди которых наиболее известны: *«Алфавитарь рекше букварь, словенскими, греческими, римскими письмены учатися хотящим и любомудрие в пользу душеспасительную обрести тщащимся»* (1701); *«Славянская грамматика»* (1721), представляющая собой переработанную грамматику Мелетия Смотрицкого; *«Историческое известие о московской академии»*; *«Русская История»* XVI и XVII вв., составленная в 1708–1716 гг. по приказу Петра I.

Значение этого словаря определяется тем, что в нем представлены все наиболее употребительные в литературном языке того времени церковнославянизмы, параллельно с которыми приведены слова живого русского языка: *битый* – зри *биеный*; *болото* – зри *блато*; *весь* – зри *село*; *возглавие* – зри *подушка*; *захлялю* – зри *похищаю*; *сулю* – зри *обещаю*; *тропа* – зри *стезя* и др.

Фрагменты «Лексикона»:

ЭПИГРАММА.

На Грамматикѣ.

Грамматика писма все научает,
чѣмъ чѣти мнѣ разублаже.
Орфографію и просодію,
сѣмъ глаголю и етимологію.
И прѣреченъ мнѣ и шпаство,
подаеъ пѣное мѣсто.

Которѣи прагнѣ быти доконамъ,
вплѣкъ и словеса абы непатали.
Але и зъ вѣсть мнѣ все понаванъ,
и чого са оуча абы добрѣ знали.
Ключѣо естъ шварлючи все
оумъ,

къ познанію въ прѣправѣ разѣ.
Покоторѣ власне мѣкъ повсходѣ

подеъ,
кады ісавъ хочѣ събнѣхъ доде.

Прѣжнѣ шѣла кдѣнша
писмо оумѣти.
Которѣи мѣхочѣ менѣ
розѣмѣти.

Литература

1. *Браиловский, С.Н.* Фёдор Поликарпович Поликарпов – Орлов. // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1894. Сентябрь–Ноябрь.

2. *Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689–январь 1725. Москва–Ленинград, 1958. № 35.

3. *Зернова А.С.* Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968. № 40.

4. *Каратаев И.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. СПб., 1861, № 1230.

5. Книжные сокровища ГБЛ. Выпуск 1. Книги кирилловской печати XV–XVIII веков. Каталог. М., 1979. № 51.

6. *Пекарский П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. I–II. СПб., 1862, № 8.

7. *Петров С.О.* Славянские книги кирилловской печати XV–XVIII вв. Описание книг, хранящихся в ГПБ УССР. Киев, 1958. № 390.

8. *Ундольский В.М.* «Хронологический указатель славяно-русских книг церковной печати с 1491 по 1864-й год». Выпуск I-й. М., 1871, № 1359.

9. *Рамазанова, Д.Н.* «Лексикон трехязычный» Фёдора Поликарпова в собрании Музея книги Российской Государственной библиотеки // Вивлиофика: история изучения книжных памятников. Вып. 1. М.: Пашков Дом, 2009. С. 156–176.

Интернет-источники

URL:http://www.tambovlib.ru/index.php?view=conferenc.2010.biblioteka_21vek.gorelkina

URL: http://nwapa.spb.ru/sajt_ibo/vistavki/slovari/istoriya.html

URL:<http://www.raruss.ru/slavonic/slav4/1610-polykarpov-lexicon.html>

Михаил Васильевич Ломоносов «Русская Грамматика» (1755)

Русская литература и язык XVIII в. развивались под влиянием изменений, которые внесли в общественно-политическую и культурную жизнь Империи реформы Петра Великого. У истоков преобразования русского языка и художественной литературы этой эпохи выделяется М.В. Ломоносов. Ему принадлежит учение о трех стилях, суть которого заключается в том, что устаревшая система церковно-книжной речи тормозила развитие как литературы, так и общества в целом. Поэтому представленная им «Русская грамматика» является одним из главных сочинений ученого.

Значение грамматики блестяще определено Ломоносовым в его знаменитом изречении: *«Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».*

«Русская грамматика» – одно из главных филологических сочинений М.В. Ломоносова и одно из важнейших по значимости в истории русской филологии. Первая печатная (типографски изданная) русская научная грамматика на родном языке. Ломоносов начал работать над «Русской грамматикой» в 1749 г. 20 сентября (по ст. стилю) в 1755 г. Ломоносов преподнёс исправленную рукопись Российскому Государю великому князю Павлу Петровичу. Из печати книга (тираж – 1200 экз.) вышла в январе 1757 г. На титульном листе 1-го изд. указан не год выхода «Русской грамматики» в свет, а 1755 г. Аналогично – 1755 годом – помечены и все последующие издания «Русской грамматики» XVIII в.: 2-е изд.(1765), 3-е (1771), 4-е (1777), 5-е (1784). В 1764 г. в Петербурге «Русская грамматика» вышла в переводе на немецкий язык.

«Русская грамматика» состоит из шести «наставлений». Наставления разделены на главы, главы – на параграфы. Наставление первое («О человеческом слове вообще») посвящено общим вопросам грамматики «вообще» и русской грамматики в частности. Согласно Ломоносову, язык человеку дарован Творцом. Язык – «первейшее» проявление человека как существа разумного. Основные функции языка – коммуникативная и ког-

нитивная (как следствие того, что язык – проявление разума). Из всех возможных способов передачи информации наиболее совершенным является тот, что связан со звуком: *«Но коль велика творческая премудрость: одарил нас словом, одарил слухом. Определенные к ним члены, коль хитро устроены, невозможно и помыслить без удивления о неизреченном разуме, без глубочайшего благоговения и благодарения к щедроте всевышнего строителя мира»*. Рассматривая свойства звука (любого, а не только звука человеческой речи), Ломоносов говорит, что они зависят от «выходки», «напряжения», «протяжения» и «образования». Звук человеческой речи есть «неразделимая часть слова». При этом, что толкование звука речи сходно с современной интерпретацией фонемы (нечленимая единица языка) и притом, что, по Ломоносову, «неразделимые части слова изображаются» буквами, специальных терминов, которые различали бы понятие звука и буквы, в «Российской грамматике» нет. Звуки и собственно буквы равно именуется буквами, что иногда дает результатом фактическое смешение звуков и букв. Перечислив органы речи, Ломоносов указывает, что «движения органов суть двояки» и это приводит к различению гласных и согласных звуков. Анализируются особенности гласных и согласных звуков и предлагаются их классификации. Гласные разделяются на «тонкие» (или «острые»): *я, ѣ, и, ю, ю* и «дебелые», (или «тупые»): *а, э, ы, о, у*. Согласные распадаются на губные: *б, в, м, п, ф*, зубные: *ж, з, с, ш*, язычные: *д, л, н, р, т, ц, ч*, поднебные: z^1 (в слове глаз), *к*, гортанные: z^2 (в слове благо), *х*. Кроме того, согласные подразделены (по терминологии того времени) на «твердые» (*п, ф, с, ш, р, т, ц, ч, к, х*) и «мягкие» (*б, в, м, ж, з, д, л, н, z^1, z^2*). Это противопоставление полностью соответствует современному разбиению согласных по глухости / звонкости (за исключением *р*, отнесенного Ломоносовым к «твердым»). Гласные являются организующим центром «складов» (слов). Склад может состоять из одной гласной («буквы»), одной гласной и одного или нескольких согласных (*зе-мля*). Слоги русского языка бывают ударными и безударными. Склад «составляет нередко целое речение»: *я, и, ты*.

В Грамматике рассмотрены общие вопросы классификации «знаменательных [т. е. «знаменующих», обозначающих что-то] частей слова» (частей речи) и семантические, морфологические и синтаксические свойства последних. Знаменательных частей слова 8: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие. Причастие интерпретируется как отдельная часть речи: служит «для сокращения соединением имени и глагола в одно речение». Части речи распадаются на главные (имя, глагол) и вспомогательные, или служебные (шесть остальных). Помимо этого, в морфологическом отношении части речи разбиты на «склоняемые» (т. е. изменяемые: имя, местоимение, глагол, причастие) и «несклоняемые» (остальные). Кратко освещен вопрос о способах образования слов («произвождением», или «наращением складов»: *гора* → *горница*; «сложением»: *рука* + *мою* → *рукомойникъ*).

Во втором наставлении («О чтении и правописании российском») подняты проблемы графики, орфографии, орфоэпии. По мнению Ломоносова, русская азбука должна включать в себя 30 букв (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Ъ, Ы, Ь, Ъ, Ю, Я). Проанализировав принципы соотношенности звуков и букв, свойственные русскому языку, Ломоносов предложил исключить из русского письма буквы **і**, **щ**, **э**, (по-видимому, ввести **ѣ** в русский алфавит первым предложил В.Н. Татищев). **И** не нужна, потому что «произносится так же, как и». **Щ** произносится как сочетание звуков **ш** и **ч** и имеет не больше прав на существование, нежели буквы **ѣ** и **ѵ** (поскольку также обозначают сочетания звуков **к** и **с**, **п** и **с**). Буква **э** передает звук, характерный главным образом «иностранным выговорам»; «для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело», и «старая» буква **е**, «имея несколько разных произношений» (по Ломоносову, пять), вполне достаточна, чтобы обеспечить правильное восприятие и разное произношение слов, в том числе *этотъ* [этот] и *ей* [йей] (а также *копье* [копью]). Диграфы («двуписьменные начертания») типа **ѣ** не свойственны русской азбуке, впрочем, «употреблять в нужных случаях» **ѣ** можно. По

разным причинам не все предписания Ломоносова были приняты. Однако, хотя бы и частично, они сказываются на русском письме до сих пор. Так, в 1797 г. Н.М. Карамзин ввел букву ё. Заменяя собою «двуписьменное начертание» *ю* (что, в принципе, сделало более ясным фонетическое содержание буквы *е*), буква *ё* тем не менее и в настоящее время не является обязательной (чаще пишется *елка*, а не *ёлка*). Классификация собственно букв в «Российской грамматике» несколько отличается от классификации звуков. Буквы подразделяются на «самогласные» (соотносятся с гласными звуками), «согласные» и «безгласные» (**ь, ъ**). Согласные делятся на «твердые», «мягкие» и «плавные» (**в, л, м, н, р**). Из описания особенностей «произношения букв» можно заключить, что Ломоносов практически осознавал наличие в русском языке особого звука **й [j]** (хотя по традиции и толковал его в качестве краткой разновидности *и*) и был уже достаточно близок к осознанию оппозиции согласных по признаку твердости / мягкости (*t-t'*). Орфоэпические рекомендации «Российской грамматике» опираются на специфику «московского наречия»: *«Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается ...»*. Ведущим орфографическим принципом Ломоносов провозглашает морфологический (в отличие от В.Е. Адодурова и В.К. Третьяковского, высказывавшихся только в пользу фонетического, «звукового» принципа): *«<...> ежели положить, чтобы по сему выговору [московскому] всем писать и печатать [напр.: хачу, гавари], то должно большую часть России говорить и читать снова переучивать насильно»*.

Третье наставление («О имени») содержит подробные сведения о морфологических, семантических и словообразовательных свойствах существительных, прилагательных и числительных, в совокупности, по традиции греческих грамматиков, трактуемых как одна «знаменательная часть слова». В главе «О родах имени» устанавливается соответствие между родовыми классами (четыре: мужеский, женский, средний и общий) и формой существительных (например: «которые на *и* и *ь* кончаются, суть мужеского

рода: *сарай* <... > *храмъ*»). Центральным разделом наставления являются главы «О склонениях» и «Содержащая особливые правила склонения». «Склонений в российском языке пять: четыре существительных и одно прилагательных». К 1-му склонению отнесены существительные типа *слуга, изба, дядя*; к 2-му – *соколь, злодѣй, якорь, спасеніе, солнце*; к 3-му – «имена среднего рода, кончающиеся на *я*» (*стѣмя, жеребя*); к 4-му – имена «женского рода, кончающиеся на *ь*» (*добродѣтель*). Ломоносов тщательно описывает не только падежно-числовые окончания (в том числе и варианты) существительных и прилагательных, но и изменения в основах, сопровождающие склонение (*небо – небеса, горшокъ – горшка и т. д.*) и образование кратких форм прилагательных (*кроткой, но кротокъ*). Рассмотрено образование степеней сравнения прилагательных: положительный (*богатый*), рассудительный (веселѣе), превосходный (*пребогатый, самой скверной*) «степень». О формах с приставкой **наи-** Ломоносов замечает: «Новые превосходные, с польского языка взятые, с приложением *наи*: *наилутчий, наичистѣйший* российскому слуху неприятны».

Наставление четвертое («О глаголе») полностью посвящено глаголу: специфике его формо- и словообразования, семантике и функционированию форм. Наклонений у глагола три: изъявительное (*пишу*), повелительное (*пиши*) и «неокончателное» (*писатьъ*). По Ломоносову, специальных глагольных форм желательного и сослагательного наклонений в русском языке нет («вместо оных употребляют изъявительное с приложением союзов»). Временных форм 10. Настоящее (*трясу*). 6 прошедших: неопределенное (*трясъ*), однократное (*тряхнулъ*), совершенное (*написалъ*), давнопрошедшее первое (*тряхивалъ*), давнопрошедшее второе (*бывало трясъ*), давнопрошедшее третье (*бывало трясывалъ*). 3 будущих: неопределенное (*буду трясти*), однократное (*тряхну*), совершенное (*напишу*). Глагол имеет 6 залогов: действительный (*мою*), страдательный (*есть прославляемъ*), возвратный (*моюсь*), взаимный (*знаюсь*), средний (*сплю*), общий (*боюсь*). Спряжений два. Причем спряжение Ломоносов трактует одновременно и в узком (изменение по лицам), и в широком смысле (вся система

форм глагола, включая причастия и деепричастия). Глаголы разбиваются на личные и безличные; правильные и неправильные (*даю, гьмь, хочу*); полные, неполные («полный глагол имеет все наклонения, времена, лица и числа <...>; неполный глагол чего-нибудь из оных лишен, как: *очутился, довелось*») и «изобилующие» («имеют два разных окончания в одном знаменовании: *колеблю и колебаю*»).

В наставлении пятом («О вспомогательных или служебных частях слова») рассматриваются местоимения, наречия, предлоги (предлоги в «Российской грамматике» еще не разделяются с приставками), союзы; предлагаются их классификации. В этом же наставлении Ломоносов еще раз обращается к причастиям, фиксируя внимания читателя на некоторых их особенностях, которые не были обсуждены в наставлении о глаголе. Очевидна определенная нелогичность рассмотрения причастий в рамках вспомогательных (служебных) частей речи, что, по-видимому, ощущал и сам Ломоносов (ср.: *«О причастиях хотя выше сего в спряжении глаголов показано, однако же кратко, и для того здесь надлежит изъяснить пространнее»*).

Наставление шестое («О сочинении частей слова») посвящено вопросам синтаксической сочетаемости частей речи. Терминов типа «согласование», «управление», «примыкание» как таковых еще нет (впрочем, ср.: *«Имена прилагательные, местоимения и причастия должны с существительными, к которым прилагаются, должны быть согласны в роде, числе и падеже»*), но техника и особенности синтаксических связей продемонстрированы отчетливо. Анализируя сочетаемость слов, Ломоносов не ограничивается только формальной стороной дела. Он показывает важность смысловой сочетаемости слов. Действительно, синтаксис не есть просто формальное связывание слов. Синтаксис – это связывание («сочинение») смыслов с использованием определенных формальных механизмов. Учения о простом предложении и синтаксических единицах, больших, чем простое предложение, в «Российской грамматике» нет (за исключением самых общих и кратких сведений на этот счет в главе 5-ой первого наставления).

Однако, согласно грамматическим представлениям того времени, это учение должно было содержаться не в курсе грамматики, а в риторике. Риторика и грамматика составляют одно целое: грамматика объясняет устройство языка, риторика учит, как правильно строить речь. Об одном из побудительных стимулов к составлению грамматики Ломоносов писал: *«Особливо для того выдаю [«Российскую грамматику»] на свет, что уже Риторика [«Краткое руководство к красноречию», 1748 г.] есть, а без грамматики разуместь трудно»*. Не случайно Ломоносов обращался в Академическую канцелярию с просьбой о выпуске нового издания его Риторики одновременно с выходом в свет «Российской грамматики».

«Российская грамматика» – нормативно ориентированная грамматика (ср., напр.: *«Говорят иные: хотим, хотите, хотят, однако это непристойно»; «Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют <...> идучи я в школу, встрѣтился со мной пріятель»* и т. п.). Собственно, в условиях становления нового литературного языка русского общества, в процессе поиска языка новой литературы это было веление времени. И Ломоносов хорошо понимал это, став и в теории, и в практике одним из творцов современного русского литературного языка.

Как отмечала Н.Ю. Шведова: «в "Российской грамматике" Ломоносова <...> были сформулированы главнейшие аспекты изучения грамматического строя русского языка: формальный, функциональный и стилистический – в их органическом взаимодействии; этим определилось развитие русской грамматической мысли на много десятилетий вперед». И современные грамматики строятся практически так же, как и «Российская грамматика», обязательно включая три указанных аспекта описания языка.

Выход «Российской грамматики» был встречен русским обществом с чрезвычайным энтузиазмом. «Российская грамматика» принесла Ломоносову вполне заслуженную славу «первейшего» российского грамматиста. Вместе с тем не следует думать,

что «Российская грамматика» появилась на абсолютно неподготовленной до Ломоносова российской грамматической почве. Российское общество XVIII в. живо ощущало настоятельную потребность в описательной грамматике, которая бы отразила реальную языковую ситуацию общества и которая бы способствовала «устроению» языка, сформулировав языковые нормы. Еще в 1733 г. Академия наук, принимая на службу В.К. Тредиаковского, так определила круг его обязанностей: *«Помянутой Тредиаковский обязуется вычищать язык русской как стихами, так и не стихами окончить Грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно с прочими над Дикционарием руским»*. Критически осмысленные Ломоносовым грамматические идеи В.Е. Адодурова, В.К. Тредиаковского, В.Н. Татищева оказали безусловное влияние на «Российскую грамматику». Однако ни в коем случае нельзя и преуменьшать значимость и объем проделанной Ломоносовым работы, о чем свидетельствует хотя бы громадная подготовительная работа – пространные черновые материалы к «Российской грамматике». Ломоносов стал первым русским автором, выпустившим в свет систематическую грамматику, отвечающую запросам динамично развивавшегося общества. Вполне отдавая отчет в значимости своего труда, Ломоносов осознавал при этом, что это только первый опыт такого рода сочинений с неизбежно присущими всем первым опытам недостатками: *«Сию грамматику не выдаю за полную, но только опыт, ибо еще никакой нет, кроме славенской [Мелетия Смотрицкого] и маленькой [Адодурова – Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache] в лексиконе [Вейсманна, 1731 г.], весьма несовершенной и во многих местах неисправной» (расширенного варианта грамматики Адодурова Ломоносов не знал, поскольку тот напечатан не был)*».

«Российская грамматика» – это не холодный труд кабинетного ученого. В ней бьется пульс Человека-творца, человеческого разума как отражения разума Божественного. Божественный разум, разум человеческий, красота творения и «красота», «чистота» и великолепие русского языка как части этого творения – вот опорные точки труда, именуемого «Российской грамматикой».

«Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи <...>»
(«Утреннее размышление о Божием величестве»; 1743 г.).

**Текст на старорусском языке
(графика современного русского языка):
Российская грамматика
Наставление первое. О человеческом слове вообще
Глава I. О голосе**

№1. По благороднейшем даровании, которым человек протчих животных превосходит, то есть правителе наших действий разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшия от него в обществе человеческом знания; которыя весьма бы тесно ограничены были, есть ли бы каждой человек воображенныя себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой либо махины приготовленныя части лежат особливо, и ни которая определеннаго себе действия другой взаимно не сообщает; тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом естли бы каждой член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому; то бы не токмо лишены мы бы были сего согласнаго общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется; но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей разсыпанных по лесам и пустыням.

Глава 4. О знаменательных частях человеческого слова

§ 39. Взирая на видимый сей свет, двоякого рода бытия в нем находим. Перваго рода суть чувствительныя в нем вещи; втораго рода суть оных вещей разныя деяния.

§ 46. По сему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных. 1) *Имя*, для названия вещей. 2) *Местоимение*, для сокращения именований. 3) *Глагол*, для названия деяний. 4) *Причастие*, для сокращения соединением имени и глагола в одно

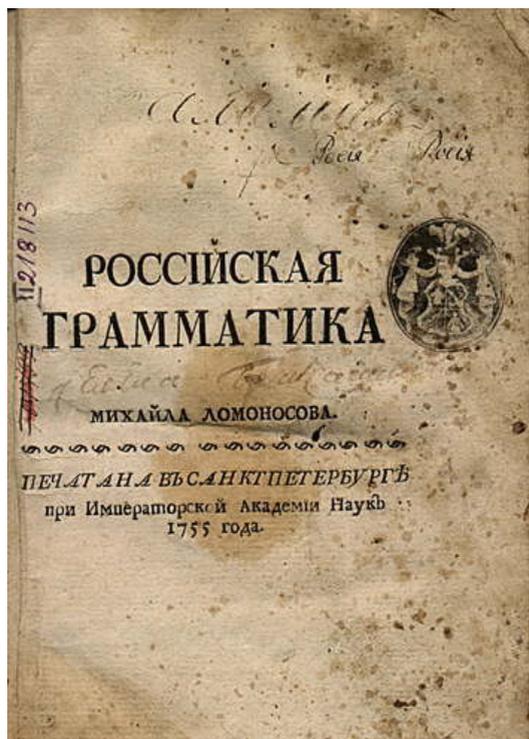
речение. 5) *Наречие*, для краткаго изображения обстоятельств. 6) *Предлог*, для показанія принадлежности обстоятельств к вещам и деяніям. 7) *Союз*, для изображения взаимности наших понятій. 8) *Междуметіе*, для краткаго изъясненія движеній духа.

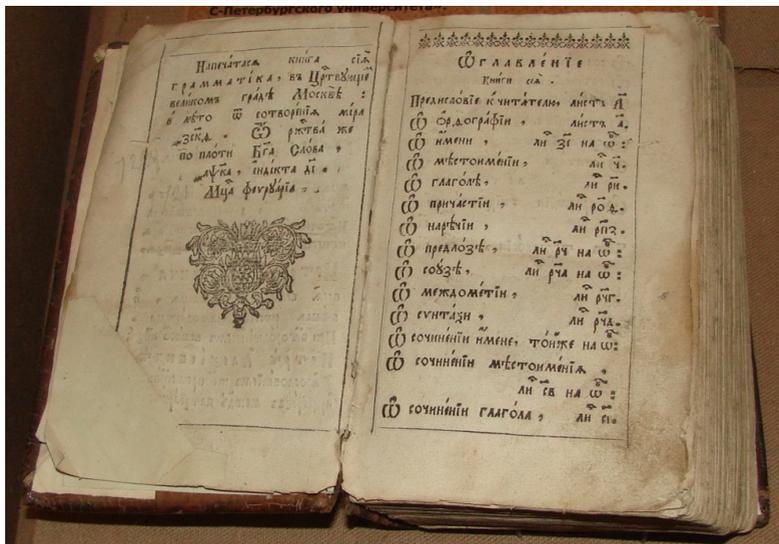
Наставленіе второе. О чтеніи и правописаніи Россійском

Глава 5. О правописаніи

§ 108. В правописаніи наблюдать надлежит, 1) Что бы оно служило каждому знающему Россійской грамоте. 2) Что бы не отходило далече от главных Россійских диалектов, которые суть три: Московской, Северной, Украинской. 3) Что бы не удалялось много от чистаго выговору. 4) Что бы не закрылись со всем следы производенія и сложения речей.

Фрагменты «Россійской грамматики»:

Литература

1. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М., 1961.
2. *Кожин А.Н.* История русского литературного языка: Хрестоматия: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. С. 209–213.

Интернет-источники

1. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm>
2. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book6874/192769/>

Владимир Даль Словари (1861)

Владимир Иванович Даль (10 [22] ноября 1801 – 22 сентября [4 октября] 1872) – русский учёный, писатель и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». В 1861 году за первые выпуски «Словаря» получил константи-

новскую медаль от Императорского географического общества, в 1868 году выбран в почётные члены Императорской академии наук, а по выходу в свет всего словаря удостоен ломоносовской премии. Член-корреспондент Петербургской академии наук по физико-математическому отделению (избран 21 декабря 1838 года за естественно-научные труды), почётный член Академии по Отделению естественных наук (1863 год). При слиянии Петербургской академии с Российской Даля перевели в Отделение русского языка и словесности. Член Общества любителей Российской словесности (в почётные члены избран в 1868 году). Член Общества истории и древностей Российских. Один из двенадцати членов-учредителей Русского географического общества, которое присудило ему Константиновскую медаль за «Толковый словарь живого великорусского языка». Знал, по меньшей мере 12 языков, понимал тюркские языки, считается одним из первых тюркологов. Этнограф, собиратель фольклора. Собранные песни отдал Киреевскому, сказки – Афанасьеву. Богатое, лучшее в то время собрание лубочных картин Даля поступило в Императорскую публичную библиотеку и вошло впоследствии в издания Ровинского.

Исключительны заслуги Владимира Даля в истории русского языка. «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Словарь пословиц русского языка» до сих пор являются бесценными пособиями в постижении русской культуры. Признан вклад Владимира Даля и в русскую литературу, но значителен объем забытых и несобранных произведений писателя, о которых не знают даже специалисты. Не изучено его рукописное наследие. Отсутствуют научные издания его произведений. Последнее издание полного собрания его сочинений вышло в 1897–1898 годах. Недавняя попытка его нового издания под руководством В.Я. Дерягина остановилась со смертью редактора и прекращением деятельности издательства в финансовых неурядицах середины 90-х гг. И главное: наследие Владимира Даля не было предметом текстологического анализа.

«Толковый словарь живого великорусского языка»

Толковый словарь В. Даля – это непревзойденный словарь русского языка, в котором не только собраны и объяснены слова, систематизированы по корневым гнездам, но и сознательно рассчитан и достигнут особый эффект. Благодаря качественному отбору поясняющих примеров, а это пословицы, поговорки, живая речь русского народа, Словарь Даля имеет еще и выдающееся эстетическое значение: ко всему прочему его Словарь становится еще и художественным произведением, в котором отразилась личность великого русского филолога и писателя, его опыт познания России. Это колоссальный, не знающий себе равных в истории лексикографии труд: над своим «Словарем» Даль работал 53 года. Глядя на его «Словарь» – четыре огромных тома, содержащих двести тысяч слов, невольно удивляешься, что этот труд выполнен одним человеком. По утверждению Мельшкова-Печерского, именно в Оренбурге сделал Даль *«главнейшее пополнение запасов для словаря»*. Две цитаты, определяющие задачи, которые поставил перед собой автор: *«Живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стройность, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи»*.

В основе словаря лежит живой народный язык того времени с его областными видоизменениями, словарь включает лексику письменной и устной речи XIX в., терминологию и фразеологию различных профессий и ремёсел.

Словарь не только даёт информацию о языке, но и о народном быте, поверьях, приметах, другие этнографические сведения. Так, например, в статье о слове *«лапотъ»* не только охарактеризованы все типичные виды лаптей, но и указаны способы их изготовления; словах *«мачта»*, *«парус»* даются не только названия различных видов мачт и парусов, но объясняется и их назначение. В статье о слове *«рукобיתье»* объясняется сложный свадебный обряд и целый ряд связанных с ним обычаев, характерных для свадьбы в старом крестьянском быту.

Словарь составлен по алфавитно-гнездовому принципу. Такой метод способствует раскрытию словообразования, но вызывает и трудности: порой не ясно, где именно следует искать какое-то конкретное слово. Гнездовая система, впрочем, проведена недостаточно аккуратно: порой сведены вместе слова лишь созвучные, а не родственные. Например, в одно гнездо были объединены слова: *акт, актёр, акциз, акция, простой и простор, тлеть и тло, колеть и кол.*

Не объединёнными в одно гнездо оказались слова: *дикий и дичь, знак и значок, круг и кружить.*

В 3-м и 4-м изданиях редактор (Бодуэн де Куртенэ) частично перестроил структуру подачи материала, что облегчило пользование словарем, но нарушило авторскую систему.

Даль включил также в словарь несколько слов, которые он сам придумал для замены заимствований: «*сглас*» вместо слова «*гармония*», «*живуля*» – «*автомат*», «*ловкосилье*» – «*гимнастика*». После выхода словаря такая «подделка» была обнаружена. В статье «*Ответ на приговор*» Даль вынужден был сознаться, что в его словаре присутствуют «*слова, не бывшие доселе в обиходе*».

Текст на старорусском языке фрагмент словаря (оригинальная орфография):

П.

П, согласная буква *пе, покой*, по ряду шестнадцатая (из древ. таб. 17-я). В древ. смыслеяи означаетъ 80, восемьдесятъ, а в восьмидесятъ тысячъ. Это любимая согласная русскимъ, особливо въ началѣ слова (какъ въ среднѣи О), и занимаетъ собой (предлагаю) четверть всего словаря.

ПА, предл. слитный, образовавшійся изъ *по*: выражать под, неодо, послѣдствіе или униженіе, низшую степень, и гестя беретъ на себя удрученіе, ипр. *пѣвѣдѣти, пѣводокъ, пѣзуба; пѣшонокъ, пѣши, пѣдчерица, пѣснонокъ*. Вообще, предл. этотъ бол. любить на *ствергъ*, арх. *о.г.*, хотя тамъ говоръ ивнйи, на *о*.

ПА, сщ. ср. несск. фран. въ плыскѣ, особюе движеніе нош. пренѣт, постановка, повортка, выстукка.

ПАВЕРДО ср. *сиб.* одна собачья упряжка, оленьи перегонъ.

ПАБЕРЕЖЬЕ ср. арх. пожня, луга, покосъ на берегу рѣки.

ПАВИЛА ж. *твр. пск.* досада, огорченіе.

ПАВИРКА? *пск. твр.* количество набраннаго? || мн. оборыши, остатки.

ПАВОЛДЫРЬ м. *вост.* дитя (человѣкъ), у коего одинъ изъ родителей, и болѣе отецъ, русскій, европеецъ, а другой болдырь; метись, второе посылные помыси.

ПАБОЛОКИ м. *мн. вор. тлб.* паволоки, конопля, собранная волокомъ, граблями, путаная.

ПАВЪДКИ м. *мн.* бѣды по бѣдамъ, небольшая бѣды или неудачи, какъ хвостъ большой бѣды, по поварью: *бѣда никогда не ходитъ одна. Не такъ бѣды, какъ пѣвѣди, оговариваютъ. Лица бѣды бѣды придти, а пѣвѣди съ ногъ съобють!* *Пѣвѣдный человекъ, побѣдныи, бѣдовикъ*, кто такъ и ходитъ по бѣдамъ. *Пѣвѣдовикъ*, изъ пѣвѣдкамъ отгнсс. *Пѣвѣдиль*, творить бѣды за бѣдами. *Пѣвѣдовать*, переносить пѣвѣдки, бѣду за бѣдой, бѣдовать спорядъ.

ПАВЪДЪ, пѣвѣде ипр. см. *пѣвѣде*.

ПАВЪЛКА ж. *мн. пск. твр.* побылка, небольшая работа бѣдки, бѣленная стѣна у дома. || Мн. остатки бѣды, мѣлу, повести.

ПАВЕЛЬ арх.-век. паукъ.

ПАВЕЧЕРЬЕ ср. солносадъ, самый конецъ свѣтлаго вечера, вечерняя заря. *Пѣвечерия и пѣвечерница* ж. краткая вечерня, малое повечеріе. *Пѣвечерничать*, пѣуживать, закусывать около заката солнца. *Пѣвечорка* ж. *мн.* темные, осенние вечера и работа изъ при огнѣ.

ПАВЛИК(Ц)А, растенея *Suscita*, повилыка, повилика.

ПАВЛИЦОНЪ м. бѣсѣдка, аѣтсея строенъе, украшенное въ разномъ вкусѣ. || Пристрой, но отълнйи отъ дома, дворца, прилкомъ? || *Павлицонъ ракетъ*, букетъ, пукъ, спотъ.

ПАВІАНЪ м. одна изъ среднѣи обезьянъ, болѣе прочихъ похожая на собаку, *Suropsenthalis*.

ПАВКО м. *ол.* *павуѣкъ* *кж.* муховоръ, кошель, тенетникъ, мизиръ, паукъ. *Павко муху свѣмалъ*, поймалъ. *Павкобъ стѣтъ*.

ПАВЛИЦЪ или *павѣ*, *павличникъ*, *павуѣкъ* *кж.* м. *пѣва, пѣвошка, пѣвошча, пѣвушка* ж. (*павличушка, павличичка*), птица *Pavo cristatus*. || Одно изъ южн. совъѣзѣи. *Барыня павой пльветъ. Барынь паводно ходитъ*, гордо, важно. *Или пави, на ворона. Ворона въ павличикъ перьяхъ. Прчтески, какъ пави съ яйцомъ. Какова пави, таковы ей и слава. По павушкѣ и славушка. Знать паву по перьямъ. Идетъ, словно павушка пльветъ. Пави — стѣсивая красавица. Павличъ бы и краснѣ, да нѣзвѣдн мѣстѣтъ. Павично убрннѣтъ павичновѣ не чѣтъ. Павлични перья ямѣую илну красятъ. Павличий, павичий крикъ хуже кошачьяго. Ворона, въ павличикъ перьяхъ, бѣзсловака. Пѣвѣи ножеки. Павличитесь, чваниться, спесивиться, выступать илмѣнно, въ пышнѣи, особенно въ чужой, одеждѣ. Павличничать, то же, но болѣе постоянно. Павчѣ ср. павличий щипленокъ. Павчѣта ковьѣи ишошуетъ. Павличий(и)в-хвостъ, *взлсч.* отдѣлы круглаго свода, идущіе расширяясь отъ средоточія. *Павличьи-очки*, растенея *Aquilegia vulgaris*, орлики, голубки, водосборъ, вечерница колесничка. *Павличичъ*, —*ичичи, пѣвичъ, пѣвичка*, шутч. сынъ и дочь гордыхъ, спесивыхъ, надутыхъ родителей, ж болѣе богатей средняго сословія. *Павличинскъ*, —*ицица*, охотничъ до павичновѣ. *Павличинскъ* м. завеленіе, гдѣ держатъ павичновѣ, птичникъ.*

ПАВЛОВСКОЕ яблоко, пѣвловка, крупное, самое крѣпкое, лежитъ до новыхъ.

ПАВЛУХА? соленовялая треска.

ПАВНА арх.-мез. протокъ, ручей въ болотѣ; это истокъ рѣчечъ, рѣдко замерзаетъ.

ПАВОДЪ ж. *пѣвдовѣ* ср. *пѣвдовѣкъ* м. пѣвдовѣ, внезапное наводнене отъ ливня; небольшой, прохладящій потокъ отъ дождей, не въ половодье. *Нынѣ пѣвдовѣкъи весь мѣлчица понесло, платнии паркала. Бѣркая гроза, что пѣвдовѣкъ (скоро събѣдетъ). Пѣвдовѣкъ за море не сплывѣтъ. Пѣвдовѣка рѣка не стѣпаетъ. Его словно пѣвдовѣкъи взяло!*

ПАВОДИТЬ (*пѣвдовѣтъ*?) *водитъ*? *пѣвдовѣтъ*?) *вѣт.* ходить впередъ, шнырѣтъ, часто бывать глѣ, то-и-тѣло ходить куда. *Онъ все паводитъ у Семѣнчи.*

ПАВОЗИТЬ *товаръ*, и *пѣузитъ*, перевозить грузъ по мелководью, по перекатамъ, на мелкии судакъ, перегружать кладъ временно съ большинъ судовъ на малыя, натружая ихъ снова за мѣсями. *На Тѣлѣчемъ-броду, знатъ, придется намъ пѣввозитесь, пѣузитесь. Пѣввожѣе, пѣввозка дорого становится, бол. говор. пѣуженѣе, пѣузка. || Этъ, его нелегкая павозиты бѣвичи. возитъ, носить. Пѣ-*

В ноябре 2013 г., в Луганскена, родине В.И. Даля в рамках первого этапа арт-проекта украинского художника Андрея Достлева «Луганск – город-словарь», посвященного 150-летию выхода первого тома первого издания словаря, на 300 городских объектах были размещены таблички со статьями из словаря Даля.

Издания:

- 1-е издание Общества любителей Российской словесности, М., в типографии А. Семена, 1863 (т. 1), в типографии Лазаревского института восточных языков, 1865 (тт. 2, 3), в типографии Т. Рис, 1866 (т. 4).

- 2-е, «исправленное и значительно умноженное по рукописи автора» «издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа», СПб., М., 1880, 1881, 1882, 1882.

- 3-е, «исправленное и значительно дополненное издание, под редакцией профессор И.А. Бодуэна-де-Куртенэ», издание «поставщиков Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА» (так указано только в т. 1) товарищества М.О. Вольф, СПб., М., 1903, 1905, 1907, 1909.

В словарь было введено не менее 20 000 новых слов, в том числе вульгарно-бранная лексика (в четвёртом томе). За свои дополнения редактор был подвергнут жёсткой критике, в советское время «Бодуэновский словарь Даля» не переиздавался.

- 4-е, под редакцией И.А.Бодуэна де Куртенэ, СПб., 1912–1914 (повторение предыдущего издания).

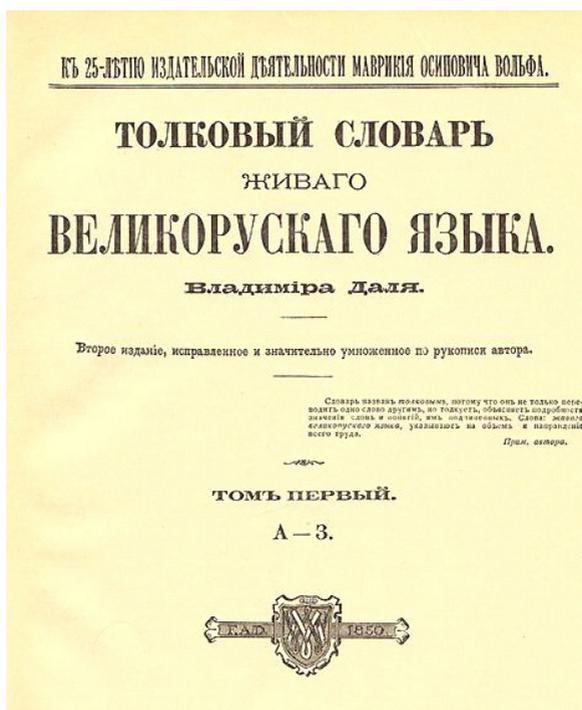
- 7-е, посвящённое 175-летию со дня рождения В.И.Даля, отпечатано фотомеханическим способом с издания 1955 года, которое, в свою очередь, было набрано и напечатано со второго издания 1880–1882 гг. Тираж 200 000 экз. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978.

Большая советская энциклопедия указывает годы 1861–1866, а Словарь Брокгауза и Ефрона и Литературная энциклопедия 1861–1868. Дата «1861» связана с тем, что до полноценного книжного издания начальные части словаря выходили отдельными выпусками-тетрадами.

«Словарь пословиц русского народа»

Другим большим и очень ценным трудом Даля является собрание «Пословиц русского народа». Даль собирал песни, сказки, бытующие в народе. Большая часть из них собрана в Оренбургском крае. «Пословицы русского народа» уникальный и, пожалуй, единственный в своем роде по объему и разнообразию материала – более 36 000 пословиц, поговорок, скороговорок, пустобаек, примет, загадок, структурированных по 179 тематическим разделам, содержит этот сборник. Работа над ним велась В.И. Далем почти пятьдесят лет. На титульном листе первого издания 1862 г.

было отпечатано: «*Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. В. Даля. Пословица несудима*». Открывается сборник разделом "Бог – Вера", далее в порядке, определенном В. И. Далем следуют разделы, например, "Вера – Грех", "Добро – Милость – Зло", "Хорошо – Худо", "Радость – Горе", "Проступок – Грех", "Гульба – Пьянство", "Драка – Война", "Человек – Приметы", "Родина – Чужбина", "Русь – Родина", "Язык – Речь", "Ум – Глупость", "Торговля", "Загадки", "Тайна – Любопытство", "Свое – Чужое", "Божба – Клятва – Порука", "Болтун – Лазутчик", "Брань – Привет", "Причуда", "Суеверия – Приметы", "Пословица – Поговорка", "Припевы", "Присказки", "Скороговорки" и т.п.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ШРИФТОВЪ, ЗНАКОВЪ И ПР.
ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ИЗДАНИИ „СЛОВАРЯ ДАЛЯ“

Въ алфавитномъ порядкѣ, принятомъ нѣкогда самимъ Далемъ, слѣдуетъ считать буквы и и й за одно, т. е. не обращать вовсе вниманія на знакъ краткости надъ и.

Буквы, написанныя въ скобкахъ послѣ другихъ буквъ того-же слова, показываютъ, что слово можетъ или произноситься или же объясняться по своему родству двояко: или такъ, какъ оно написано безъ этой въ скобкахъ поставленной буквы, или же съ нею, но за то безъ буквы, непосредственно предшествующей скобкамъ. Такъ напримѣръ, написаніе *блѣшии(ф)* обозначаетъ, что слово это имѣется въ двоякомъ видѣ: или *блѣшии*, или же *блѣшиф*; написаніе *блѣшиф(в)* указываетъ на возможность двойкой основы въ косвенныхъ падежахъ: или *блѣшиф-а...*, или же *блѣшиф-а...*; написаніе *бога(о)дѣ(б)ля* указываетъ на возможность двойкою словопроизводства: *богадѣля* или *богадѣля* отъ *Бога дѣля*, *Бога дѣля*, т. е. *Бога ради*; или же *богадѣля* отъ *Бога и дѣля* и т. п.

Знаки ударенія выставляются послѣдовательно только въ заглавныхъ словахъ „гнѣздъ“ и въ другихъ словахъ, отмѣченныхъ какъ особые слова, т. е. они примѣняются послѣдовательно только при жирныхъ шрифтахъ обоихъ видовъ, напримѣръ, *Виржа*, *Виржевой*, *Верѣза*, *березнякъ* и т. п.

Въ соединеніи же съ другими шрифтами, прежде всего съ обыкновеннымъ курсивомъ (т. е. съ курсивомъ по-крупнѣе) и съ обыкновеннымъ уставомъ, знаки ударенія встрѣчаются только изрѣдка (лигатура, приѣзень, багѣвъ..., *блѣвъ*, *бизуи*, *бюкѣвъ*..., *берѣза*, *берѣза*...). Въ одномъ только случаѣ удареніе обозначается при всѣхъ вообще шрифтахъ, а именно, когда гласный о съ удареніемъ сочетается съ предшествующими согласными *ж*, *ш*, *ч*; тогда имѣются въ этомъ изданіи сочетанія буквъ *жо*, *шо*, *чо*, *що*, въ противоположность сочетаніямъ буквъ *же*, *ше*, *че*, *ще* слоговъ неударенныхъ.

Два или три ударенія на одномъ и томъ же написанномъ словѣ указываютъ на

возможность двоякаго или даже троякаго произнесенія слова съ этой точки зрѣнія. Такъ напр.

Библиотѣна произносится или *библіотѣна*, или же *библіотѣна*,

астрѣлѣгъ произносится или *астрѣлѣгъ*, или же *астрѣлѣгъ*.

астрѣнѣмъ произносится или *астрѣнѣмъ*, или же *астрѣнѣмъ*,

бѣловѣтъ произносится или *бѣловѣтъ*, или же *бѣловѣтъ*,

бѣндѣръ произносится или *бѣндѣръ*, или же *бѣндѣръ*, и т. п.

Въ случаяхъ двоякаго ударенія словъ, въ которыхъ одинъ изъ слоговъ факультативно ударяемыхъ состоитъ изъ гласнаго о съ предшествующимъ согласнымъ *ж*, *ш*, *ч*, или *шч* (*щ*), я отступаю отъ принятаго мною вообще способа и вмѣсто буквы о примѣняю ѣ. Такъ напримѣръ, слово, произносимое или *благорасположеннѣй*, или же *благорасположеннѣй*, я даю въ словарѣ въ написаніи не *благорасположеннѣй*, но *благорасположеннѣй*.

Русскихъ шрифтовъ въ самомъ текстѣ словаря примѣняется шесть:

самый жирный для заглавныхъ словъ отдѣльныхъ гнѣздъ,

жирный по-мельче и въ разрядку для другихъ отдѣльныхъ словъ въ „гнѣздахъ“ и вообще въ статьяхъ словаря, обыкновенный уставъ — для объясненій словъ и для остальныхъ описаній, равно какъ для см. (смотри), ср. (сравни) и вм. (вмѣсто).

курсивъ обыкновенной величины — для примѣровъ фразъ и выраженій, равно какъ и для словъ, на которыхъ въ концѣ отдѣльныхъ статей („гнѣздъ“, словъ) словаря, а иногда и въ серединѣ, указываютъ ссылки: см., ср.; такъ напр. «*Важеніи* см. *буженіи*», «Ср. *бацильи*» (подъ словомъ *Ватѣвнѣй*) и т. п.

курсивъ petit для сокращеній губерній, мѣстностей и говоровъ,

уставъ petit — для сокращеній фамилій авторовъ, заглавій книгъ, грамматическихъ категорій (напр. родовъ: *м.*, *ж.*, *ср.*), для разныхъ вводныхъ словъ и т. п.

Два послѣднихъ шрифта, курсивъ petit и уставъ petit, употребляются тоже для разныхъ добавочныхъ примѣчаній,

Литература

1. *Бессараб М.Я.* Владимир Даль. М.: Современник, 1968. 288 с.: ил. *Матвиевская Г.П., Зубова И.К.* Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002. 530 с. (Науч.-биограф. лит.).
2. *Порудоминский В.И.* Даль. М.: Мол. гвардия, 1971. – 384 с.: ил. (Жизнь замечат. людей).
3. *Порудоминский В.И.* Жизнь и слово. М.: Мол. гвардия, 1985. 222 с.: ил. (Пионер – значит первый).
4. *Порудоминский В.И.* Повесть о «Толковом словаре». М.: Книга, 1981. 125 с.: ил. (Судьбы книг).
5. *Порудоминский В.И.* Про Владимира Ивановича Даля и его словарь: рассказы. М.: Дет. лит., 1979. 32 с.: ил.
6. *Смирнов А.Е.* Дар Владимира Даля: кн. для внекл. чтения. М.: Дрофа, 2005. 175 с.: ил.
7. Новый русский словарь // М. Катков Русский вестник: журнал литературный и политический. М., 1862. Т. 39. С. 811–825.
8. *Грот Я. К.* Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. СПб.: Типография ИАН, 1869.

Яков Грот «Грамматика» (1885)

Яков Карлович Грот родился в 1812 г. в семье коллежского советника Карла Ефимовича Грота. Был направлен на учёбу в Царскосельский лицей по личному указанию императора Николая I. Окончил в 1832 г. с золотой медалью и поступил на службу в канцелярию комитета министров, состоя в непосредственном ведении барона М.А. Корфа (директор Императорской публичной библиотеки, председатель Бутурлинского комитета, почётный член Петербургской Академии наук). После назначения Корфа государственным секретарем (1835 год) был переведен в его канцелярию.

В 1838 г. состоялось знакомство с П.А. Плетневым, и началось сотрудничество в «Современнике». В 1840 г. назначается чиновником особых поручений при графе Ребиндерге и переезжает

в Финляндию. Занимается инспекцией финских школ по преподаванию русского языка. В 1841 г. становится профессором русской словесности и истории при Императорском Александровском университете. По поручению университетского Совета организовал отдельную русскую библиотеку. В декабре 1852 г. избирается в члены-корреспонденты Императорской Академии наук и в начале следующего года переезжает в Петербург, поступает на службу в Царскосельский лицей профессором словесности. Одновременно назначен преподавателем словесности немецкого языка, истории и географии к Великим Князьям Николаю и Александру Александровичам. В 1858 г. утвержден академиком Российской Императорской академии наук. В декабре 1865 г. избран в члены-корреспонденты Русского Археологического общества. В октябре 1889 г. утвержден вице-президентом Российской Императорской академии наук.

Скончался 24 мая (5 июня) 1893 г. На докладе о кончине Я.К. Грота Государь Император написал: *«Меня эта смерть весьма огорчила. Я знал Якова Карловича более 25 лет и привык любить и уважать эту достойную личность»*.

Я. К. Грот является автором трудов по истории русской словесности. Изучал историю шведской и финской литературы, скандинавский фольклор и морфологию. Был также выдающимся лексикографом, начал издавать «Словарь русского языка» нормативного типа (вышло начало, буквы А–Д, 1891), занимался словарём и стилем отдельных писателей («Словарь к стихотворениям Державина», 1883), основал картотеку словарного сектора Института русского языка РАН. Его труды неоднократно печатались в журнале «Филологические записки» – это русский частный научный журнал, *«посвящённый изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку и литературѣ вообще – и сравнительному языкознанію, по русскому языку и литературе въ особенности – и по славянскимъ наречіямъ»*, основанный учителем русского языка и русской словесности Алексеем Андреевичем Хованским. Известен своими работами в области русской орфографии. В работах «Спорные вопросы русского правописания от Петра Вели-

кого донныне (1873)» и «Русское правописание» (справочник, выдержавший 22 издания в 1885–1916), сформулировал основные принципы правописания – фонетический и историко-этимологический – а также предложил нормы русской (дореформенной) орфографии, по которым его пособие было наиболее авторитетным вплоть до реформы 1918 года, хотя не все его орфографические предложения в этот период соблюдались реально. Работы Грота считаются первым теоретически обоснованным сводом правил русской орфографии. В них помимо прочего содержатся замечания о морфологической роли русского ударения.

Русское правописание
Руководство, составленное по поручению
второго отделения императорской академии наук
академиком Я.К. Гротом.

Часть первая. Основные черты русской фонетики и русская азбука. О звуках речи вообще. Органы речи. Гласные и согласные звуки. Чистые гласные: твердые (*а, о, у, ы*) и мягкие (*э*). Двугласные (дифтонги). Облеченные гласные (*я, е, ё, то*). Ударение. Неударяемые гласные. Согласные звуки: смычные, протонные (*спиранты*). Разделение звуков по органам. Плавные. Носовые. Звуки *ц, ч, щ*. твердость и мягкость согласных: *ъ, ь*. сочетание согласных со следующими за ними гласными. Означение мягкости согласных. Встреча *ера* с гласным *и*. Уподобление звуков в отношении к твердости и мягкости. Двойное произношение звука *е*. Изменение *е* на *ё*. Неизменяемость *е* перед твердым звуком, *ё* перед мягким звуком. Слог *ер* внутри слова. Уподобление голосовых звуков безголосным и наоборот. Случаи такого уподобления. Неуподобляемые согласные. Общий вывод о русской азбуке.

Часть вторая. Глава первая. Правописание. Об употреблении той или иной буквы. Два начала правописания: фонетическое и этимологическое. Сочетаемость букв.

I. Какую употреблять букву из двух, означающих разные звуки? Гласные, *а, о, е* ударяемые, *я, о* неударяемые, *я, е* неударяемые. Сомнительные формы глаголов и существительных имен.

Склонение иностранных собственных имен. Малороссийские фамилии на *ко*. Имена на *ла* и *ло*. Предлоги *раз*, *роз*. Ан или *ен* (в страдательных причастиях) после шипящих, ют или ят, ут или ат в глагольных окончаниях 3-го лица множественного числа. Два разряда глаголов. *Дышет или дышит?* Окончания причастий на *-щий*. Уменьшительные имена. Уменьшительные прилагательные. Окончания прилагательных. В теченіе или в теченіи. Частные случаи начертания и. Окончания множественного числа прилагательных: *-ые, -ья, -іе, -ія*. Глаголы на *оватъ* и *иватъ, ело* после шипящих в ударяемых слогах. Особенность звука *р*. Согласные, *г* или *к*? *г* или *х*? *з* или *с*? Слитно употребляемые предлоги на *з*? *воз, из, низ, раз, без, чрез*. Соединение слов с предлогом *раз*. Прилагательные на *кій, д* или *т*? Частные случаи. Употребление шипящих по производству. Разложение звука *ц*. Разложение звука *ц.ъ* и *ь* после шипящих. После других согласных, *ъ* после приставок, *ъ* не пишется перед твердыми согласными, *ъ* внутри слова – перед облеченною гласной, между двумя согласными. Опущение *ь* вопреки произношению.

II. Какую употреблять букву из двух гласных, означающих один и тот же звук? *и* или *і*?

III. Удвоение согласных. Значение термина удвоение. Два рода удвоения. Этимологическое удвоение. Удвоение в корнях и при встрече с приставками. Скрытое удвоение. Фонетическое удвоение. Удвоение звука *н*. Причастия страдательные. Удвоение звука *т* в глаголе *итти*. Тот же глагол с представками: *войти, зайти, пойти* и проч.

IV. Правописание заимствованных слов. Общее замечание. Два ряда заимствованных слов. Трудность начертаний. Необходимость буквы *э*. Излишество *ижицы*. Передача английского *и*. Удвоение согласных в заимствованных словах. Случаи несоблюдения удвоения. Пропуск согласной в приставке. Случаи двояких начертаний. Излишние удвоения. Удвоения гласных.

V. Употребление больших, или так называемых прописных букв. Общее замечание. Отдельные правила.

Глава вторая. О соединении двух слов в одно. Общее замечание. Отдельные правила. Соединение с предлогом существительного; прилагательного полного, краткого; числительного; местоимения; наречия. Соединение числительных между собой, с существительным или прилагательным. Соединение местоимения с существительным. Соединение местоимения или наречия с союзом или двух союзов между собой. Соединение двух наречий посредством черточки. Отрицания *не, ни*. О переносе частей слова из строки в строку. Слова простые. Слова сложные.

Глава третья. Употребление знаков препинания и других облегчающих правильное чтение знаков.

Назначение знаков препинания. Точка. Двоеточие. Точка с запятой. Запятая между краткими однородными членами предложения. Отделение запятыми придаточных предложений (определятельных, дополнительных и обстоятельственных) от главных. Многоточие. Черта. Отличие ее от черточки. Скобки. Знаки восклицательный и вопросительный. Надстрочные знаки.

Текст на старорусском языке (фрагмент):

«Правописание заимствованных словъ»

Безусловная вражда къ заимствованнымъ словамъ не имѣть разумнаго основанія. Въ каждомъ языкѣ есть такія слова: тѣ, которыя укоренились вслѣдствіе давняго употребленія, могутъ считаться его законными пріобрѣтеніемъ. Подъ вліяніемъ народной фонетики заимствованія этого рода подвергались иногда такими измѣненіямъ, что первоначальный ихъ обликъ становился неузнаваемымъ. Таковы напр. унаслѣдованныя нами отъ Грековъ слова: налой, исполать, укусъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ успѣхови образованности и знакомства съ иностранными языками, является напротивъ стараніе съ возможною точностью сохранять въ чужеземныхъ словахъ ихъ подлинную форму. Тогда случается, что передѣланное слово, издавна получившее въ языкѣ право гражданства, исправляется или уступаети мѣсто своему двойнику, позднѣе зашедшему въ менѣ измѣненной формѣ. Такъ многій я греческія слова переходили къ намъ въ двоякомъ видѣ: спер-

ва сѣКизь Византіи, потомъ сѣтъ изъ западной Европы, сперва сѣвъ, потомъ сѣб, сперва сѣи (по рейхлин.произношеніюв, и), потомъ сѣъ (по эразмовскому выговору): припомними напр. Кеатръ и театръ, риторъ и реторъ, піита и поэтъ, Омиръ и Гомеръ; въ словѣббибліотека мы находимъ всѣ три различія въ сравненіи сѣвивліюКика. Такимъ же образомъ взятое съ нѣмецкаго имя ярмонка, видоизмѣненное такъ по славянской фонетикѣ, не терпящей двухѣр въ одномъ и томъ же словѣ, стало въ недавнее время уступать мѣсто формѣярмарка.

Займствованныя слова, по времени ихъ появленія въ языкѣ, раздѣляются на два разряда: издавна употребительныя могутъ быть названы вполнѣ усвоенными или обрусѣвшими, а другія, новѣйшія, чуждыми. Но между этими двумя главными разрядами могутъ быть еще разныя степени давности займствованія, иногда же и разныя степени обрусѣнія независимо отъ давности; поэтому не всегда можно явственно провести границу между тѣми и другими разрядомъ, а оттуда сомнительная или двойственная форманѣкоторыхъ словъ, вслѣдствіе чего являются и затрудненія въ начертаніяхъ. Такъ напр. обрусѣвшее слово просвира на письмѣ получаетъ болѣе правильную форму.просфора, хотя произведенное отъ перваго народное просвирня не подвергается измѣненію.

Германскіе, романскіе и тѣ славянскіе народы, которые употребляютъ латинское письмо, могутъ писать займствованный западно-европейскія слова безъ всякаго измѣненія ихъ подлинныхъ начертаній. Совершенно въ другомъ положеніи находимся мы. По различію русской звуковой системы съ фонетикой другихъ европейскихъ языковъ и по своеобразности нашей азбуки, начертаніе займствованныхъ словъи преимущественно собственныхъ именъ русскими буквами представляетъ большія трудности.

Мы часто бываемъ лишены возможности написать имя иностраннаго происхождешя такъ, чтобы можно было угадать его подлинную форму, и для ясности принуждены присоединять ее въ скобкахъ. Поэтому мы должны пользоваться всѣми средствами нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ. Остановимся на главныхъ изъ этихъ средствъ, и прежде всего на буквахъ э, г и о.

Интернет-источники

URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%F0%EE%F2,%DF%EA%EE%E2_%CA%E0%F0%EB%EE%E2%E8%F7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Истоки формирования орфографии и пунктуации у славян	6
Донат Элий. «Краткая наука о частях речи» (вторая половина IV в.).....	15
Константин Костенечский «Сказание о письменах» (~1426)	22
«Сказание о письменах и исихазм».....	27
Максим Грек «Грамматика» (1521)	33
«Слово о покаянии»	43
Иван Федоров «Букварь» (1574).....	46
Иоанн Дамаскин «О осмихъ частехъ слова» (~1586)	59
Лаврентий Зизаний «Грамматика» (1596).....	73
Мелетий Смотрицкий «Грамматика» (1619)	82
Памво Беринда «Лексиконъ славенорѠсский и именъ Тлькованїе» (1627)	91
Генрих Лудольф «Грамматика» (1696).....	101
Леонтий Магницкий «Арифметика» (1703)	107
Фёдор Поликарпов «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллино-греческих и латинских сокровище» (1704).....	114
Михаил Васильевич Ломоносов. «Русская Грамматика» (1755).....	122
Владимир Даль. Словари (1861).....	132
«Толковый словарь живого великорусского языка»	134
«Словарь пословиц русского народа»	137
Яков Грот «Грамматика» (1885).....	140

Григорьева Ольга Александровна

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(СЛОВАРИ И ГРАММАТИКИ XV–XIX вв.):
Хрестоматия**

Редактор *Е.М. Кузичева*
Компьютерная верстка *А.С. Шабалиной*

Подписано в печать 06.03.2016
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.
Объем 9, 25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 38

Издательство КРСУ
720000, г. Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2